ТРУДЫ КОМИТЕТА РУССКОЙ КНИГИ

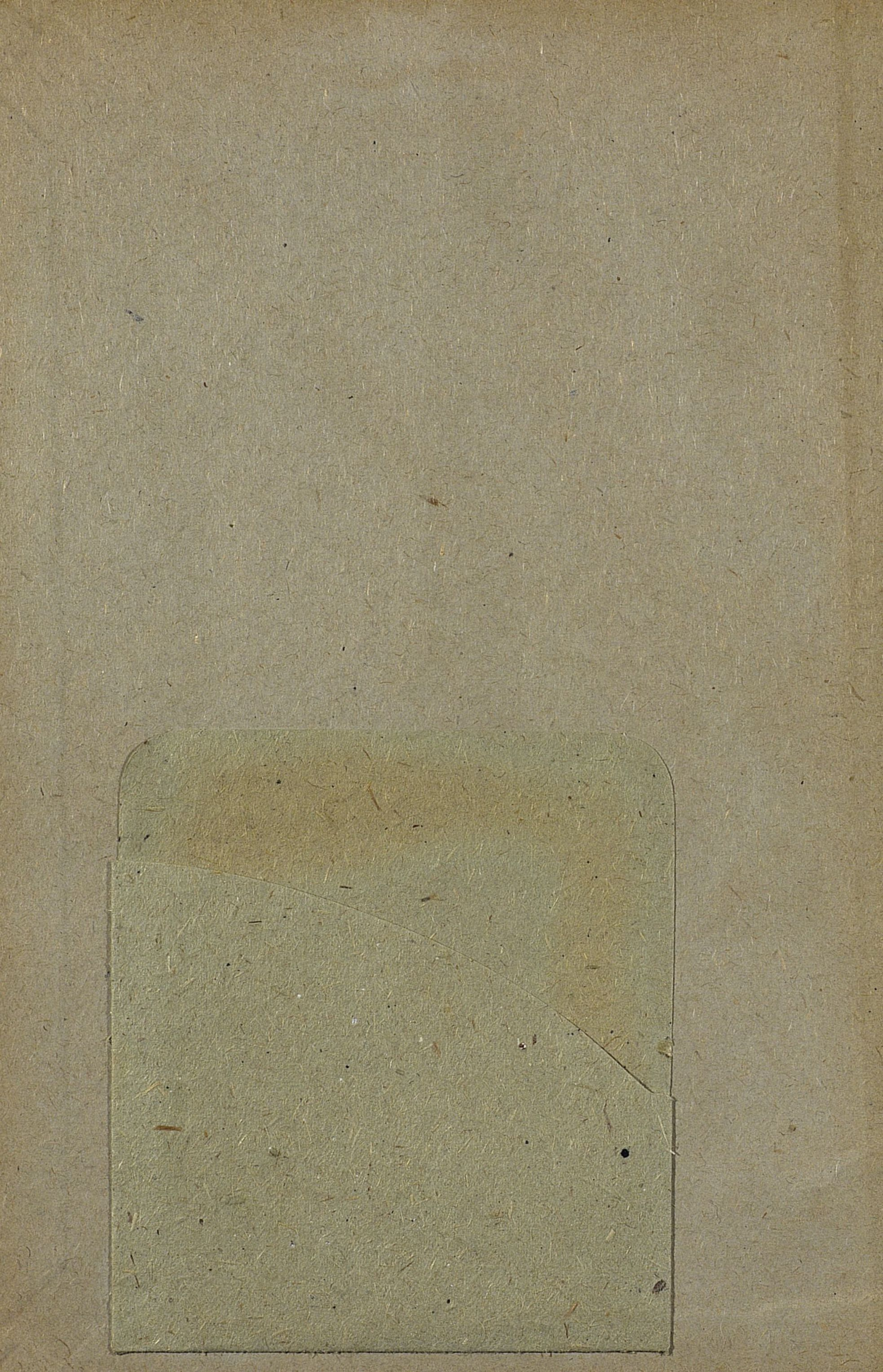
ВЫПУСК I

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ
КОМИТЕТА РУССКОЙ КНИГИ
И
ИЗД-ВА ПЛАМЯ

ПРАГА
1924

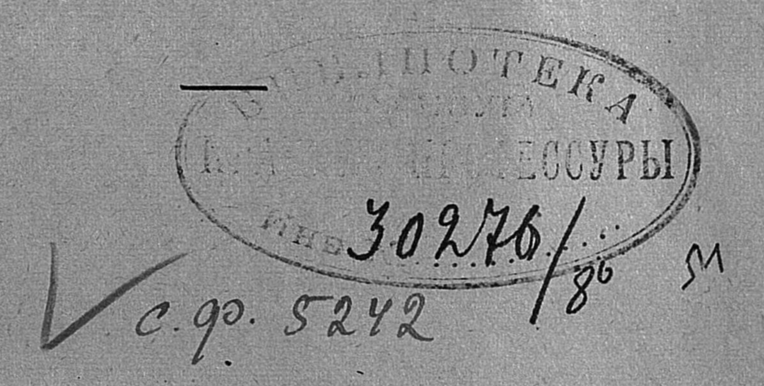

ТРУДЫ
КОМИТЕТА РУССКОЙ КНИГИ
ВЫПУСК I

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Библiографическiе обзоры

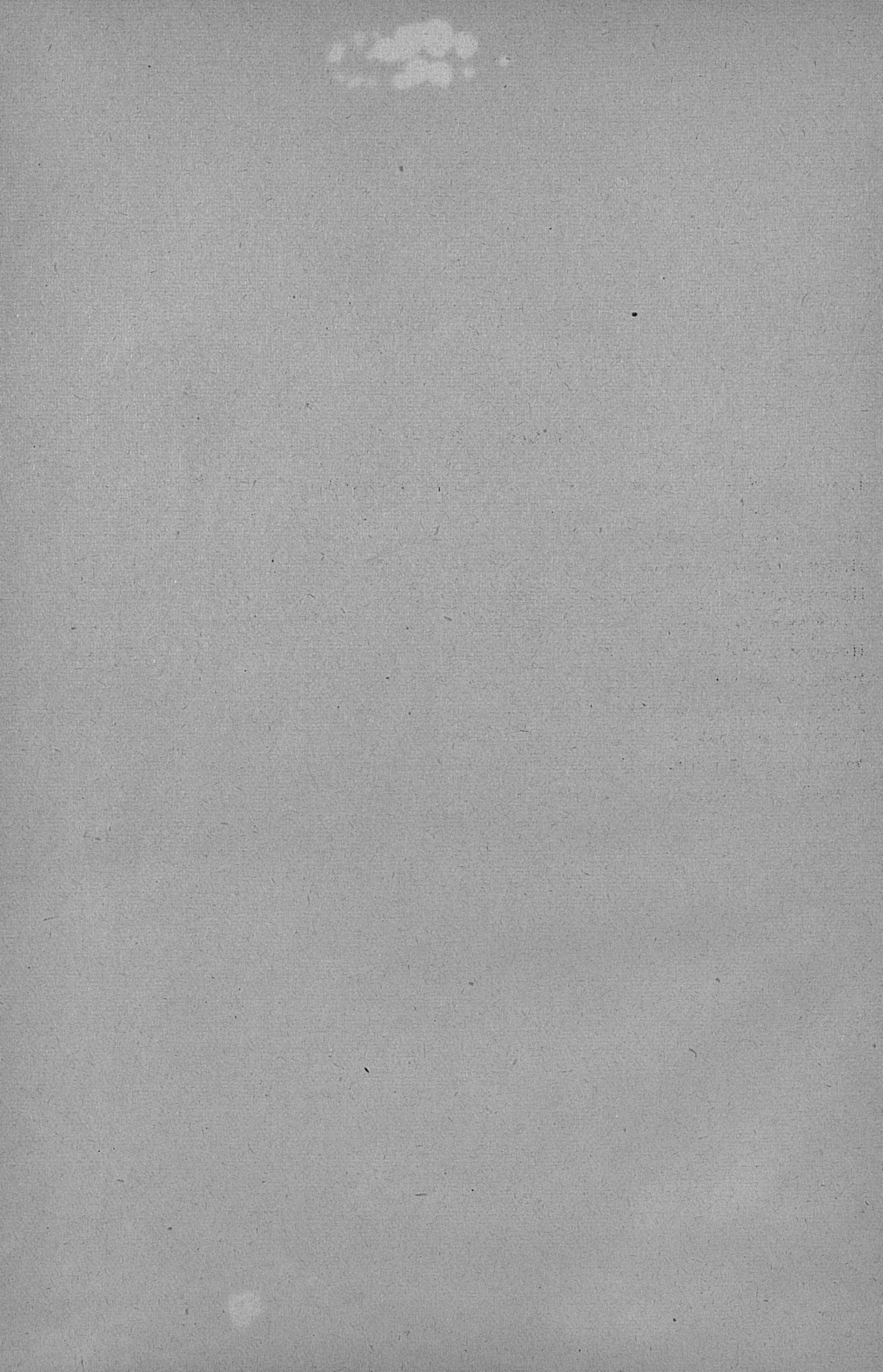

ИЗДАНIЕ
КОМИТЕТА РУССКОЙ КНИГИ
И
ИЗД-ВА ПЛАМЯ

ПРАГА
1924

ТИПОГРАФІЯ „ЛЕГІОГРАФІЯ“,
Praha-Vršovice, Sámova ul. č. 665

Содержаніе.

Комитет Русской Книги.

(Очерк задач и дѣятельности)

С. Варшавскаго.

Мысль о необходимости собрать во-едино и привести в систему то духовное богатство, которое было создано русской эмиграціей в видѣ массы новых книг по всѣм отраслям знанія, естественно должна была родиться в Прагѣ, гдѣ нашли пріют многочисленныя русскія культурно-просвѣтительныя учрежденія. Эта мысль приняла конкретныя очертанія в концѣ первой половины 1923 года, когда было положено основаніе Комитету Русской Книги. Вот список тѣх культурно-просвѣтительных и профессіональных организацій, представители которых были приглашены на первое общее собраніе инціативной группы по устройству названнаго Комитета.

1. Комитет по обезпеченію образованія русских студентов; 2. Земгор; 3. Согор; 4. Русскій Юридическій Факультет; 5. Русскій Институт; 6. Педагогическій Институт; 7. Союз Русских Студентов; 8. Русскій Студенческій Союз; 9. Орэсо; 10. Чешско-Русское Общество; 11. Земледѣльческая Еднота; 12. Университетская Библіотека; 13. Русская гимназія в Прагѣ; 14. Автомобильно-тракторная школа; 15. Желѣзнодорожная школа; 16. Институт сельско-хозяйственной Коопераціи; 17. Кооперативное Издательство; 18. Дѣтскій Сад; 19. Высшіе Коммерческіе Курсы; 20. Библіотека У. М. С. А.; 21. Русская гимназія в М. Тшебовѣ; 22. Горная Академія в Пшибрамѣ; 23. Университет в Брно; 24. Русское Педагогическое Бюро; 25. Русскій Профессіональный Союз Учителей; 26. Совѣт русских академических организацій; 27. Союз русских инженеров в Ч. С. Р.; 28. Редакція журнала «Русская школа за рубежом»; 29. Редакція журнала «Воля Россіи»; 30. Объединенный Казачій Комитет; 31. Редакція журнала «Хутор»; 32. Редакція журнала «Крестьянская Россія»; 33. Редакція журнала «Русская Мысль»; 34. Общество испытателей природы; 35. Общество общественных и юридических наук; 36. Религіозно-философское Общество; 37. Союз русских агрономов

в Ч. С. Р.; 38. Педагогическій кружок; 39. Союз русских писателей и журналистов в Чехословакіи.

Кромѣ перечисленных учрежденій были приглашены отдѣльныя лица, которыя по занимаемым ими нынѣ должностям или по прежней своей дѣятельности могли сообщить свѣдѣнія, полезныя для осуществленія новаго начинанія, как-то деканы факультетов и отдѣленій высших учебных заведеній, завѣдующіе библіотеками и вообще лица, извѣстныя своим опытом в области книжнаго дѣла.

Первое общее собраніе Комитета состоялось 25-го мая. Предсѣдателем собранія единогласно избирается профессор Карлова университета Ю. И. Поливка.

Это первое общее собраніе ограничилось выслушаніем доклада инціативной группы, провѣрило и пополнило список учрежденій и лиц, подлежащих приглашенію на слѣдующее собраніе, которому рѣшено было придать характер учредительскаго и назначить его на 1-го іюня.

В собраніи 1-го іюня Комитет Русской Книги конструировался. На собраніи, кромѣ представителей русских культурно-просвѣтительных организацій, присутствовали чешскіе профессора Ю. И. Поливка и Д. Н. Бэчка, из коих первый был вновь единогласно избран предсѣдателем общаго собранія.

Собраніе опредѣлило конструкцію Комитета и его задачи. В продолжительных преніях при обсужденіи этих вопросов приняли участіе: прив.-доц. М. А. Циммерман, представившій проект конструкціи Комитета, Б. В. Морковин, разработавшій конкретный план работ Комитета, Г. И. Шрейдер, очертившій общія задачи Комитета, Ѳ. С. Мансвѣтов, предложившій ряд практических мѣр для развитія дѣятельности вновь создаваемаго учрежденія, А. С. Изгоев, М. Л. Слоним, прив.-доц. С. І. Карцевскій, прив.-доц. Г. Д. Гурвич, С. И. Варшавскій и А. В. Стоилов, подвергшіе детальному разсмотрѣнію отдѣльные вопросы, стоявшіе перед Комитетом.

Вопросы конструктивные были рѣшены быстро: общее собраніе избирает Президіум Комитета и двѣ Комиссіи, выставочную и библіографическую, примѣнительно к основным задачам Комитета, причем этим Комиссіям дается право кооптаціи.

Избираются эти органы не по принципу представительства от учрежденій, входящих в состав Комитета, а по персональному признаку.

Тут же были произведены и самые выборы. В состав президіума вошли: проф. Ю. И. Поливка — предсѣдатель, проф. А. В. Флоровскій — второй предсѣдатель и члены президіума (в алфавитном порядкѣ): С. И. Варшавскій, А. В. Жекулина, Б. В. Морковин, И. Г. Савченко и Г. И. Шрейдер.

В состав выставочной Комиссіи вошли (в алфавитном порядкѣ): Гр. В. Н. Бобринская, С. И. Варшавскій, П. Д. Климуш-

кин, А. В. Ковалевскій, Б. В. Морковин, Ѳ. С. Мансвѣтов, А. В. Стоилов, прив.-доц. М. А. Циммерман, а в состав библіографической: проф. Д. Н. Бэчка, А. Л. Бэм, прив.-доц. Г. Д. Гурвич, А. С. Изгоев, проф. А. А. Кизеветтер, прив.-доц. С. І. Карцевскій, проф. А. В. Маклецов, С. К. Маковскій, М. Л. Слоним и Г. И. Шрейдер.

Позднѣе в состав библіографической Комиссіи вошли С. П. Постников и В. Н. Тукалевскій, очень много поработавшие для развитія ея дѣятельности. Опредѣленіе задач Комитета отняло значительно больше времени, чѣм конструктивные вопросы, причем больше всего споров вызвал вопрос об отношеніи к так называемой «совѣтской» книгѣ, т. е. к книгѣ, вышедшей в Россіи при совѣтской власти.

Всѣ высказывавшіеся по этому вопросу сходились на том, что «совѣтской» книги, если не считать агитаціонной и вѣдомственной литературы, в настоящем значеніи этого слова не существует, а есть книга, созданная русскими культурными силами, несмотря на существованіе совѣтской власти, и что мимо этой книги пройти нельзя. Но мнѣнія расходились по вопросу о том, в какой степени для Комитета является посильной задача собиранія книг, вышедших в Россіи, и может ли Комитет получить эти книги, не приходя в соприкосновеніе с совѣтскими учрежденіями.

В результатѣ преній были предложены три резолюціи. Согласно первой, на книжную выставку, устройство которой было признано одной из первых задач Комитета, допускались всѣ русскія книги, согласно второй— только книги, вышедшія за границей и, наконец, согласно третьей, на выставку допускались как книги, вышедшія за границей, так и изданныя при совѣтской власти, но с ограниченіем: принимались лишь научныя книги и учебники.

Собраніе приняло первую резолюцію, присоединив к ней ограниченіе, выраженное в третьей резолюціи, в видѣ простого пожеланія. Таким образом, общее собраніе предоставило своим исполнительным органам широкое поле дѣятельности.

Чтобы не возвращаться в дальнѣйшем к конструктивным вопросам, представляется умѣстным здѣсь привести текст «Положенія» о Комитетѣ, которое было принято в одном из слѣдующих общих собраній, спеціально для утвержденія этого Положенія созванном.

Положеніе о Комитетѣ Русской Книги.

1. Задачей Комитета Русской Книги в Прагѣ является: обединеніе лиц, интересующихся русской книгой; б) устройство в Прагѣ книжной выставки, посвященной русской книгѣ, вышед-

шей с начала великой войны на территоріи Россіи и за границей, а также книгѣ о Россіи на различных Европейских языках, и особенно на чешском языкѣ, и русской книгѣ, переведенной на чешскій язык; в) разработка библіографическаго матеріала о тѣх категоріях книг, которыя исчислены в пунктѣ «б».

2. Органами Комитета являются: 1) Общее собраніе; 2) Президіум Комитета; 3) Комиссіи.

3. Общее Собраніе Комитета составляется из представителей всѣх культурно-просвѣтительных организацій в Чехо-Словакіи, интересующихся русской книгой, командируемых этими организаціями в качествѣ лиц, наиболѣе близко стоящих к русскому книжному дѣлу, а также отдѣльных лиц, извѣстных своими работами на поприщѣ развитія книжнаго дѣла.

4. К вѣдѣнію Общаго Собранія Комитета относятся: 1) избраніе Президіума (избраніе перваго и второго предсѣдателей производится особо); 2) избраніе комиссій; 3) установленіе общаго плана работы Комитета и выработка общих указаній; 4) разсмотрѣніе и утвержденіе отчетов Президіума; 5) рѣшеніе всѣх вопросов, выходящих из предѣлов компетенціи Президіума; 6) ликвидація Комитета.

5. Президіум и Комиссіи избираются Общим Собраніем из своего состава не по принципу представительства от организацій, а по персональному признаку.

6. К вѣдѣнію Президіума Комитета относятся: 1) руководство всей текущей работой Комитета; 2) сношенія от имени Комитета с надлежащими учрежденіями и лицами; 3) заключеніе с подлежащими учрежденіями и лицами соглашеній, необходимых для осуществленія задач Комитета; 4) участіе в дѣятельности Комиссій в лицѣ своих членов, делегируемых в эти Комиссіи с правом рѣшающаго голоса; 5) производство необходимых расходов и веденіе денежной отчетности, причем расходы, необходимые для развитія дѣятельности Комиссій, производятся по представленію этих Комиссій за подписью их Предсѣдателей; 6) созыв Общих Собраній Комитета.

Примѣчаніе. Первый и второй предсѣдатели Президіума избираются Общим Собраніем (см. п. 4); товарищ предсѣдателя, секретарь и казначей избираются самим Президіумом; по его приглашенію на засѣданіях могут присутствовать с правом совѣщательнаго голоса лица, могущія содѣйствовать осуществленію задач Комитета.

7. Комиссіи, первоначальный состав коих избирается Общим Собраніем (§ 4) пользуются правом кооптаціи. Комиссіи избирают своих предсѣдателей и секретарей, устанавливают внутренній распорядок своих работ и пользуются в сферѣ своей компетенціи полной самостоятельностью, обращаясь к содѣйствію Президіума при сношеніях с различными учрежденіями и лицами,

а также по вопросам, затрагивающим сферу дѣятельности других органов Комитета.

8. Комитет имѣет печать с обозначеніем своего названія на русском и чешском языкѣ.

II.

Президіум Комитета Русской Книги и его Комиссіи прежде всего, кромѣ внутренней конструктивной работы, занялись точным опредѣленіем стоящих перед ними задач.

Рѣшеніе собрать и привести в систему книжное богатство, созданное за русским рубежом, вызывало необходимость установить тот період времени, к которому должны были относиться собираемыя книги.

Первоначально предполагалось ограничить этот період послѣдними шестью годами, начиная с момента октябрьской революціи, вызвавшей дѣленіе Россіи на два лагеря, большевицкій и антибольшевицкій и предопредѣлившей образованіе эмиграціи. Но потом это предположеніе было оставлено, так как было признано необходимым собирать не только эмигрантскую, но вообще зарубежную русскую книгу, ограничив період времени, к которому должна была относиться эта книга, послѣдними десятью годами, начиная с момента объявленія великой войны, сдѣлавшей невозможным нормальное культурное общеніе между Россіей и Западной Европой.

Принятіе этого порядка представляло то удобство, что при нем момент внутренней междоусобной борьбы в Россіи замѣнялся моментом, имѣющим болѣе общее значеніе для всей Европы.

Указанное рѣшеніе нашло отраженіе в первых оповѣщеніях о своей работѣ, с которыми Комитет выступил на страницах общей прессы в слѣдующих выраженіях: «Задача Комитета Русской Книги — широкое ознакомленіе Европы со всѣми достиженіями в области русской книги за послѣднія десять лѣт, считая с начала великой войны. Комитет — учрежденіе, чуждое политикѣ. Его интересует работа русской мысли, поскольку она отразилась в русской книгѣ, вышедшей за послѣдніе годы, когда Россія была изолирована и когда она переживала тягчайшій період гражданской войны».

С перваго момента возникновенія для Комитета было очевидно, что и в указанных предѣлах времени он должен будет сузить свою задачу, ограничившись собираніем и систематизаціей русских книг, вышедших за-рубежом, и заранѣе примириться с мыслью, что собрать то книжное богатство, которое в теченіе послѣдних лѣт было создано в самой Россіи, для него, в виду существующих политических затрудненій, может оказаться непосильным. Но от попытки получить книги, вышедшія в

Россіи, Комитет рѣшил отнюдь не отказываться, а, наоборот, приложить всѣ усилія, чтобы эти книги получить. Комитет отправлялся от мысли, что в создаваемых им библіографических бюллетенях и на проектируемой им выставкѣ должна найти мѣсто всякая книга, изданная на русском языкѣ в теченіе установленнаго періода времени.

С этой точки зрѣнія даже чисто агитаціонная политическая литература большевиков могла быть допущена на выставку.

Но Комитет считал необходимым, именно для огражденія принципа полной аполитичности, положеннаго в основу его дѣятельности, рѣшительно пресѣчь всякія попытки использовать выставку для политических демонстрацій, путем окруженія книг политическими эмблемами, флагами, портретами политических дѣятелей и т. п.

С другой стороны, Комитет считал для себя, как общественной эмигрантской организаціи, совершенно недопустимым какія-либо сношенія с совѣтскими учрежденіями для полученія книг.

При таком положеніи вещей задача пріобрѣсти для выставки книги, вышедшія в Россіи, становилась исключительно трудной.

Выход был намѣчен благодаря содѣйствію чешских общественных организацій.

«Общество Друзей Масариковой Академіи Труда» взяло на себя переговоры, связанные с привлеченіем на выставку книги, вышедшей в совѣтской Россіи.

Отношенія между Комитетом и названным Обществом были конструированы слѣдующим образом. Между Комитетом и Обществом был заключен договор, согласно которому Комитет предоставлял Об—ву половину общей выставочной площади для организаціи отдѣла, посвященнаго книгѣ, вышедшей в Россіи послѣ 1914 г. (с начала войны).

Вопрос о выборѣ книг рѣшался вторым пунктом договора, который был редактирован слѣдующим образом: «Общество Друзей Масариковой Академіи Труда» принимает на себя заполненіе названнаго отдѣла книгами ученаго и учебнаго характера, вышедшими в Россіи за послѣднія 9 лѣт (с начала войны), каковыя книги подлежат обязательному помѣщенію на выставкѣ, и, кромѣ того, пріобрѣтает право, послѣ выполненія указанной задачи, помѣстить книги другого рода, если это позволят техническія условія выставки».

Комитет, как выше уже было пояснено, считал, что всякая книга на русском языкѣ, вышедшая в теченіе установленнаго періода времени, может быть допущена на выставку, но при невозможности собрать всѣ вышедшія книги и необходимости дѣлать выбор, книгам научнаго содержанія и учебникам должно быть отдано преимущество.

С точки зрѣнія Комитета представлялось желательным привлечь на выставку всѣ книги означеннаго характера, т. е. ученаго и учебнаго, но в то же время Комитет должен был считаться с тѣм, что совѣтскія издательства могут наводнить выставку агитаціонной литературой за счет ученой и учебной. Вот почему Комитет возлагает на «Общество Друзей Масариковой Академіи Труда» **обязанность** получить всѣ книги ученаго и учебнаго характера и лишь послѣ выполненія этой задачи предоставляло **право** выставить книги другого рода, поскольку это позволят техническія условія.

При добросовѣстном исполненіи этого условія со стороны совѣтских издательств и при ограниченных размѣрах выставочной площади дѣло ограничилось бы книгами научнаго и учебнаго характера, и задача была бы достигнута: на выставкѣ были бы представлены наиболѣе выжныя, с точки зрѣнія Комитета, книги.

Комитету пришлось принять мѣры и на тот случай, если бы совѣтскія учрежденія, согласившись предоставить «О—ву Друзей Масариковой Академіи Труда» нужныя книги, прикомандировали бы, под предлогом их охраны, своих политических агентов. Вот почему в договорѣ с О—вом был введен особый пункт, согласно которому всѣ лица, обслуживающія тот отдѣл выставки, который отводился для вышедшей в Россіи книги, могли приглашаться лишь по согласію с Комитетом.

Но, не желая создавать для совѣтских издательств никаких привилегій и тщательно отметая всякую возможность, так сказать, политическаго оказательства с их стороны, Комитет ставил своего контрагента по организаціи «совѣтскаго» отдѣла в условія, равныя с другими издательскими фирмами, участвующими на выставкѣ.

При этом однако «совѣтскій» отдѣл, т. е. отдѣл посвященный книгѣ, вышедшей в Россіи, отнюдь не должен был именоваться совѣтским, а должен был носить такое наименованіе: «Книги, вышедшія в Россіи с 1914 по 1924 г. Отдѣл организован Обществом Друзей Масариковой Академіи Труда».

Словом, поскольку это зависѣло от Комитета, он при участіи своих чешских друзей сдѣлал все, чтобы получить для выставки книги, вышедшія в Россіи за послѣднія десят лѣт, но принял в тоже самое время всѣ мѣры, чтобы совершенно устранить агитаціонно-политическій момент.

Для Комитета была важна русская книга, как проявленіе русскаго творчества, и политическія цѣли им рѣшительно отметались.

«Общество Друзей Масариковой Академіи Труда» очень энергично принялось за работу, надѣясь, что политическія затрудненія не помѣшают ему осуществить принятую на себя культурную задачу.

Однако, надеждам Общества не суждено было осуществиться, так как оно неожиданно натолкнулось на такую бюрократическую волокиту со стороны совѣтских учрежденій, которая, в концѣ концов, заставила его отказаться от исполненія принятой на себя задачи.

Предсѣдатель «Общества Друзей Масариковой Академіи Труда», инженер И. Ф. Рикси, прекрасно владѣющій русским языком и большой знаток русской книги, воспользовался своим пребываніем в Москвѣ, чтобы установить непосредственныя отношенія с дѣятелями Наркомпрос'а в цѣлях полученія книг для выставки.

Г-н Рикси періодически знакомил Комитет с результатами своих переговоров. Одно время эти переговоры, как будто, приняли вполнѣ благопріятный поворот.

В отношеніи Россійской Центральной Книжной Палаты от 25 октября 1923 г., посланном через Чехо-Словацкую Миссію г-ну Рикси и впослѣдствіи им любезно сообщенном Комитету значится: «Россійская Центральная Книжная Палата сообщает, что по возбужденному Вами вопросу о выставкѣ русских книг в Прагѣ, передан доклад в Наркомпрос (Главнауку). Завнарком по просвѣщенію проф. М. Н. Покровскій предлагает поставить этот вопрос на ближайшее засѣданіе Коллегіи. Госиздат ходатайство поддерживает. Н. Ф. Яницкій» (предсѣдатель Центр. Книж. Палаты).

Но несмотря на то, что «Госиздат» поддерживал, «Завнарком» предлагал, а «Наркомпрос» своевременно получил доклад, ничего из этих переговоров не вышло.

И не то, чтобы «Наркомпрос» или «Главнаука» высказались против проекта в цѣлом или признали отдѣльныя условія его непріемлемыми, а они просто не дали никакого отвѣта: сначала сам г-н Рикси, пока был в Москвѣ, настаивал на полученіи отвѣта, потом его секретарь, оставшійся в Москвѣ послѣ его отъѣзда, многократно наводил справки, но так в теченіе нѣскольких мѣсяцев никакого толка добиться не удалось.

В результатѣ «Общество Друзей Масариковой Академіи Труда», которое, руководствуясь исключительно безкорыстным стремленіем помочь организаціи культурнаго дѣла, взяло на себя задачу по созданію на выставкѣ отдѣла, посвященнаго книгѣ, вышедшей в Россіи, должно было признать эту задачу неосуществимой.

Комитет Русской Книги, с своей стороны, будучи поставлен г-ном Рикси в извѣстность о результатах его переговоров, признал дальнѣшія попытки к привлеченію книг, вышедших в Россіи, безнадежными. Принеся благодарность г-ну Рикси за понесенныя им хлопоты, Комитет рѣшил отказаться от устройства «совѣтскаго» отдѣла на показательной части выставки, предоставив

лишь отдѣльным книжным фирмам выставить в их торговых кіосках тѣ из книг, вышедших в Россіи, которыя оказались-бы в их распоряженіи.

III.

Рѣшеніе Комитета отказаться от устройства на выставкѣ спеціальнаго отдѣла, посвященнаго книгѣ, вышедшей в Россіи, дало ему возможность сосредоточить все свое вниманіе на организаціи отдѣла русской зарубежной книги и расширеніи работы библіографической секціи.

Комитетом были приняты мѣры, направленныя к сосредоточенію свѣдѣній о всѣх книгах на русском языкѣ, вышедших за рубежом в теченіе послѣдних десяти лѣт.

Комитет не мог ограничиться существующими библіографическими справочниками и каталогами частных фирм и рѣшил провѣрить и восполнить имѣющіяся в них свѣдѣнія путем обращенія к издательским фирмам и отдѣльным авторам, а также путем созданія сѣти собственных корреспондентов в отдѣльных странах, по которым разсѣялась русская эмиграція. Задача этих корреспондентов сотояла в том, чтобы на мѣстѣ, в отдѣльных центрах эмиграціи собрать свѣдѣнія о всѣх вышедших на русском языкѣ печатных произведеніях, книгах, брошюрах, сборниках, періодических изданіях и т. п.

В качествѣ корреспондентов Комитетом избирались лица, принадлежащія к тѣм мѣстным культурно-просвѣтительным организаціям, которыя по роду своей дѣятельности могли располагать необходимыми свѣдѣніями.

Такіе корреспонденты Комитета имѣются в настоящее время в рядѣ городов Европы (Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Константинополѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Гельсингфорсѣ, Ковнѣ), а также в Нью-Іоркѣ и Харбинѣ.

В виду сравнительно незначительнаго промежутка времени, прошедшаго с момента принятія Комитетом рѣшенія о необходимости имѣть своих корреспондентов, организація сѣти корреспондентов является незаконченной. Только от нѣкоторых корреспондентов получены исчерпывающія свѣдѣнія, а от других лишь принципіальныя согласія и заявленія о том, что они приступили к работѣ.

Таким образом, этот вспомогательный институт, созданный Комитетом, ко времени настоящаго «Перваго выпуска Трудов Комитета» не мог быть использован полностью. Однако Комитет рѣшил не останавливать перваго выпуска, имѣя в виду в дальнѣйшем, при слѣдующих выпусках своих библіографических бюллетеней, восполнить неизбѣжные пробѣлы.

При развитіи работы Комитета, он пришел к необходимости расширить свою дѣятельность в трех направленіях и начать

собирать, кромѣ книг на русском языкѣ, также и свѣдѣнія о: а) книгах, написанных русскими авторами на иностранных языках; б) книгах о Россіи, написанных нерусскими и в) переводах русских авторов на иностранные языки. Помимо этого самое существо задач, стоящих перед Комитетом, требовало расширенія понятія «Книга» в смыслѣ необходимости собрать свѣдѣнія о тѣх работах русских авторов (на русском и иностранных языках), которыя появились не в видѣ отдѣльных книг, а в видѣ статей в различных сборниках и журналах (исключая газеты).

Однако, в виду недостатка времени, Комитет считал невозможным откладывать открытіе выставки и первый выпуск библіографическаго сборника, и рѣшил результаты работ, начатых в вышеуказанных направленіях, систематически и полностью использовать при дальнѣйших выпусках своих библіографических сборников.

Самая мысль о необходимости изданія библіографических сборников, о которых уже нѣсколько раз выше упоминалось, явилась в процессѣ самой работы. Для Комитета по мѣрѣ развитія его дѣятельности стало ясным, что для ознакомленія с тѣм духовным богатством, которое было создано русской эмиграціей в видѣ книг по разным отраслям знанія, не достаточно просто собрать и выставить эти книги, а необходимо создать систематическій каталог, который бы явился прежде всего путеводителем по выставкѣ.

Однако простой перечень книг, хотя бы удовлетворяющій требованіям извѣстной системы, не мог дать, по мнѣнію Комитета, концентрированнаго впечатлѣнія о размѣрах духовной продукціи в той или иной отрасли знанія. Эта цѣль могла быть достигнута лишь путем ряда библіографических обзоров, относящихся к соотвѣтствующим отраслям науки и искусства.

Отсюда и явилась мысль — использовать для созданія этих обзоров тѣ культурныя силы, которыя в таком значительном числѣ оказались сосредоточенными в Прагѣ.

Таким путем опредѣлилась необходимость созданія особаго библіографическаго сборника, распадающагося на двѣ части: первую, представляющую ряд библіографических обзоров по разным отраслям знанія и вторую — систематически-разработанный каталог.

Предложеніе Комитета, обращенное к представителям русской науки и литературной критики, принять на себя составленіе первой части, нашло живѣйшій отклик.

Но опять-таки ограниченность времени и зависимость, в которой авторы обзоров по отдѣлным отраслям знанія находились от собиранія матеріалов, относящихся ко второй части сборника, (к систематическому каталогу), заставили Комитет отложить до слѣдующаго выпуска ряд библіографических очер-

ков (по искусству, математикѣ, естественным наукам, мемуарной литературѣ и т. д.) и ограничиться для перваго выпуска работами, уже законченными.

Употребляя выраженіе «законченныя работы», нужно пояснить, что здѣсь рѣчь идет о законченности относительной: к моменту составленія даннаго обзора и в рамках, имѣвшихся в распоряженіи составителя матеріалов.

Сборнику в цѣлом рѣшено дать наименованіе «Русская Зарубежная Книга», причем обѣ части сборника совершенно самостоятельны и могут быть пріобрѣтаемы отдѣльно одна от другой. Книга эта является первым выпуском трудов Комитета, ибо, как пояснялось выше, Комитет предполагает в дальнѣйшем дать ряд библіографических обзоров, касающихся русских книг, не попавших в первый выпуск, а равно и книг, написанных о Россіи на иностранных языках.

В дальнѣйшем, кромѣ того, как уже также подчеркивалось, будут разработаны матеріалы, касающіеся переводов русских авторов на иностранные языки, причем особое вниманіе будет удѣлено переводам на чешскій язык, язык той страны, гдѣ мысль о собираніи и сохраненіи русскаго духовнаго богатства встрѣтила такое исключительное сочувствіе.

Наконец, слѣдует отмѣтить, что в ближайшем будущем издаваемые Комитетом библіографическіе бюллетени рѣшено перевести на чешскій и французскій языки.

IV.

Организаціоная работа по устройству выставки русской книги потребовала довольно много времени. Комитет при помощи переписки с книжными фирмами и отдѣльными авторами старался привлечь на выставку все то русское книжное богатство, которое было создано за послѣдніе годы.

Можно с чувством удовлетворенія отмѣтить, что русскія книжныя фирмы отнеслись к мысли об устройствѣ выставки с полным сочувствіем, причем при выработкѣ условій участія на выставкѣ ставили свои коммерческіе интересы на задній план, выдвигая на первое мѣсто культурно-показательныя задачи.

Это рѣшительное превалированіе культурных интересов над матеріальными особенно отчетливо сказалось в том, как широко откликнулись русскія книжныя фирмы на призыв Комитета жертвовать книги на предмет образованія Русской Книжной Палаты за границей.

Мысль о необходимости образованія такой палаты возникла также в ходѣ работ Комитета.

Проф. А. В. Флоровскій разработал проект, гдѣ подробно доказывалась потребность создать в Европѣ централь-

ное книгохранилище, которое могло-бы сберечь результаты духовной продукціи тѣх русских культурных сил, которыя временно оказались за родным рубежом.

Положенія проф. А. В. Флоровскаго встрѣтили общее сочувствіе, и вопрос об организаціи Книжной Палаты был поставлен на реальную почву.

Но в конечном итогѣ созданіе этого учрежденія в значительной степени зависѣло от книжных фирм, ибо в случаѣ их отказа от пожертвованія своих изданій в фонд Книжной Палаты, Комитет лишен был бы возможности, при ограниченности своих средств, пріобрѣсти эти книги.

Но книжныя фирмы в этом отношеніи широко пошли навстрѣчу Комитету, пересылая на свой счет в Прагу цѣлые комплекты своих изданій, в общем составляющіе большую матеріальную цѣнность.

Таким образом, работа по осуществленію первоначальной задачи — организаціи выставки — в то же время положила основаніе новому русскому культурному учрежденію за границей — Русской Книжной Палатѣ.

V.

Всѣ достиженія, о которых говорилось выше, оказались возможными лишь благодаря стеченію ряда благопріятных обстоятельств.

Рѣшающим моментом, опредѣлившим возможность осуществить задачи, стоявшей перед Комитетом Русской Книги, было отношеніе чешских правительственных и общественных кругов.

Начинанія Комитета с первых же шагов встрѣтили такое внимательное отношеніе и такое широкое сочувствіе, что их успѣх был обезпечен. Мысли о необходимости собрать, сберечь русскую книгу, продукты русскаго духовнаго творчества, перед чешскими кругами не приходилось доказывать: казалось, что она им настолько же близка, как если бы рѣчь шла о сохраненіи чешской книги.

Комитет Русской Книги в Министерствѣ Иностранных Дѣл Чехословацкой Республики и в Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не всрѣтил отказа ни в одном из своих ходатайств.

Академія Наук взяла Комитет под свое покровительство.

Не менѣе сочувственным оказалось отношеніе муниципалитета города Праги, к которому Комитет обратился с просьбой о предоставленіи помѣщенія для выставки и о взятіи ея под свой протекторат.

Эта просьба была уважена. По указанію г.г. Бакса и Ротнагеля, стоящих во главѣ муниципалитета, Комитет обратился к ректору семинаріи в Клементинумѣ (католическій монастырь) с просьбой о предоставленіи для выставки помѣщенія «рефекторіума»,

представляющаго чудесный колоссальный зал, созданный еще в XVI вѣкѣ и украшенный старинными картинами.

Ректор отвѣтил Комитету, что этот зал не мог бы быть предоставлен даже за большія деньги, но во вниманіе к «духовным интересам великаго русскаго народа» ректор отдает помѣщеніе для выставки русской книги безплатно.

Предоставленіе такого прекраснаго помѣщенія ставило перед Комитетом новую задачу — озаботиться о художественной сторонѣ выставки.

Нельзя в заключеніе не отмѣтить с благодарностью того исключительнаго вниманія и доброжелательнаго отношенія, которое Комитет встрѣтил со стороны издательства «Пламя». Начиная с руководителей издательства, проф. Е. А. Ляцкаго и Ѳ. С. Мансвѣтова, которые содѣйствовали работѣ Комитета и лично — совѣтами, опытом и связями — и путем предоставленія безплатнаго помѣщенія для канцеляріи Комитета и возможности пользоваться всѣм налаженным аппаратом большого книжнаго дѣла, и кончая служащими, от высших до низших, русскими и чехами — всѣ смотрѣли на Комитет, бывшій очень безпокойным и посторонним учрежденіем в стѣнах издательства, как на культурное русское учрежденіе, заслуживающее всяческой поддержки.

Только благодаря атмосферѣ культурнаго радушія и взаимнаго доброжелательства, которая создалась внутри Комитета и вокруг него, этому учрежденію удалось, несмотря на политическую разнородность его личнаго состава, наладить работу по осуществленію стоявших перед ним задач.

С чувством особой благодарности Комитет должен отмѣтить содѣйствіе со стороны русской прессы, без различія направленій, пришедшей на помощь Комитету.

Работы впереди еще много.

Но, если то, что удалось сдѣлать до сих пор, поможет установленію правильнаго взгляда на русскую эмиграцію, как совокупность людей, сохранивших, при безмѣрно трудных условіях, способность к духовному творчеству, к созиданію культурных цѣнностей, Комитет будет считать себя вполнѣ удовлетворенным.

Философская литература.

Георгія В. Флоровскаго.

Зарубежная литература — только часть, только отрывок литературы общерусской, — поэтому так трудно разсматривать ее обособленно. По темам своим и по содержанію зарубежная философская и религіозная литература непосредственно примыкает к преемственным преданіям и недавняго и давняго русскаго прошлаго. Внѣшним образом это выражается тѣм, что мы встрѣчаемся все с прежними именами, а большинство изданных заграницею книг были написаны еще в Россіи, и иныя из них там увидали и свѣт впервые, даже уже послѣ октябрьскаго разгрома. Нельзя совершенно отдѣлить зарубежныя изданія и от «совѣтских», — нельзя уже хотя бы в силу существованія двуликих издательств, имѣющих осѣдлость не то в Берлинѣ, не то в Москвѣ; и поэтому за рубежом издаются и книги авторов, оставшихся в Россіи. — Эти обстоятельства необходимо учесть для того, чтобы получить возможность вѣрно воспользоваться библіографическими справками для заключенія о характерѣ и смыслѣ творческих исканій, нашедших себѣ выраженіе в печатном словѣ.

С внѣшней, количественной стороны издательскія достиженія в области философской литературы — незначительны, в области религіозной — даже ничтожны, — по сравненію с обильною и многостороннею литературою до-революціоннаго времени. Причины этого легко понятны. Революціонный разгром загасил старые культурные очаги, распылил и атомизировал русскій ученый мір, прекратил и нарушил дѣятельность хорошо слаженнаго организаціоннаго аппарата. Достаточно вспомнить, что прекратили свое существованіе всѣ философскіе и богословскіе журналы, — их было в Россіи больше десяти. Возстановить и наладить это заново, — для этого требуется не только время, но и трудно осуществимая в условіях текучей общественности конъюнктура: требуется возстановить всю ту сложную культурно-творческую организацію общества, которая слагалась десятилѣтіями на основах наслѣдственнаго накопленія навыков и достиженій. Не слѣдует смущаться тѣм, что пока сдѣлано немного; и еще менѣе

позволительно отсюда заключать к ослабленію творческой напряженности и паденію производительности русской мысли. Нужно помнить о насильственном разрывѣ, произведенном в русском культурном мірѣ, вынужденным бѣженством и эмиграціей. Нужно учитывать недостаточность пока возстановленных выразительных средств: вѣдь только буквально на днях осуществился первый зарубежный ученый журнал — «Ученыя Записки, основанныя русскою учебной коллегіей в Прагѣ»; а в Россіи каждый Университет и Институт имѣли свой орган, не говоря об изданіях ученых обществ. Творческая напряженность философской и религіозной мысли эмиграціи, без всякаго сомнѣнія, во много раз превышает издательскую емкость зарубежнаго міра.

Из издательских достиженій в области учебной философской литературы может быть отмѣчено очень немногое.

На первом мѣстѣ нужно назвать второе изданіе **«Логики» проф. Н. О. Лосскаго** в двух частях, впервые вышедшей в Петроградѣ в 1922 г. Это, с одной стороны,—обстоятельный университетскій курс; с другой — новая попытка путем анализа логических проблем раскрыть и оправдать то обще-философское міропониманіе, которое раньше автор, в связи с преимущественным вниманіем своим к «пропедевтическим» проблемам «теоріи знанія», называл «интуитивизмом», а теперь предпочитает обозначать именем «органическаго» міровоззрѣнія, «конкретнаго идеал-реализма». В извѣстном смыслѣ курс логики Н. О. Лосскаго является параллельным к основоположному труду автора, к «Обоснованію интуитивизма», который только что тоже вышел в Берлинѣ третьим изданіем. Педагогическим дополненіем к курсу является извѣстный «Сборник задач по логикѣ», опять-таки вышедшій недавно новым изданіем в Прагѣ. Главная цѣнность книг Лосскаго заключается в том, что онѣ дают не простую сводку и изложеніе свѣдѣній, но сосредоточенное освѣщеніе фактическаго матеріала с опредѣленной и отчетливой умозрительной точки зрѣнія и этим пріучают к систематическому мышленію, заставляют задумываться над взаимной сопряженностью и круговою порукою возврѣній. Вступительная глава курса «Логики» Лосскаго выпущена была также в Харбинѣ «школьной секціей Общества Возрожденія Россіи».

Такія-же дидактическія достоинства присущи и краткому, почти конспективному курсу **«Введенія в философію» С. Л. Франка,** в первом изданіи, вышедшему в Петроградѣ в 1922 году. По своему общефилософскому міровоззрѣнію С. Л. Франк близок к Н. О. Лосскому и развивает тоже систему конкретнаго идеал-реализма, в которой идеѣ систематическаго единства, охватывающаго всю полноту дѣйствительнаго и мыслимаго, бывающаго и сущаго, принадлежит основоположное мѣсто. Книга Франка написана чрезвычайно прозрачно, доступно и изобразительно, причем не терпит никакого ущерба строгость и точность

формулировок. Без сомнѣнія, ее нужно отнести к числу лучших учебных опытов не только в русской литературѣ: между прочим потому, что она не только учит, но и воспитывает мысль, заражая паѳосом самоотчетнаго исканія. Кратко и отчетливо автор устанавливает основныя философскія проблемы и задачи и излагает типическія формы их разрѣшенія; вскрывая недостаточность частичных и односторонних философских направленій, учитывающих только отдѣльныя и обособленныя стороны бытія, он подводит к синтетическому замыслу цѣльнаго и цѣлостнаго знанія, обращеннаго прежде всего к факту внутренней сосредоточенности и связанности всего. Только в таком случаѣ философскія задачи получают вѣрную постановку, ибо своеобразіе и существо философскаго знанія в том и заключается, что предметом его является мір, как цѣлое, как полнота, как всеединство. Только в этом случаѣ философія перестает быть мертвенною теоретическою схемою, дающей возможность только безстрастнаго раціональнаго оріентированія в бытіи, и становится «живым знаніем», творческим жизнепониманіем, обосновывающим всю полноту человѣческаго бытія и дѣйствованія. Философскія ученія сопрягаются тогда в подлинное всеединство религіозной философіи. Идея всеединства и органической цѣльности міра, как мы увидим ниже, играет рѣшающую роль в современных русских культурно-философских размышленіях, помогая разобраться в тревожном историческом опытѣ современности; и вмѣстѣ с тѣм она обращает вниманіе к философскому прошлому, к тѣм классическим міровоззрѣніям, которым она давала жизнь и питаніе. Путь синтетической философіи — это один из путей религіознаго обновленія философской мысли; и проповѣдующее этот путь «введеніе» С. Л. Франка есть вмѣстѣ с тѣм введеніе в религіозное раздумье. Нужно при этом подчеркнуть, что С. Л. Франк старательно подчеркивает связи с «послѣдними достиженіями именно русской философской мысли», и этим разрывает с худой привычкой ссылаться на русскую литературу только между прочим, из уступки безъязычности учащихся. Между тѣм, русская оригинальная философская литература настолько значительна, а переводная настолько богата, что и со знаніем одного русскаго языка можно достаточно глубоко погрузиться в умозрительныя нѣдра, — не менѣе глубоко, чѣм с знаніем одного нѣмецкаго или одного англійскаго языка. Об этом убѣдительно говорит даже краткій «обзор литературы» (только на русском языкѣ), заключающій учебник Франка. — К учебнику Франка примыкает сборник его прежних статей, переизданных теперь под общим заголовком: «**Живое Знаніе**». Здѣсь перед нами вырисовываются конкретные образы философских построеній — Гете, Шлейгермахера, В. Джемса, Тютчева; и вскрывается художественная и религіозная подпочва и основа расчленяющей и рефлектирующей мысли. В заключительном очеркѣ

С. Л. Франк старается опредѣлить смысл современнаго перелома в философской жизни христiанскаго мiра, идущаго от позитивно-скептической раздробленности к новой полнотѣ живого и творческаго духовно-дѣйственнаго опыта.

С другой стороны к тѣм же проблемам живого знанiя приводит другое, переводное «**Введенiе в философiю**»—**У. Джемса:** под таким заглавiем проф. И. И. Лапшин перевел посмертную и подытоживающую книгу американскаго мыслителя и богоискателя—"Some prolbems of philosofhy, A begininning of an introduction to philosophy". Здѣсь, как и во всем творчествѣ Джемса, вѣет дух свободы, дух исканiя, дух творчества. Джемс старается расколебать привычную вѣру поспѣшнаго интеллектуализма в полную завершенность мiрового бытiя, и обосновать человѣческую активность, как реальный фактор и силу дѣйствительности: человѣк есть «кодетерминант» мiровой дѣйствительности, соопредѣляющiй двигатель мiрового цѣлаго, а не безсильный наблюдатель зыби на от вѣка осуществленном до конца мiровом океанѣ. В своем творческом порывѣ Джемс заходит слишком далеко: в его изображенiи мiр оказывается не только пластичным, но и чрезмѣрно рыхлым, вряд ли способным поддаваться и вторичному, человѣческим сознательным дѣйствiем в него привносимому, оформленiю. Гипертрофированная борьба с «Абсолютом», принимающая иногда грубоватыя, чрезчур «американскiя» формы, приводит в итогѣ к опасности плоскаго натурализма. Здравое стремленiе к непосредственному опыту, к наивному реализму порою разрѣшается в поверхностный сенсуализм, безсильный оторваться от чувственнаго калейдоскопа ярких единичных образов. Опасности самодовлѣющаго эмпиризма, как формы интеллектуалистической философiи, Джемсу видны не менѣе ясно, нежели тупики рацiонализма: он стремится к синтезу. Но вряд ли в достаточной мѣрѣ удается ему обосновать «мелiористическiй» путь философiи, обосновать наше право на «довѣрiе» к мiровым, «внѣчеловѣческим силам» и, слѣдовательно, на довѣрiе к собственному дѣланiю и его производительности. Между двумя очевидностями — предустановленной гармонiи и непобѣдимаго хаоса — среднее мѣсто занимает не дерзновенное «авось», а вѣра, от личности исходящая и к Личности обращенная. «Авось» ведет не к третьему — «мелiористическому» — пути, как надѣется Джемс, а к им же отвергаемому четвертому безплодному пути, не дающему «никакого систематическаго рѣшенiя вопроса» — «постоянно шататься, один день занимая одну позицiю, другой день — другую»... Но иное «шатанiе» плодотворнѣе увѣренной поступи: таково шатанiе Джемса. Не его внутренно-противорѣчивыя рѣшенiя, но его сильные и безстрашные вопросы составляют главную его силу и сообщают прелесть его мысли.

Двѣ противоположныя книжки, — два «Введенiя в философiю», Франка и Джемса, взаимно друг друга восполняя, подлинно

и дѣйствительно вводят в мір современных религіозно-философских тревог, приводят на перекресток, гдѣ каждый сам уже должен разыскать по таинственным и незримым примѣтам царственный путь единой мудрости и отличить его от ложных тропинок человѣческих мнѣній.

Мы должны далѣе назвать «**Лекціи по исторіи новой философіи**» покойнаго **Л. М. Лопатина;** пока выпущен только первый отдѣл—Кант и его ближайшіе послѣдователи (до Фихте). Это—тонкая и острая оцѣнка философіи Канта, произведенная с опредѣленной и отчетливой метафизической позиціи. Эта оцѣнка тѣсно связана с тѣм общим представленіем о смыслѣ новоевропейскаго философскаго развитія, которое развивал Лопатин: он видѣл в нем натуралистическую деградацію мысли, оторвавшейся от религіозной полноты и религіозных корней, — отсюда неизбѣжное впаденіе в догматическій раціонализм. Критическую философію Канта Лопатин воспринимал, как закономѣрный этап в развитіи раціоналистической односторонности: раціонализм здѣсь «утверждался навсегда», но вмѣстѣ с тѣм скептически ограничивался предѣлами человѣческой познавательной способности, метафизически обезцѣнивался и заслонялся постулатами нравственной вѣры. Бездверый субъективизм первоначальнаго критицизма был Лопатину глубоко чужд и антипатичен, и он открыто признавался, что теперь еще не время говорить о Кантѣ «с невозмутимою объективностью», что это будет возможно только тогда, «когда от первоначальнаго предпріятія Канта почти не останется слѣда». Поэтому и задачею своей он ставил не «невозмутимое» воспроизведеніе Кантова ученія, но такой его чертеж, гдѣ были бы ясны всѣ тайные рвы и мели, готовящіе умозрительныя крушенія. В проблематику кантіанства «Лекціи» Лопатина прекрасно вводят. — Наконец, нужно отмѣтить новое изданіе очень давних «**Философских очерков**» **Александра Ив. Введенскаго,** восполненное одною только новою статьей о вѣрѣ в Бога, впервые напечатанной в петроградском журналѣ «Мысль» за 1922 год. Ясные и прозрачные очерки одного из самых послѣдовательных русских кантіанцев вводят в пониманіе преимущественно нравственной философіи Канта.

Из философских монографій на первом мѣстѣ нужно назвать книгу **Л. П. Карсавина «Джіордано Бруно».** Она дает больше, чѣм разсказ о жизни знаменитаго ноланца и изложеніе его нетерпѣливой мысли. Автор старается вдвинуть міровоззрѣніе Бруно в очень широкую историко-философскую рамку, как бы вывести его из средневѣковой мысли, очерк которой, данный в книгѣ, впрочем, слишком краток, чтобы быть ясным. Болѣе подробно автор останавливается на Николаѣ Кузанском, в котором он видит предшественника и источник философіи Бруно. Л. П. Карсавина привлекает к этой эпохѣ и к этим мыслителям не только историческій интерес: основная интуиція Николая Кузанскаго —

интуиція Божественнаго Всеединства, — развиваемая у Бруно, дорога Карсавину, как его собственная идея, и ея развитію он посвящает и свои систематическія статьи, и свою книгу по «Философіи исторіи». Чрез Николая Кузанскаго и надо входить в систему самого Карсавина. Он знает и подчеркивает многоликость замысла Николая, равно доступнаго и равно неадэкватнаго и пантеистическому, и теистическому истолкованіям. В Бруно он видит начало умозрительнаго распада и измельчанія, трагедію Возрожденія, «трагедію духа в момент отрыва его от Всеединнаго и разрыва всеединства»... Рѣзкими мазками изображает Карсавин основную трудность кончавшагося средневѣковья и начинавшагося Новаго времени: она связана с проблемою — Абсолютное и мір. Как примирить полноту и завершенность премірнаго и потустороннягo Божества с многоцвѣтностью эмпирическаго бывающаго міра, для котораго Оно должно быть основою и причиной? Это основная проблема и классической схоластики XIII в. и всей новой философіи. Карсавин удачно показывает непрерывность развитія, соединяющаго докторов средневѣковья с докторами Новой Европы. За историческими образами чувствуется тревога современности, ищущей и ждущей новаго синтетическаго подъема и возврата к той религіозно-метафизической полнотѣ, в которой была сила средневѣковья, утраченная в новое время. Книга Карсавина дает большой историческій матерьял для размышленія, знакомит с мало извѣстными эпохами; к сожалѣнію, автору свойственно рисовать расплывающимися, как бы двусмысленными линіями, и вся эпоха изображена у него в разсѣянном свѣтѣ...

С тѣми же религіозно-метафизическими проблемами на основѣ богатаго и разносторонняго, изящно подобраннаго матерьяла оперирует **Н. С. Арсеньев** в своей книгѣ: «**Жажда подлиннаго бытія**», к которой примыкает нѣсколько журнальных статей. По вѣрному указанію одного из рецензентов, книга Арсеньева — не изслѣдованіе, и не хрестоматія; вѣрнѣе сказать, конспект для изслѣдованія, составленный из текстов. Автор изображает психологическое существо того «томленія духа», которое порождается у человѣка созерцаніем «безостановочнаго убѣганія всего живого в пропасть прошедшаго», переживаніем всевластности времени и которое порождает в свою очередь исканіе надвременных устоев, исканіе Жизни безконечной и всепобѣдной, «жажду подлиннаго бытія». Пессимизм и мистика, — таковы для автора «два полюса жизни человѣческаго духа». В мистическом опытѣ раскрывается Полнота Бытія. Автор изслѣдует свою тему психологически, не исторически, — тексты слѣдуют друг за другом без хронологической послѣдовательности, и воскрешенію исторической обстановки каждаго текста автор не придает важности. Самыя яркія и сильныя страницы книги посвящены характеристикѣ первохристіанства, как живого и непосред-

ственнаго опыта, которому в конкретном Лицѣ Богочеловѣка открылась полнота и преизбыток Жизни, Блага, Красоты и Истины, — полнота, побѣждающая натуралистическій ужас неугасимаго биванія. Автор хорошо иллюстрирует историческій реализм первохристіанскаго опыта, ощущающаго конкретную встрѣчу и пересѣченіе порядка Божескаго и порядка тварнаго предчувствующаго полноту Преображенія Твари. Этим христіанство по существу отличается от внѣхристіанскаго опыта, замкнутаго холодными и отвлеченными категоріями. Выразительна в книгѣ Арсеньева также и характеристика буддизма, как попытки преодолѣнія суеты биванія. Собранный Арсеньевым матерьял для психологии религіознаго опыта значительно богаче и разностороннѣе, нежели использованный Джемсом в его знаменитой книгѣ.

Из исторических опытов надо отмѣтить еще двѣ небольшія брошюры **Б. В. Яковенко:** об американской и о русской философіи. Брошюра о русской философіи страдает чрезмѣрною поверхностностью анализа и внѣшней, не-философской тенденціозностью. Ближе сердцу Яковенко американская философія, в развитіи которой он вѣрно подчеркивает роль религіозных факторов; впрочем, он чрез мѣру стилизует американскій философскій дух под трансцендентальный идеализм. Наконец, надо упомянуть сжатую характеристику Сократа, сдѣланную **С. Жебелевым** и вошедшую в біографическую серію изданій Гржебина.

Из области систематической философіи нужно назвать небольшую книжечку **Н. О. Лосскаго «Матерія и жизнь»,** — опыт натурфилософскаго построенія в духѣ витализма, углубляемаго средствами идеал-реалистической метафизики. В 1-м выпускѣ **«Ученых Записок, основанных русскою учебною коллегіей в Прагѣ»,** посвященным «философским знаніям», Н. О. Лосскій дает краткій опыт классификаціи метафизических ученій. Там-же проф. И. И. Лапшин производит обстоятельный анализ проблемы солипсизма и пытается обосновать, как единственно возможное ея рѣшеніе, точку зрѣнія критическаго феноменализма, замѣнявшую трансцендентное понятіе «чужого я» имманентным представленіем о плюрализмѣ сознаній, координированных под одним гносеологическим субъектом. Автору кажется, что только такое внѣ-метафизическое ученіе может создать «живое и глубокое чувство интимной связи между Микрокосмом и Макрокосмом». Г. В. Флоровскій в очень сжатой формѣ излагает основныя положенія «логическаго релативизма», понимая под этим міровоззрѣніе, устанавливающее зависимость каждаго сужденія от нѣкоторой условно допускаемой системы аксіом и от опредѣленнаго состава опытной данности; истинность всякаго сужденія оказывается, таким образом, всегда условной и относительной. Автор старается подтвердить это феноменологическим ана-

лизом основных типов знанія — математическаго, эксперимен-тальнаго и обыденнаго.

Философскій интерес представляет ряд брошюр по теоріи относительности. Особаго упоминанія, кромѣ перевода статей самого Эйнштейна, требует книга **проф. А. В. Васильева:—Пространство, время, движеніе».** — Автор дает, иногда слишком сжатый— очерк теорій о пространствѣ и времени «от Пиѳагора до Ньютона», характеристику классической механики Ньютона и связанных с нею философских размышленій, историческій обзор неэвклидовой геометріи и заканчивает изложеніем основных понятій и главных фактов, как спеціальной, так и общей теоріи относительности. Книга Васильева вводит в горячую атмосферу современных философско-математических исканій, вряд ли дозрѣвших уже до окончательнаго синтеза. Во всяком случаѣ, преждевременно видѣть в теоріи относительности подтвержденіе эмпиріокритицизма и противополагать ее платонизму ньютоновскаго міропониманія; скорѣе, теорія относительности требует чисто-логическаго истолкованія основных понятій «натуральной философіи» и в извѣстном смыслѣ укрѣпляет идеалистическій трансцендентализм.

Наконец, нужно назвать «**Основы педагогики**» **С. I. Гессена,** — опыт системы конкретной этики на основах телеологическаго критицизма, и сборник статей **Льва Шестова:** Potestas clavium: из вошедших сюда статей только одна — О корнях вещей — напечатана впервые за границей. Особаго упоминанія в этом сборникѣ заслуживает очерк, посвященный Шестовым Гуссерлю: Memento mori (напечатан впервые в «Вопросах философіи и психологіи» во время войны), — здѣсь удачно выявлены противорѣчія абсолютистской позиціи Гуссерля.

В особую группу должен быть выдѣлен ряд книг, посвященных культурно-философским проблемам, ряд попыток понять тревожный и катастрофическій опыт современности, преодолѣть ея тревоги в нѣкотором умозрительном синтезѣ. Именно здѣсь с наибольшею силою проявляется исканіе мысли. Философія всегда отправляется от конкретно-исторических данных. и в том и заключается ея жизненное значеніе, что ея общезначимыя построенія поддерживают, как каркас, конкретный опыт, обнаруживают его внутренній смысл и содержаніе, раскрывают «вѣчное» в данном, таком-то «временном», и этим его «оправдывают». Но нужно различать умозрительное оправданіе, преодолѣвающее соблазн внѣшней безцѣльности и безсмыслія, и оправданіе нравственное, часто стоящее перед искушеніем стереть категорическую и несоизмѣримую противоположность добра и зла. Вѣрное соотношеніе между этими двумя рядами мысли и составляет главное содержаніе философской проблемы трагизма, поставленной сейчас силою событій в центр философскаго вниманія, русскаго в особенности.

Прежде всего здѣсь надо назвать замѣчательную книгу только что скончавшагося **П. Ив. Новгородцева: «Об общественном идеалѣ»** (том первый), вышедшую за границею третьим уже изданіем. Нужно помнить, что написана она была задолго до наших дней, — уже в 1911 году начали появляться ея первыя главы в видѣ отдѣльных статей на страницах «Вопросов философіи и психологіи», а первое изданіе вышло как-раз наканунѣ октябрьскаго переворота. Тонкій и острый анализ общественно-философской проблемы является здѣсь плодом прозорливаго ясновидѣнія проникновенной мысли, а не отраженіем злободневных переживаій; послѣдняя книга П. И. Новгородцева примыкает неразрывно к его предшествующим работам, раскрывая все новыя и дальнѣйшія слѣдствія единаго изначальнаго замысла. Центр тяжести лежит здѣсь не в критическом обозрѣніи судеб «научнаго соціализма», но именно в общем философском анализѣ самого понятія и самой проблемы «общественнаго идеала». Изслѣдованіе выходит за предѣлы «философіи права» в узком смыслѣ слова. Предметом изслѣдованія является в сущности вопрос о послѣдней нравственной цѣнности и предѣльном смыслѣ общественной жизни вообще и ея отдѣльных, конкретных форм. П. Ив. Новгородцев показывает внутреннюю противорѣчивость и нравственную несостоятельность всякаго міровоззрѣнія, приписывающаго неизмѣнную, безусловную и окончательную цѣнность и значительность нѣкоторой — какова бы она ни была — конкретной и индивидуальной, неизбѣжно эмпирически ограниченной и эмпирически обусловленной формѣ человѣческих взаимоотношеній. Во-первых, таким образом урѣзывается безконечная полнота и ненасытимая безпредѣльность нравственных стремленній и живое вдохновеніе Добра подмѣняется неподвижными формулами. Иначе говоря, допускается возможность внѣшними средствами исчерпать до конца духовную жизнь личности и положить предѣл ея жаждѣ и исканіям; таким образом, останавливается и подрывается ея творческая свобода. В противоположность такой недооцѣнкѣ личности, П. Ив. Новгородцев выдвигает утвержденіе безусловно-первичной цѣнности конкретной личности во всей безконечности ея потребностей и стремленій и во всей незамѣнимой неповторимости каждаго индивида. Задачи личности шире всякаго конечнаго осуществленія, ея духовный голод безусловно ненасытим, ибо только абсолютным идеалом достойно вдохновляться человѣку, — и стало быть, удѣл его — вѣчно искать. И во-вторых, всякая абсолютизація конечных форм лжива потому, что историческая дѣйствительность динамична и процессуальна в самом существѣ своем, — категорія измѣнчивости имѣет онтологическій смысл и характер. Таким образом, гармоническое и равновѣсное состояніе внутри историческаго процесса вообще вовсе и немыслимо. Характерной для общественных ученій конца XVIII и XIX вв. уто-

пической вѣрѣ в возможность всеразрѣшающих слов и осуществимость предѣльной гармоніи человѣческих интересов П. Ив. Новгородцев противопоставляет пониманіе общественнаго идеала, как неисчерпаемой задачи, каждое частичное разрѣшеніе которой только усложняет ея постановку, и рѣшеніе окончательное безпредѣльно отодвигается все в новую и новую даль. При этом только условіи обезпечивается творческое самоопредѣленіе нравственных личностей, и общественная организація из стѣснительной темницы превращается в живую вселенскую солидарность нравственнаго творчества и самоусовершенствованія. Общество есть «союз лиц» и, слѣдовательно, — нѣчто производное, а отнюдь не самодовлѣющая и не самобытная субстанція, существующая помимо и сверх слагающих ее индивидов. Не только общественная дѣятельность, но и все нравственное творчество человѣчества и вся историческая жизнь должны восприниматься и истолковываться «в свѣтѣ безконечности». Исчерпаніе задач выносится за предѣлы исторіи, и этим впервые обосновывается цѣнность — конечно, относительная — каждой исторической ступени, каждаго историческаго достиженія, ибо в любую минуту человѣку предстоит безусловнее заданіе и безусловное требованіе, и в его силах всегда в большей или меньшей мѣрѣ его осуществить. Напротив, стремленіе сразу достигнуть законченнаго совершенства неминуемо ведет к такой или иной формѣ насилія и деспотизма, — либо в процессѣ осуществленія раскрывается необходимость замѣнить абсолютныя цѣли цѣлями относительными. Исторія марксизма ярко и наглядно свидѣтельствует об этом, как свидѣтельствует и исторія правовых идей послѣдних вѣков, о чем П. И. Новгородцев говорил в своей прежней книгѣ о «Кризисѣ современнаго правосознанія». Утопіи земного рая рушатся в практикѣ и в мысли. Призрак нерушимаго благоденствія убѣгает и отодвигается, и вмѣсто того крѣпнет труженическое и подвижническое сознаніе, сосредоточивающееся на конкретных задачах очередного порядка. — Имѣвшая широкое распространеніе, послѣдняя книга П. И. Новгородцева не получила, однако, почти никакого отклика в литературѣ. Кромѣ немногих кратких рецензій в зарубежной печати может быть названа только брошюра **І. В. Гессена, «Исканія общественнаго идеала»** — (2 изд.), написанная, впрочем, еще в 1918 г. Здѣсь, однако, проблема общественнаго идеала взята в чрезмѣрно злободневном ракурсѣ, а паѳос нравственной безконечности, насыщающій все творчество П. И. Новгородцева, упущен вовсе. В итогѣ автор приходит к нѣкоему позитивному релятивизму, омрачаемому тяжким предчувствіем сумерек культуры. — Надо прибавить нѣсколько слов о позднѣйших, уже зарубежных статьях П. Ив. Новгородцева, дополняющих его книгу. В опытѣ современности он нашел основанія для истолкованія кризиса идей, как симптома кризиса и крушенія той

исторической среды, которая эти идеи породила и ими в свою очередь сохранялась. От кризиса современнаго правосознанія мысль перешла к идеѣ «кризиса западничества». Смысл этого кризиса раскрылся, как религіозное потрясеніе. На очередь выступила задача религіознаго обновленія жизни, — проблема религіозной культуры. Тѣсно связанная с исторіософической проблемой Россіи, как восточнаго и полу-азіатскаго культурнаго міра, она приняла форму проблемы **православной** культуры. В такой формѣ ставил ее на обсужденіе П. И. Новгородцев в статьѣ о «Сущности русскаго православнаго сознанія» (в сборникѣ «**Православіе и культура»,** о котором ниже) и старался опредѣлить основныя черты общественно-нравственнаго идеала русскаго народнаго духа. Общая религіозно-философская задача конкретизировалась, таким образом, в задачу философско-историческую: о смыслѣ конкретнаго историческаго процесса в его данных на лицо обнаруженіях.

Наряду с книгою П. И. Новгородцева должна быть названа тоже еще в Россіи написанная и напечатанная (в 1918 г.) и повторно вышедшая в Берлинѣ (в 1922 г.) книга **кн. Евг. Ник. Трубецкого — Смысл жизни.** Внушенная с внѣшней стороны переживаніями міровой войны, внушавшими автору острое чувство міровой безсмыслицы и злого хаоса, шевелящагося во всем бытіи под пеленами кажущагося благоустройства, по существу своему эта послѣдняя книга Евг. Н. Трубецкого представляет собою, по собственному его указанію, «плод всей его жизни», итог длиннаго и сложнаго религіозно-философскаго раздумья, возбужденнаго спервоначала критическим преодолѣніем философскаго замысла Влад. Соловьева и историческим изученіем судеб теократическаго идеала в религіозно-общественной жизни Запада. Вмѣстѣ с тѣм, выводы автора связаны и с критическим преодолѣніем новѣйшей философіи XIX в., — с преодолѣніем кантіанства. Типическія и всевременныя трудности мысли отлились для князя Трубецкого в конкретныя формы под впечатлѣніем конкретных фактов кошмарной современности. Катастрофу нашего времени он воспринял и опознал, как плод великаго духовнаго извращенія и болѣзни, как итог лживаго расторженія вѣры и культуры. Со всею остротой ощущал кн. Е. Трубецкой реальность и упорствующую силу зла. Его слѣды и побѣды он видѣл всюду и в мірѣ природном и в мірѣ историческом. И, вмѣстѣ с тѣм, все бытіе он воспринимал под знаком всеединства, в свѣтѣ божественнаго предназначенія и призванія. Отсюда с болѣзненной рѣзкостью в его философском сознаніи слагалась антиномія мірового смысла и міровой безсмыслицы, вырастала загадка неудачнаго как бы творенія и откровенія Божія. С большою ясностью, но и с подлинным трепетом изображает князь Трубецкой всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя эта основная антиномія претерпѣвает в различных областях философской про-

блематики. Категорически он отвергает эволюціонизм, как форму теодицеи. Абсолютное и мір разобщены безусловно и сочетаются не субстанціональною, но свободною связью. Абсолютным полагаются цѣли и задачи для твари: в этом ея смысл. Смысл каждаго конечнаго существа есть его призваніе, но не его сущность. Это различеніе позволяет обосновать свободу твари и разрѣшить антиномію зла. Процесс становленія не есть процесс развитія прирожденной сущности, но процесс приближенія к потусторонней цѣли, в той или иной мѣрѣ реализующейся в мірѣ и этим его творчески преображающей. Историческій процесс есть процесс приближенія к потустороннему предѣлу: это приближеніе сопровождается борьбою с упругостью косной грѣховной твари. Исторія протекает в чередованіи катастрофических вспышек. По основному содержанію своему міровой идеал есть идеал «вселенскаго дружества». Существо зла сводится к отрицанію этого дружества, стало быть, ко всеобщему раздору, обособленію и взаимному противопоставленію. Всеединство есть не сущность (не субстанція), но заданіе бытія, предобразованное в Абсолютном Разумѣ. Міровой процесс есть процесс Богоявленія в твари, но окончательное явленіе полноты Божественнаго начала в твари сбудется только тогда, когда кончится злое упрямство твари. Завершеніе міра возможно только с окончаніем исторіи. Всѣ историческія достиженія недостаточны и относительны, и никогда от этой ограниченности не освободятся. Этим их значимость и необходимость не ослабляется, ибо всякое относительное свершеніе повышает цѣнность міра; надо только всей душою остерегаться лже-абсолютизаціи относительных цѣнностей. — Так в итогѣ кн. Трубецкой приходит к тому же выводу, что и П. Ив. Новгородцев, проецирует человѣческую дѣятельность в безконечность, противопоставляет ей безконечное заданіе; но он дѣлает и шаг дальше, и в эсхатологическом предчувствіи опредѣленно говорит и о сверхисторическом: о том единичном послѣднем свершеніи, когда преобразится бытіе, и безконечное чудесно вмѣстится в конечные предѣлы, — за предѣлами исторіи.

Непосредственно к революціонным переживаніям примыкает в своих религіозно-философских діалогах **о. Сергій Булгаков На пиру богов;** их третье изданіе вышло в Софіи в 1921 году.

Тѣ же катастрофическія переживанія дали повод князю **Н. С. Трубецкому** в брошюрѣ «**Европа и человѣчество**» подвести итоги десятилѣтним размышленіям о существѣ культуры. Автор становится на точку зрѣнія крайняго соціологическаго атомизма и категорически отрицает идею единой и всечеловѣческой культуры. Ему кажется, что всякая національная и соціальная группа имѣет свой путь развитія и свои формы и цѣли, и не может быть здѣсь никакой скалы типов: существует многообразіе равночестных и равноцѣнных культурно-исторических типов.

Невозможно без опасности для національной цѣлости никакое взаимодѣйствіе типов, никакое заимствованіе культурных цѣнностей. Исторія распадается на ряд замкнутых очагов. Из этого общаго положенія автор дѣлает заключеніе против «европеизаціи» не-романо-германских народов, ибо т. наз. европейская культура по происхожденію своему есть плод романо-германской жизни и, слѣд., только в кругу породивших ее народов и имѣет право на существованіе. Этому выводу князь Н. Трубецкой, однако, без сомнѣнія противорѣчит, поскольку не только утверждает этническую ограниченность «европейской» культуры, но и подвергает оцѣночному отверженію само ея содержаніе. Центр тяжести лежит не в доводах автора, а в его ирраціональном паѳосѣ отрицанія Европы. По существу своего подхода к культурно-исторической проблемѣ кн. Н. Трубецкой приближается к точкѣ зрѣнія Данилевскаго в его извѣстной книгѣ: Россія и Европа. — Нѣкоторыя дополненія к своей брошюрѣ кн. Трубецкой дѣлает в рядѣ статей, помѣщенных в трех «европейских сборниках»: «**Исход к Востоку**», «**На путях**» и «**Евразійскій Временник**».

«Евразійство» в первоначальной формѣ своего развитія было опытом культурно-философскаго и религіозно-философскаго опознанія современности, опытом формулировки выдвинутых переживаемыми событіями духовных проблем. С особою силою подымались проблемы философіи исторіи в их общей и конкретной формѣ. В особенности первый евразійскій сборник привлек к себѣ большое вниманіе и зарубежной и иностранной печати — появилось около 40 разновременных отзывов и замѣток. При этом, однако, вопросы, поднятые в нем, были снижены до публицистическаго уровня; да и само евразійское движеніе впослѣдствіи отказалось от первоначальнаго исповѣданія «примата культуры над политикой». В данном контекстѣ нужно отмѣтить только одну поднятую евразійством проблему — проблему православной культуры. Эта проблема является в настоящее время средоточною в русских философских размышленіях. По своему вселенскому характеру идея православной культуры не может быть уложена в рамки того позитивно-соціологическаго релативизма, которым вдохновлена концепція кн. Н. Трубецкого.

В культурно-философских исканіях послѣдних лѣт с большою напряженностью раскрывается религіозная тяга. Наиболѣе яркое и проникновенное изображеніе происходящаго сейчас психологическаго сдвига дал **С. Л. Франк** в небольшой своей брошюрѣ: «**Крушеніе кумиров**». Выбранный в качествѣ эпиграфа новозавѣтный текст — Дѣти! храните себя от идолов (1 Іо V. 21) — выразительно передает основной замысел этой, по выраженію автора, «исповѣди как бы типическаго жизненнаго и духовнаго пути современной русской души вообще». Автор изображает только психологическую сторону того процесса, который по предметному содержанію своему представляет собой культурно-

философскій перелом, подготовку и выработку новаго философскаго духа. Крушеніе кумиров, — это тот же самый процесс, который П. И. Новгородцев описывал под именем крушенія утопіи земного рая: отказ от «идолопоклоннической вѣры» в абсолютное значеніе конкретных и конечных форм и рѣшеній, отказ от надежды исчерпать духовную жажду человѣка однозначными, единообразными рѣшеніями не только соціально-политическаго, но и культурно-бытового, и формально-моральнаго порядка. Раскрывается относительная природа вскякаго мірского свершенія, но именно этим обосновывается потенціальная значимость каждаго конкретнаго дѣянія, поскольку всегда открыта возможность насытить свою жизнь высшим содержаніем чрез пріобщеніе к абсолютным цѣнностям. Только освобожденіе от косной привязанности к опредѣленной буквѣ сообщает творческую подвижность духу. «Туманному, расползающемуся на части, противорѣчивому и призрачному понятію культуры» С. Л. Франк противопоставляет «болѣе коренное, простое понятіе жизни». Культура — только «производное отложеніе, осадок духовной жизни человѣчества». Первообразную цѣнность имѣют только абсолютныя начала, открывающіяся «в нас самих», но большія, нежели мы. Это — не идеи и не принципы, но иная, высшая и подлинная, живая реальность. Душа, «опустошенная» от всѣх призрачных лже-абсолютных кумиров, тянется и влечется — «к живому Богу». Это — трудный и мучительный подвиг, — С. Л. Франк изображает его с искренним и проникновенным драматизмом. В сущности, это новый и углубленный акт в давно идущем процессѣ преодолѣнія раціонализма и возвращенія к религіозной непосредственности и подвижности. Но то, что раньше аргументировалось от ума, теперь переживается в болях цѣлостнаго духовнаго перерожденія. Не со стороны, а в глубинѣ изживается замысел програмной, по формулам и прописям построяемой жизни. Не логическое постулированіе, а неизъяснимое и неизреченное переживаніе приводит к Абсолютному. Открывается новая реальность, новый мір. Оттого была безсильна прежняя **критика** раціонализма и позитивизма, что она была критикой и не давала новаго опыта. В современных религіозно-философских исканіях раскрывается именно новый **опыт,** и потому можно ждать конца «критической» и начала «органической» религіозно-философской эпохи. Новый опыт раскроется в новых системах мысли, в новом творчествѣ жизни и общенія.

Осуществленію этих задач старается служить, возникшій в прошлом году непеіодическій сборник: «**Софія**», — под редакціей Н. А. Бердяева, при ближайшем участіи Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. К сожалѣнію, пока вышел только один первый выпуск. К «Софіи» примыкают и по духу, и по темам двѣ книги **Н. А. Бердяева,** написанныя еще в Россіи, но напечатанныя только в 1923 г. в Берлинѣ: «**Смысл исторіи**» и «**Философія равенства**».

Здѣсь мы встрѣчаемся с острым катастрофическим міроощущеніем, раскрывающимся в цѣлостную концепцію конкретной метафизики исторіи. Бердяев говорит о «концѣ Ренессанса и кризисѣ гуманизма», понимая под этим исчерпаніе той исторической эпохи, жизнь которой опредѣлялась самоутвержденіем самозаконнаго человѣка, вѣрившаго в возможность всецѣлаго удовлетворенія своих потребностей средствами посюсторонняго культурнаго строительства. Этой волѣ к культурѣ, которая неизбѣжно вырождается в сковывающую привязанность к окоченѣвшим и косным формам быта, Бердяев противопоставляет волю к жизни. Смысл исторіи шире земных перспектив, — задачи человѣка в его земном творчествѣ могут воплотиться лишь символически, и потому здѣсь не может быть предѣльных и конечных свершеній. Центр тяжести лежит не в уже достигнутых символизаціях, а в жаждѣ новых достиженій. Этот паѳос безконечности сочетается у Бердяева с тревожным апокалипсизмом: к призыву к духовному углубленію примѣшивается опасливое подозрѣніе, что вообще **историческій** путь клонится к закату. Не чувствуется достаточной твердости дѣйственнаго порыва. Сомнѣнія Бердяева острѣе, чѣм того требует одно только отрицаніе возможности абсолютных удач в исторіи; у него нѣт, как будто, увѣренности в том, что вообще осталось время для относительных удач. Идея религіозной культуры получает характер как бы запоздалаго призыва. Вообще, книга Бердяева о «смыслѣ исторіи» имѣет сложный состав: тонкія аналитическія прозрѣнія обременены излишним грузом догматической метафизики, коренящейся в мистикѣ Я. Беме. Это не случайная примѣсь, — не только потому, что Беме — это автобіографическое прошлое Н. А. Бердяева, но и потому, что в самом содержаніи преодолѣваемых сейчас русскою религіозно-философскою мыслью трудностей заложено искушеніе подмѣнить качественную Абсолютность количественным Всеединством и всеобъемлющую Волю Божію понять, как универсальный сущный «закон» міра.

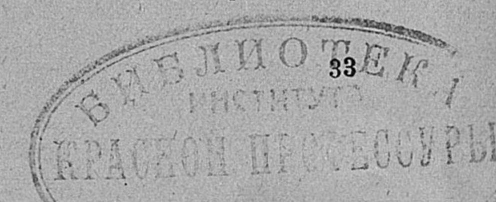
Этому искушенію всецѣло подпадает **Л. П. Карсавин**, как в своей «**Философіи исторіи**», так и в своих претенціозных «**Діалогах**», так и в других отдѣльных статьях. Всеединство он понимает слишком просто и буквально — в духѣ субстанціональнаго монизма. Ясному пониманію его діалектически очень цѣпких построеній очень мѣшает искусственность часто тяжеловѣснаго изложенія. Тѣм не менѣе книги Карсавина очень богаты отдѣльными содержательными анализами. Главная цѣнность принадлежит здѣсь умѣлому обоснованію историческаго реализма — исторія имѣет онтологическій смысл, и нѣт ничтожных событій, поскольку все чревато всѣм.

Гораздо большею отчетливостью отличается патетически и иногда черезчур возбужденно написанная книга **Бердяева, — Философія неравенства.** Полемическій задор и не изжитая

злободневность мѣшают автору ограничивать себя необходимым. Мысль его движется слишком нетерпѣливо и увлекается иногда незаслуживающими учета единичными вопросами. Тѣм не менѣе, в цѣлом вырисовывается яркая антитеза двух типов не только мысли, но и духовной жизни, которые только условно могут быть обозначены «политическими» наименованіям. Соціальному атомизму противопоставляется міровоззрѣніе, чувствующее цѣлостность и общественных группировок, и временнáго процесса. Раціоналистической нивелировкѣ міропониманія, разлагающаго все на однородные элементы, противопоставляется іерархическое міроощущеніе, учитывающее качественное своеобразіе, неповторимость и цѣнностныя градаціи в бытіи. Паѳосу обособленія противопоставляется паѳос творческих преданій. Исключительной привязанности, «жадности» к земной **эмпиріи** — двуединое чувство земли и Царства Божія. Книга Бердяева написана афористически, и потому трудно кратко резюмировать ея содержаніе. Ее надо прочувствовать, — не для того, чтобы с нею согласиться, но потому, что надо «пострадать» поднятыя в ней проблемы. Всѣ онѣ имѣют два лика: один, обращенный в самую гущу злободневности; другой — к міру вѣчных неумирающих тем духа. Именно в этом самая большая цѣнность перебираемых нами сейчас новых книг: онѣ рисуют современныя **исканія.**

Кромѣ названных уже лиц в первой книжкѣ «Софія» приняли участіе П. И. Новгородцев, Н. О. Лосскій, П. П. Сувчинскій и И. А. Ильин. Статья послѣдняго — Философія и жизнь — требует особаго упоминанія: автор с проникновенной убѣдительностью раскрывает тезис об **опытной** природѣ и **опытном** существѣ всякой философіи. Философія это — подвиг. И не только личное это дѣло, обособленному индивиду непосильно и недоступно умозрительное творчество: философ нуждается в соборной духовной атмосферѣ, и, прежде всего, нуждается в **родинѣ.** «Философія», по утвержденію И. А. Ильина, «может явиться только там, гдѣ народ вынашивает или уже выносил зрѣлый духовный опыт». Поэтому-то подлинная философія всегда является дѣйственной силой.

Проблемѣ религіозной культуры вообще посвящена книга **Ф. Степуна «Жизнь и творчество».** С внѣшней стороны это — сборник статей; но по существу всѣ онѣ связаны между собою единством тенденціи. — Автор старается доказать противорѣчивость самого замысла религіозной культуры и иллюстрирует свою общую тезу примѣрами Фр. Шлегеля и ранних русских славянофилов. Основная мысль Степуна сводится к утвержденію неизрѣченности и неоформляемости Жизни, в которой, однако, и состоит религія. Всякое творчество по необходимости частично: смысл религіи — в переживаніи неусѣченной полноты. Отсюда вывод о непримиримости религіи и творчества.

Религія по существу созерцательна, бездѣйственна, молчалива. Степун рѣзко ставит эту основоположную проблему и поясняет ее умѣло подобранными историческими справками из области мистики. Но доказательная сила его построеній связана с особенностями одного только типа духовнаго опыта, — опыта «ирреальнаго», обезцѣнивающаго все конечное, не вмѣщающаго тайны **реальнаго символизма.** Это своего рода нигилистическій максимализм: все или ничего! причем «все» понимается количественно, а не качественно.

Болѣе конкретной проблемѣ православной культуры посвящен сборник статей, изд. под редакціей проф. В. В. Зѣньковскаго, «**Православіе и культура**». Впрочем, «на тему» из вошедших сюда статей написана кромѣ отмѣченной выше статьи П. Ив. Новгородцева только статья редактора В. В. Зѣньковскаго «Идея православной культуры». В извѣстном смыслѣ близки к темѣ статьи Евг. В. Аничкова («На грани»), дающаго импрессіонистскій образ наростающей религіозной тяги, и Г. Е. Аѳанасьева («Замѣтки о русской религіи»), по существу весьма неудачно и невѣрно подбирающаго наблюденія по религіозному фольклору. Остальныя статьи посвящены другим вопросам. Из них надо, прежде всего, отмѣтить очерк проф. церковнаго права в Суботицах С. В. Троицкаго, «Проблема брака в христіанском сознаніи»; автор старается показать, что православному церковному сознанію чуждо католическое пониманіе цѣли брака, как remedium concupiscentiae или procretaio prolis — напротив, близко к православному пониманію подошел Влад. Соловьев в своей извѣстной статьѣ о «Смыслѣ любви». — Проф. Зѣньковскій подходит к «идеѣ православной культуры» от анализа современнаго европейскаго кризиса, получающаго особый смысл для русскаго наблюдателя, стоящаго «во всем своем цѣлом» **внѣ** Европы. Кризис Европы есть кризис **западнаго** христіанства и отсюда вытекает необходимость отчетливо разграничить западное и восточное религіозныя міроощущенія, как типы христіанскаго культурнаго сознанія. Это различіе В. В. Зѣньковскій опредѣляет чрез противопоставленіе идей прямого и внѣшняго воздѣйствія на естественно-историческую эмпирію (в католичествѣ) и преображенія человѣческой души и культуры изнутри (в православіи). Православію в высокой мѣрѣ присущ историзм, — воспріятіе исторіи, как неизмѣннаго строительства Царства Божія, т. е. «преобразованія натуральнаго историческаго бытія в благодатное бытіе Церкви». Проф. Зѣньковскій полагает, что послѣ разоблаченія чрез реформацію и послѣдующую секуляризацію культуры неправды католическаго пути только православіе может «вновь открыть для историческаго творчества путь ко Христу» и этим вернуть человѣчеству культурно-просвѣтительныя силы. Он не рѣшается говорить о наступленіи «историческаго часа для Православія, как Церкви», но твердо вѣрит, что

«мы (уже) вступили в эпоху православной культуры», в эпоху «внутренняго, невидимаго пріятія міром Православія».

Проблема православной культуры неизбѣжно приводит к антитезѣ христіанских Востока и Запада, православія и католицизма. Этой проблемѣ посвящен сборник статей, примыкающих к «евразійству» авторов, под заголовком: **Россія и Латинство.** Состав этого сборника сложен: статьи религіозно-философскаго и религіозно-историческаго содержанія сосѣдят со статьями почти политическими. Из бѣдной литературы, посвященной обострившемуся вопросу о соединеніи церкви, нужно указать на брошюру отца **Петра Извольскаго.**

Названными опытами свѣтских ревнителей исчерпывается зарубежная «богословская» литература. Это — почти ничего. Надо назвать еще, впрочем, старую брошюру А. В. Карташева, «Реформа, реформація или исполненіе Церкви» (1916), перепечатанную во втором сборникѣ «Утвержденій евразійцев» — На путях.

Особаго упоминанія требует связанный с религіозным движеніем среди русской студенческой массы повременный «вѣстник» — **Духовный мір студенчества,** выходящій в Прагѣ; пока выпущено четыре номера. Содержаніе этого журнала имѣет довольно пестрый и неопредѣленный характер. Первые №№ почти нацѣло были заняты хроникой жизни студенческих кружков. В 3 и 4 №№ помѣщены статьи — не студентов, но отца С. Булгакова, В. В. Зѣньковскаго, Н. С. Арсеньева, С. С. Безобразова и др. Центральное мѣсто в этих №№ занимают «протоколы семинарія» о.-протоіерея С. Булгакова — Новозавѣтное ученіе о Царствѣ Божіем; это — краткая конспективная передача религіозно-философскаго анализа евангельских притч. Скрытым образом и здѣсь чувствуется раздумье над проблемами христіанской культуры. — «Студенческое движеніе» в цѣлом выше литературнаго уровня и так же мало может имѣть свой печатный орган, как, например, монастырская обитель. Но потому же оно и ниже этого уровня: психологическая, субъективная религіозность здѣсь еще не достигла до того предѣла напряженности, когда дѣлается неотразимым культурно-творческое самоизъявленіе... Есть церковное самосознаніе, но нѣт церковнаго творчества. — Надо отмѣтить еще литографированный журнальчик, издаваемый кружком бѣлградских студентов богословскаго факультета: «Странник»; вышел один номер за 1924 г.

В заключеніе надо указать на два опыта из области мемуарной литературы. Во-первых, это — воспоминанія **А. Бѣлаго о Блокѣ**, опубликованные в рядѣ книжек «Эпопеи»; к ним примыкают и другія мемуарныя статьи Бѣлаго. Здѣсь собран — правда, в очень субъекитивном освѣщеніи — богатый матерьял по исторіи русских религіозно-философских и философских исканій послѣдних двух десятилѣтій. Для пониманія большин-

ства русских религіозно-философских книг этого времени эти воспоминанія безусловно необходимы, позволяя почувствовать за книгами людей. Во-вторых, это — «**Воспоминанія**» **кн. Евг. Н. Трубецкого,** напечатанныя сперва в «Русской Мысли». Здѣсь ясно и отчетливо изображен личный путь ранняго философскаго развитія братьев Трубецких, Сергѣя и Евгенія, перешедших от позитивизма к идеализму; здѣсь даны яркія характеристики Чичерина, Лопатина, Влад. Соловьева. Нельзя обойти молчаніем и другой книжечки воспоминаній **кн. Евг. Н. Трубецкого — Из прошлаго.** В послѣдней главѣ дана характеристика князя С. Н. Трубецкого.

Внѣшних итогов предстоящаго разбора подводить не приходится. Книг вышло не много. Но и в немногом достаточно опредѣленно отобразилась «великая тоска» русской мысли, чрез искус тревожнаго опыта неудержимо восходящей к высшему синтезу. И здѣсь получают раскрытіе и завершеніе стародавнія стремленія, устоявшія в час смуты.

Radešovice u Prahy, 1924, V, 3 (16).

Политическая экономія.

К характеристикѣ зарубежной русской литературы по политической экономіи

Петра Струве.

Русская экономическая литература, появившаяся заграницей, отмѣчена одной основной и характерной чертой: обращенностью к экономической жизни Россіи, к осмысливанію ея настоящаго и будущаго в связи с прошлым. Это и неудивительно. Пережитая Россіей революція есть по размѣрам абсолютнаго и относительнаго экономическаго разрушенія явленіе, которому нѣт аналогіи в міровой исторіи, и процессы этого безпримѣрнаго оскудѣнія и противоборствующіе им процессы хозяйственнаго возрожденія не могут не привлекать к себѣ напряженнаго вниманія того большого числа практиков и теоретиков хозяйственной жизни, которые могут по своему внѣшнему пложенію, «со стороны», пользуясь благами не существующей вовсе на родинѣ свободы печати, и в тоже время с глубоким внутренним сочувствіем, с подлинным патріотическим интересом слѣдить за ходом русской экономической жизни. При этом, не имѣя возможности ни в каком смыслѣ непосредственно вліять на этот ход, русская зарубежная литература по экономикѣ мало занимается вопросами текущей экономической политики, построеніем проектов и схем конкретных экономических мѣропріятій. Она прежде всего дает изображеніе и анализ экономической дѣйствительности, в разной мѣрѣ возводя это изображеніе и этот анализ к обобщающим дѣйствительное развитіе формулам объективнаго характера.

Мы и начинаем наш очерк с того большого фактическаго обзора разных сторон русской экономической жизни, который был составлен к **общему съѣзду представителей русской промышленности и торговли, засѣдавшему в Парижѣ 17 мая 1921 г. Доклады, представленные этому съѣзду,** составляют в общей сложности 360 страниц in 4⁰ в два столбца и охватывают очень боль-

шое количество важных отраслей и существенных проблем русской хозяйственной жизни. Сейчас в отношенiи совѣтской экономики жизнь уже обогнала содержанiе этих, для того момента довольно полных, насыщенных фактами обзоров. В стадiи своего составленiя они прошли чрез комиссiонное обсужденiе в составѣ Союза и отчасти через редакцiю ученаго специалиста (П. Б. Струве). Наибольшiй интерес в научном отношенiи представляют доклады В. Ѳ. Гефдинга «Снабженiе населенiя и промышленности совѣтской Россiи необходимыми продуктами» (№ 328), «Количественные итоги снабженiя населенiя и промышленности совѣтской Россiи необходимыми продуктами» (№ 328), «Внѣшняя торговля совѣтской Россiи» (№ 328) и «Экономическое положенiе совѣтской Россiи» (№ 328) и С. С. Кона «Состоянiе и движенiе населенiя в совѣтской Россiи» (№ 328). Попытку осмыслить и обобщить содержанiе отдѣльных докладов представляет произнесенная П. Б. Струве рѣчь «Итоги и существо коммунистическаго хозяйства» (№ 328), вышедшая и отдѣльно (№ 319) и изданная также на французском языкѣ, а по-англiйски переведенная в «Edinburgh Review». К докладам, изданным к Съѣзду представителей промышленности и торговли примыкают «**Экономическiя Записки**» той же организацiи, которых вышли три тетради с рядом оригинальных статей, освѣщающих экономическое положенiе Россiи в связи с мiровой конъюнктурой. Характеристикѣ послѣдней посвящены три статьи П. Б. Струве «Современное экономическое положенiе мiра». Весьма содержательна статья С. С. Кона в № 5—6 Мiровой кризис и вовлеченiе Россiи в международный экономическiй оборот, которая является сокращенным изложенiем нѣкоторых глав труда, представленнаго Россiйским Финансово-Промышленно-Торговым Союзом Генуэзской Конференцiи «La débacle des Soviets et la restau ration économique de la Russie». Париж 1922. Проблемам мiрового денежнаго обращенiя посвящены обстоятельныя статьи проф. А. Д. Билимовича. О государственных финансах совѣтской Россiи трактует в № 5—6 М. В. Бернацкiй. Т. н. «нэпу» посвящены статьи С. С. Кона в № 1—2 и Б. Н. Соколова в № 5—6. Совѣтскому праву посвящены весьма острыя статьи проф. А. А. Пиленко.

Экономика совѣтской Россiи составляет главное содержанiе издававшихся на русском и англiйском языках «**Записок Русскаго Экономическаго Общества**», которых вышло нѣсколько выпусков. В этом журналѣ или сборникѣ помѣщались также экономическiя статьи по другим вопросам, а также статьи по техникѣ. В т. II № 5 мы находим обстоятельный обзор, изображающiй «Положенiе рабочаго класса при новой экономической политикѣ в Р. С. Ф. С. Р.» и представляющiй, повидимому, коллективный труд комиссiи по рабочему вопросу Общества, а в т. II № 6 столь же обстоятельный обзор (тоже коллективный

труд) «Сельско-хозяйственный промысел и продовольственныя перспективы в Россіи при новой экономической политикѣ». Совѣтским финансам посвящена в том же № статья А. М. Михельсона. Заслуживает быть отмѣченной помѣщенная в том же № серьезная, написанная со знаніем дѣла статья Ю. А. Павловскаго «Числа — показатели движенія цѣн». П. А. Бурышкин трактует о «роли торговли в возстановленіи промышленности» (т. II № 5). Б. Е. Шацкій разсматривает вопрос о «расчетах по старым обязательствам при обезцѣненіи денег» (там же). Проблемѣ русско-американских хозяйственных отношеній посвящены статьи С. А. Учета (т. II, №№ 5—6). В «Записках Русскаго Экономическаго Общества» болѣе чѣм в «Экономических Записках» выражен уклон в сторону экономической политики и притом в стилѣ размашистаго публицистическаго трактованія. Такой характер носит нелишенный интереса бойко начертанный «Созидательный план Россійскаго національнаго хозяйства» М. В. Брайкевича и М. С. Плотникова (т. II № 6).

В центрѣ «**Экономическаго Вѣстника»,** издаваемаго под редакціей С. Н. Прокоповича (вышло пока 3 книги), тоже стоит экономика совѣтской Россіи, которой посвящен ряд обильно насыщенных фактами, весьма толковых статей и обзоров разных авторов. Но этот орган не исключает и чисто теоретических тем, которым посвящены статьи П. Б. Струве (три статьи) и А. Д. Билимовича (одна статья). А. Д. Билимович в кн. III критикует взгляды П. Б. Струве, высказанные в его первой статьѣ: «Научная картина экономическаго міра и понятіе равновѣсія», а П. Б. Струве тут же отвѣчает на критику А. Д. Билимовича. Здѣсь вырисовываются двѣ экономическія системы разных стилей, что интересно особенно потому, что соціально-политическія воззрѣнія обоих авторов тождественны.

К основной темѣ русской зарубежной экономической литературы относятся весьма содержательный труд С. Н. Прокоповича «Очерки хозяйства Совѣтской Россіи» (№ 306), вышедшій и на англійском языкѣ, остро написанный доклад С. С. Ольденбурга «Экономическое положеніе и общественные классы Совѣтской Россіи» (№ 297), фактическая сторона котораго, конечно, уже устарѣла, далѣе, весьма интересный этюд Л. М. Пумпянскаго о нэпѣ (№ 307), и, наконец, обильные фактами очерки А. Ракетова (№ 308) и Ю. Ростовскаго (№ 311). По темѣ к той же группѣ относятся очерк г. Соболева (№ 318) и очерк покойнаго Пестржецкаго о русской промышленности послѣ революціи (№ 302). Апологетическій характер в отношеніи совѣтской экономики носит нашедшая себѣ суровую оцѣнку в зарубежной печати книга Г. Г. Швиттау (№ 335). Офиціальным изданіем является изданный под ред. «Экономической Жизни» очерк «Народное хозяйство Россіи» (№ 292). Частный вопрос совѣтской экономики разсматривает

весьма обстоятельный, носящій характер изслѣдованія, труд А. П. Маркова «Разверстка и натуральный налог» (№ 287). Необыкновенно ярко выступает в изложеніи автора разрушительная в отношеніи сельскаго хозяйства роль совѣтской экономической и финансовой политики.

«Теоретическія мысли по поводу русскаго опыта» излагает чрезвычайно интересный и остроумный этюд экономиста-агронома Б. Д. Бруцкуса «Соціалистическое хозяйство» (№ 256). Русскій опыт, по мнѣнію автора, доказывает, что принцип соціализма ведет экономическую жизнь не к расцвѣту, а к разложенію.

Из сферы русской экономики выводит читателя интересная, содержащая довольно большой фактическій матеріал и написанная с теоретической подготовкой книга С. Загорскаго «Международныя экономическія проблемы» (№ 267). К сожалѣнію, без теоретической подготовки написаны и потому носят характер дилетантскій книги Н. Н. Зворыкина «Крушеніе золото-валютной монетной системы» (№ 271), М. О. Кефели «Теорія дороговизны» (№ 275) и Н. И. Лодыженскаго «Деньги и право владѣнія» (№ 282), при чем первая книга по живости изложенія и нѣкоторому количеству фактическаго матеріала выгодно отличается от брошюры Кефели и от книжки Лодыженскаго — послѣдняя просто совершенно невразумительна.

В рядѣ произведеній, занимающих промежуточное мѣсто между теоретической и прикладной экономіей занимают этюд М. В. Абросимова о бумажных деньгах (№ 247) и очерк Л. С. Баграва «Структура предпринимательских организацій» (№ 252).

В. Ѳ. Тотоміанц выпустил свой весьма популярный курс «Исторіи экономических и соціальных ученій» (№ 321), вышедшій также по-французски и по-чешски.

Книга Д. С. Писаренко «К проблемѣ экономическаго возстановленія Россіи» (№ 304) есть скорѣе написанный любознательным дилетантом очерк военной и послѣвоенной экономики міра, чѣм проект экономическаго возрожденія Россіи.

Особую группу книг составляют труды по экономіи сельскаго хозяйства, как общей, так и русской. Из области первой выдается капитальный труд Б. Д. Бруцкуса «Экономія сельскаго хозяйства» (№ 257). Этому труду слѣдовало бы только пожелать большей четкости в построеніи самых основных понятій, общих политической и сельско-хозяйственной экономіи. Из работ по русской сельскохозяйственной экономіи крупное явленіе представляет книга С. Н. Прокоповича «Крестьянское хозяйство» (№ 305), представляющая опыт разъясненія ряда важных вопросов при помощи метода корреляціи.

Труд проф. А. И. Челинцева (№ 334) переводит нас из области сельскохозяйственной экономіи в область сельскохозяйственной географіи. К этой области, которую точнѣе слѣдует

обозначить как совокупность трудов по описательной и прикладной экономіи Россіи, ея окраин и сопредѣльных стран, а также стран размѣщенія значительных масс русской эмиграціи, относятся книги и брошюры Сирина (№ 315), Зигеля (№ 272), Книповича (№ 276), Малицкаго (№ 286), Лаврова (№ 278), Серебренникова (№ 314), Окорикова (№ 296), Штейна (№ 340), Печковскаго (№ 303) и нѣкоторыя другія. К этой же области примыкают изданіе румынских финансовых законов, вышедшее в Кишиневѣ (№ 312) и изданіе китайских торговых законов, вышедшее в Харбинѣ (№ 269).

Особняком стоят монографія А. Н. Зака по международному праву и по финансовой политикѣ «Разверстка государственных долгов» (№ 268) (об этой книгѣ см. отзыв П. Б. Струве в берлинских «Трудах русских ученых заграницей» и А. И. Каминки в «Экономическом Вѣстникѣ») и весьма интересный очерк Б. А. Никольскаго, носящій характер в значительной мѣрѣ воспоминаній: «Наше экономическое представительство заграницей. Из записок торговаго агента» (№ 293).

Особую весьма немалочисленную группу представляют вышедшія за рубежем книги и брошюры по коопераціи. Здѣсь, кромѣ перепечаток трудов Анцыферова (№№ 248, 249), Тотоміанца (№№ 323—327), Туган-Барановскаго (№ 330), мы должны прежде всего отмѣтить труд С. С. Маслова «Кооперація в крестьянском хозяйствѣ» (№ 289) и в особенности большое сочиненіе И. В. Емельянова «Кооперативныя организаціи среди землевладѣльцев» (№ 263). В трудѣ Емельянова, нашедшем себѣ в зарубежной литературѣ весьма различную оцѣнку (см. рецензію І. А. Спудова в «Крестьянской Россіи» и А. Д. Билимовича в «Русской Мысли»), заслуживает вниманіе использованіе американскаго матеріала и рѣшительное отмежеваніе коопераціи от соціализма. Полезный обзор исторіи кооперативнаго кредита дает С. В. Бородаевскій (№ 254). Поучительны очерки Монина «Задачи сибирскаго маслодѣлія» (№ 290) и «Масло и маргарин на міровом рынкѣ и возстановленіе маслодѣлія в Сибири» (№ 291), Малицкаго «Кооперативное законодательство» (№ 285) и «Кооперація в Болгаріи» (№ 286), далѣе перепечатанный из Записок Лондонскаго Общества очерк А. С. Орлова «Начало возрожденія коопераціи в Россіи» (№ 298) и этюды А. Малахова (№ 283) и С. Маракуева (№ 284). Переводный труд д-ра Дворжака (№ 262) знакомит с коопераціей в Чехословакіи.

Особая группа составилась из перепечатки трудов (по преимуществу учебных руководств) извѣстных русских авторов по политической экономіи, статистикѣ и финансам, а также из переводов иностранных сочиненій. Среди первых отмѣтим перепечатки сочиненій † Чупрова, отца (№№ 335, 336), † Туган-Барановскаго (№ 329), Озерова (№№ 294, 295) и Анцыферова

(№ 250); среди вторых — переводы Маркса (перепечатка; № 288), Кэйнса (№ 274), Лифмана (№ 281), Леви (№ 280).

Наконец, надлежит отмѣтить, что существующее заграницей «Объединенiе дѣятелей русскаго финансоваго вѣдомства» издало очерк своей дѣятельности (№ 299).

Справочный характер носят книги С. Н. Рапопорта (№ 309) и С. С. Чахотина (№ 333). В Ригѣ выпущено, очевидно с практическими цѣлями мѣстнаго характера, изданiе «Таможеннаго Тарифа Россiйской Имперiи» (№ 320).

Подводя итоги нашему обзору, мы можем лишь еще раз подчеркнуть, что характеристической чертой русской зарубежной экономической литературы является ея обращенность к Россiи. Главной темой этой литературы является изображенiе и осмысливанiе пережитой Россiей неслыханной экономической катастрофы.

Правовѣдѣніе.

Н. С. Тимашева и А. В. Маклецова[1]).

1. Введеніе.

Развитіе юридической мысли в русской зарубежной средѣ протекает в совершенно исключительной обстановкѣ. На этой отрасли мысли, как и на всякой другой, конечно, глубоко отражается то состояніе физической оторванности от родины, в котором пребывают ея носители. Но этот факт в своем опредѣляющем значеніи отступает перед другим, еще болѣе существенным: перед фактом исчезновенія основного объекта изслѣдованій преемственно развивавшейся юридической мысли, національнаго права в качествѣ дѣйствующаго. Правда, это исчезновеніе не так полно, как может представиться с перваго взгляда. Сложившееся до революціи право продолжает, во-первых, во многих своих частях дѣйствовать на родинѣ в качествѣ права обычнаго, вытѣсняющаго навязываемое странѣ чужеродное законное право; явленіе это становится особенно явным в настоящее время, когда совѣтской власти приходится прибѣгать к частичной реставраціи стараго права в качествѣ законнаго. Исторически сложившееся право продолжает, далѣе, оставаться дѣйствующим в отношеніи эмигрантов в странах, не признавших совѣтской власти, дѣйствующим в предѣлах, в которых мѣстное коллизіонное право отсылает к праву національному. Это право продолжает, наконец, дѣйствовать, и притом в довольно широком объемѣ, в государственных новообразованіях, возникших на территоріи б. Россійской Имперіи (Польшѣ, Литвѣ, Латвіи и Эстоніи).

Но эти своеобразные аспекты, в которых историческое право не утратило своей жизненности, являются по понятным соображеніям недостаточными для поддержанія догматической работы русских юристов в ея прежнем темпѣ. Не дают они почвы и для столь излюбленной в прежнее время русскими юристами работы в

---

[1]) §§ 1—4 настоящей статьи написаны Н. С. Тимашевым, а § 5 А. В. Маклецовым. Составители в ясном пониманіи неполноты своей работы обращаются к авторам всѣх неупомянутых в ней, а равно имѣющих выйти послѣ ея опубликованія юридических трудов с покорнѣйшей просьбою дать о них свѣдѣнія одному из них по адресу: Praha II., Lazarská 11, Ruský profesorský zbor.

области политики права: ибо в первых двух аспектах историческое право получило свойство неизмѣнности, устраняющее реформаторскую мысль, а в третьем аспектѣ к правно-политической работѣ оказываются призванными в первую очередь не русскіе юристы, а юристы польскіе, латвійскіе и т. д.

Не измѣняет положенія вещей и возникновеніе на мѣсто потерявшаго дѣйственность историческаго права новообразованія, извѣстнаго под именем совѣтскаго права. Зарубежная юридическая мысль с полным основаніем не находит возможным подойти к этому праву с обычными пріемами догматическаго изслѣдованія, т. к. с одной стороны видит зіяющую пропасть между провозглашаемыми нормами и подлинным правовым бытом, а с другой стороны почитает это право лишенным будущности. Тѣм не менѣе, изученіе этого права, точнѣе преломленья его в судебной и административной практикѣ и в быту представляется задачей, настоятельно требующей обращенія к себѣ сил русской зарубежной мысли, ибо эта послѣдняя не имѣет права оставлять без вниманія какую-либо сферу современной русской дѣйствительности. Разрѣшеніе этой задачи еще только начинается, причем в постановкѣ вопроса на очередь замѣтную роль сыграл съѣзд русских юристов за границей, имѣвшій мѣсто в Берлинѣ с 1—4 октября 1922 г.

Работа над совѣтским правом для русских зарубежных юристов, как уже было отмѣчено, не замѣняет подлиннаго догматическаго изслѣдованія, ибо подход к этому праву возможен лишь в той внѣшне-описательной формѣ, которая, при нормальных условіях, постоянно примѣняется наукой правовѣдѣнія при сравнительных экскурсах в области иностранных законодательств. Подлинная догматическая работа, стѣсненная в своем размахѣ очерченными выше условіями, все же не может быть признана умершей. Она ведется отчасти в силу потребностей преподаванія в русской зарубежной юридической школѣ, каковое преподаваніе не может быть оторвано от изученія національнаго русскаго права, отчасти в силу неугасающей вѣры в то, что многовѣковым развитіем созданное право это еще имѣет перед собой будущность. Само собой разумѣется, что особое положеніе занимают тѣ вѣтви правовой догмы, которыя не зависят или лишь в малой степени зависят от правового состоянія родины; сюда принадлежат права — римское, общегосударственное и международное.

2. Философія права и общая теорія права.

Паденіе относительнаго значенія догматической и правно-политической работы не сопровождается аналогичным явленіем в области теоретическаго и историческаго[1]) изученія права. В этих областях могут быть отмѣчены крупныя достиженія.

[1]) Работы по исторіи русскаго права в настоящей статьѣ не разсматриваются, как охватываемыя статьей по русской исторіи.

1. Наша небогатая литература по философіи права получила замѣтное приращенье с появленіем книги **Н. Н. Алексѣева «Основы философіи права»** (Прага, 1924). Несмотря на спорность метода, примѣненнаго автором, который гносеологическую теорію, представляемую интуитивизмом, превращает в эвристическій пріем, и несмотря на вытекающую отсюда спорность многих выводов, книгѣ присуща значительная цѣнность, как вслѣдствіе обилія разсѣянных в ней оригинальных мыслей, так и вслѣдствіе наличности ряда характеристик распространенных в современной философіи права (преимущественно нѣмецкой) точек зрѣнія и мѣтких критических замѣчаній по поводу этих послѣдних. Основною задачей Н. Н. Алексѣева является установленіе в отношеніи права «идеальной структуры», т. е. идеальной цѣлостности явленій права. На почвѣ найденнаго в этой плоскости пониманія права подвергается анализу правовая реальность, причем вопрос рѣшается в пользу соціальной природы ея, и, наконец, правовой идеал, который разсматривается, как вид идеала общественнаго и противополагается другим видам послѣдняго — идеалам соціальному и политическому.

2. В области **исторіи философіи права** слѣдует упомянуть прежде всего о выходѣ в свѣт 3-м изданіем извѣстнаго труда безвременно скончавшагося **П. И. Новгородцева «Об общественном идеалѣ»** (Берлин, 1921). В новом изданіи, сравнительно с предъидущим, отмѣчены нѣкоторыя новыя книги и событія, заслуживающія вниманія с точки зрѣнія общаго плана работы, введены нѣкоторыя дополненія в видѣ отвѣта на критическія замѣчанія, высказанныя против первых изданій, а, главное, существенно переработан отдѣл, посвященный политической теоріи Маркса и Энгельса. К этой переработкѣ автор счел себя вынужденным потому, что за два года, протекшіе между вторым и третьим изданіем книги, по данному вопросу возникла цѣлая литература, в которой успѣли сложиться опредѣленные предразсудки, заключающіеся в том, будто Маркс мыслил диктатуру пролетаріата в формѣ демократіи, и будто идеальный замысел Маркса сочетается с отрицаніем государства. В своем изложеніи автор не столько критикует чужія истолкованія, сколько развивает свое собственное. По первому вопросу П. И. Новгородцев устанавливает, что в даваемом Марксом изображеніи парижской коммуны можно найти не одну, а двѣ основныя линіи, между собою не совпадающія и внутренно противорѣчивыя. Вот почему крайнія теченія в его политических идеях могут найти опору во всяком случаѣ не меньшую, чѣм умѣренныя. Что касается второго вопроса, то тут П. И. Новгородцев доказывает, что та общественная организація, которую Маркс предполагает в своем идеалѣ, не будучи принудительной, навязанной извнѣ, является вмѣстѣ с тѣм и не свободной: это — организація сама собою разумѣющаяся и сама собою осуществляемая, так сказать автоматическая. В этом и заключается

отвѣт Маркса на вопрос, как сочетается его идеально-безгосударственное состояніе с требованіем подчиненія жизни общему плану. — Очерк представляет собою настолько законченное цѣлое, что он был напечатан в видѣ особой статьи в «Трудах русских ученых заграницей» (Т. I, Берлин, 1922). По богатству и тонкости мысли и спокойствію тона, в котором ведется изслѣдованіе вызывающаго теперь бурныя страсти предмета, очерк находит достойное мѣсто в извѣстном трудѣ, который имѣет мало равных в міровой литературѣ. Невознаградимой потерей для науки — и не только русской — является то обстоятельство, что П. И. Новгородцев не успѣл привести в окончательную форму рукопись II тома, посвященнаго разсмотрѣнію ученій анархистов. Остается выразить надежду, что рукопись эта, поступившая в распоряженіе автора лишь за нѣсколько мѣсяцев до кончины, заботами близких ему лиц все же увидит свѣт.

Тот вопрос, который должен был получить всестороннее освѣщеніе в только что упомянутом II томѣ «Общественнаго идеала» П. И. Новгородцева, вообще привлекал к себѣ вниманіе русской зарубежной юридической мысли. Ему посвящены статья Е. В. Спекторскаго «Русскій анархизм», напечатанная в «Русской Мысли» (1922 г. январь, февраль) и переведенная на нѣмецкій язык в «русском» номерѣ журнала «Philosophie und Recht» [1]), нѣмецкое изданіе книги **М. Курчинскаго о М. Штирнерѣ** („Der Apostol des Egoismus. Max Stirner und seine Philosophie der Anarchie“), которую можно считать исчерпывающей литературу предмета (особенную статью), и статья **И. Леона** «Проблема правового государства в освѣщеніи анархизма Мих. Бакунина» («Труды русских ученых», т. I). Вскрывая заключающіяся в трудах Бакунина противорѣчія между теоретическим утопизмом и практическим реализмом, автор все же признает за проповѣдью Бакунина громадное соціальное значеніе в качествѣ протеста против склонности стремящагося к устроенію соціальной жизни государства забывать о самоцѣльном значеніи личности.

Изслѣдованію отдѣльных моментов исторіи философіи права посвящены три работы **Г. Д. Гурвича:** 1) «Идея неотъемлемых прав лица в политической доктринѣ XVII и XVIII вѣках» (Труды русских ученых, т. I); 2) „Kant und Fichte als Rousseau Interpreten (Kant Studien B. XXVII, 1922) и 3) Otto v. Gierke als Rechtsphilosoph („Logos“, B. XI, Heft 1, 1922 и расширенный отдѣльный оттиск). В первой из названных статей автор, примыкая к напечатанному еще в Россіи труду своему о Руссо, разсматривает вопрос о родоначальниках той линіи идей, которая привела к деклараціи прав, и рѣшает его в том смыслѣ, что истина лежит посрединѣ между обоими борящимися в наукѣ взглядами, из коих один возводит идею неотъемлемых прав лица к фран-

[1]) Об этом номерѣ и спеціально о статьѣ Е. Спекторскаго см. ниже в п. 4 настоящаго параграфа.

цузской просвѣтительной философіи XVIII вѣка, а другой (идущій от М. Ковалевскаго и Іелинека) родоначальниками идеи считает англійских индепендентов XVII вѣка. Во второй статьѣ Г. Д. Гурвич стремится показать, что Кант и Фихте дали кругу мыслей Руссо своеобразное, глубоко отличное от традиціоннаго истолкованье. Наибольшій интерес представляет послѣдняя из названных статей. Автор послѣдовательно разсматривает заключенную в трудах Гирке критику формальнаго юридическаго позитивизма, излагает пути преодолѣнья абстрактнаго индивидуализма и восхожденія до ученія о конкретной цѣлостности духовно-нравственных организмов, как субстанціальной основы пониманія права, далѣе ученіе Гирке об отношеніи между правом и нравственностью, его теорію общественнаго права и, наконец, органическую теорію государства. Особую цѣнность представляют тѣ части статьи, в которых Г. Д. Гурвич выдвигает и защищает от нападок понятіе конкретной системы, как базиса для построенія теоріи юридическаго лица, государства и в особенности союзнаго государства, и это несмотря на нѣкоторые догматическіе промахи. Г. Д. Гурвич, правда, втолковывает в Гирке много мыслей, которыя, вѣроятно, никогда не приходили в голову послѣднему. Но это своеобразное перемѣщеніе авторства ни в коей мѣрѣ не лишает высказываемыя в работѣ идеи их значительности и плодотворности.

Из учебной литературы предмета можно отмѣтить только переизданіе в Прагѣ (в литографированном видѣ) нѣкоторых частей стараго труда П. И. Новгородцева о политических идеалах. Первый выпуск, обнимающій ученія древняго міра до Аристотеля, издан Пражским Отдѣленіем Христіанскаго Союза Молодежи (YMCA), а второй и третій, охватывающіе соотвѣтственно ученія новаго времени до Канта и ученія Канта и Гегеля, — издательской комиссіей юридической секціи [1]).

3. В области **общей теоріи права** имѣются двѣ работы, посвященныя основной проблемѣ ея, вопросу о том, что такое право: статьи **Н. С. Тимашева** «Право, как коллективно-психологическая реальность» («Труды русских ученых за границей», т. II, Берлин, 1923) и брошюра **М. Лазерсона** „Recht, Rechtsseitigkeit und Gerechtheit. Versuch einer rechtsphilosophisch-linguistischen Klärung des Rechtsbegriffs“ (Berlin, 1921).

Первая из названных работ примыкает к позитивному направленію в правовѣдѣніи и пытается уяснить природу права, как сочетанья двух элементарных коллективно-психологических процессов — дѣйствованья этики (в широком смыслѣ слова) и

[1]) Издательская комиссія учреждена на общем собраніи студентов русскаго юридическаго факультета в Паргѣ в маѣ 1922 г. и окончательно сконструирована в ноябрѣ того же года. Комиссія эта переиздает уже имѣющіяся книги с необходимыми измѣненіями и дополненіями, или издает новыя книги, составленныя профессорами факультета.

властвованья. Вторая работа представляется преимущественно лингвистическим изысканьем, исходящим из этимологической близости терминов «право» и «прямота».

Методологией правовѣдѣнья, при том, характерным образом, правовѣдѣнья историческаго, занимаются авторы трех статей. В общей формѣ ставит вопрос **В. Ѳ. Тарановскій** в появившейся на сербском языкѣ статьѣ «Задаток и метода историје права» (Архив за правные и друштевне науки 1921 г., кн. II, № 4). Тот же автор дает статью, посвященную болѣе частному вопросу — «О періодизаціи в исторіи права» («Труды русских ученых», т. II). Автор устанавливает два пріема исторической періодизаціи, періодизацію техническую и періодизацію раціональную, производимую в порядкѣ осмысленія историческаго процесса и нахожденія нѣкоторых пунктов, знаменующих принципіальное измѣненіе хода развитія. С небольшим очерком, озаглавленным «Преспективы историческаго правовѣдѣнія» («Современ. записки», т. VII), выступает **П. Г. Виноградов.**

Характеристику совѣтскаго права, с точки зрѣнія основных категорій общей теоріи права, дает **Н. С. Тимашев** в представленном им берлинскому съѣзду юристов докладѣ под заглавіем «Правотворчество и примѣненіе права в совѣтской Россіи», опубликованном в «Протоколах» съѣзда (Берлин, 1924 г.) и в переводѣ на нѣмецкій язык в Schweizerturistenzeitung (№ от 15-го дек. 1922 г.). Близок по темѣ и доклад, представленный тому же съѣзду **А. А. Пиленко** («Критическое освѣщеніе новѣйших законодательных попыток совѣтской власти», см. тѣ же «Протоколы»). Энциклопедическія свѣдѣнія по совѣтскому праву[1] в цѣлях ознакомленія с его специфическими особеностями иностранных читателей дает **Л. М. Зайцев** в статьях: 1) „Das neue Recht in Sovietrussland" (Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft, 1923, N-6-9), 2) „La Russia Sovietista desde el punto de vista del Derecho" (Rivista General de Legislation y Jurisprudencia, 1924, Tomo 144, N-11).

В заключеніе обзора литературы по общей теоріи права нужно отмѣтить выход вторым пересмотрѣнным и дополненным изданіем «Энциклопедіи права» В. Ѳ. Тарановскаго («Труды русских ученых за границей», т. IV, Берлин, 1923 г.), которая, кромѣ того, появилась в сербском переводѣ («Енциклопедије Права», Београд, 1923), и выпуск в Прагѣ (издательством юридической лекціи) лекцій по общей теоріи права, читанных **А. Н. Фатѣевым.**

4. Совершенно исключительное явленіе, стоящее в тѣсной внутренней связи с фактом нахожденія в состояніи эмиграціи ряда русских ученых юристов, представляет появленіе спеціальнаго русскаго номера журнала „Philosophie und Recht" (1922 N-2),

---

[1]) Преимущественно гражданскому, уголовному и процессуальному.

состоящаго из статей: 1) P. Nowgorodzeff, „Über die eigentümlichen Elemente der russischer Rechtsphilosophie"; 2) E. Spektorsky, „Der russische Anarchismus"; 3) G. Gurwitsch, „Die zwei grössten russischen Rechtsphilophen B. Tschischerin und W. Solowjew"; 4) G. Landau, „Die Voraussetzungen der psychologischen Rechtslehre L. Petrazickis; и 5) Übersicht der neueren rechtsphilosophischen Literatur in Russland". Сборник этот имѣет задачей ознакомленіе западно-европейской юридической и философской мысли с достиженіями русской философіи права. К сожалѣнію, приходится признать, что задача выполнена составителями сборника лишь в неполной мѣрѣ. Ибо, первая, наиболѣе отвѣтственная статья, построена на противоположеніи западно-европейской философіи права в точном смыслѣ слова и русской народной «философіи» права, преломленной к тому же в твореніях Достоевскаго. Ясно, что термин «философія права» употреблен в двух разных смыслах. Такое quaternio terminorum во многих отношеніях напоминает блестяще вскрываемый Вл. Соловьевым логическій порок славянофильских построеній, сопоставлявших русскій народный идеал (конечно, в своем истолкованіи) с западно-европейской дѣйствительностью. Статья Е. В. Спекторскаго, давая блестящій очерк взглядов русских корифеев анархизма, грѣшит обиліем модных в настоящее время, но совершенно бездоказательных сужденій о свойствах русскаго народа. Послѣ того, как в статьѣ русскому народу оказывается приписанными склонность к самодурству, отрицаніе культурных цѣнностей, неуважительное отношеніе к праву и т. д., совершенно неожиданными представляются заключительныя слова статьи, в которых выражена мысль, что сытая и самодовольная Европа все же может кое-чему поучиться у Россіи. Гораздо проще по замыслу и потому пригоднѣе в цѣлях ознакомленія Запада с русской философіей права статьи Г. Д. Гурвича и Г. Ландау. Заключительная статья анонимнаго автора грѣшит пороком, обратным коренному дефекту статьи П. И. Новгородцева: если послѣдній заслонил фигурою Достоевскаго все то, что имѣется в русской философіи права, то автор названной статьи зачислил в философы права всѣх подряд русских юристов и постарался в трудах каждаго найти теоретическія предпосылки, в дѣйствительности многим из них совершенно чуждыя. В этом утомительном обзорѣ отсутствуют криминалисты, которые как раз сравнительно много дают для философіи права.

Настоящая статья была уже набрана, когда вышел в свѣт **III выпуск I тома «Ученых Записок»,** основанных русской учебной коллегіей в Прагѣ. Из состава этого сборника к области общей теоріи права относятся статьи С. Н. Булгакова «Церковное право и кризис Правосознанія» и двѣ статьи А. Н. Фатѣева «Правовое явленіе» и «К исторіи юридической образованности в Россіи». В статьѣ С. Н. Булгакова устанавливается огромное значеніе для теоріи права церковнаго права, как замѣчательнаго правового

эксперимента или иноприроднаго права, и намѣчается мысль, что только церковное право содержит в себѣ свое оправданіе и основаніе, что только в нем и через него рѣшается вопрос о правѣ права. В первой из своих статей А. Н. Фатѣев, на основаніи обширнаго сравнительно-историческаго матеріала, приходит к выводу, что самое явленіе правового долженствованія можно опредѣлить, как человѣческую дѣятельность, соціально координируемую и соціально защищаемую. Во второй статьѣ А. Н. Фатѣев дает построенный на изученіи первоисточников очерк западнаго юридическаго вліянія на технику нашего юридическаго образованія, на идейно-политическій фон и юридико-политическую литературу за эпоху от Петра Великаго и кончая царствованьем Николая I.

3. Частное право.

1. В группѣ дисциплин, изучающих частно-правовыя нормы, есть одна, на которой в настоящее время не отражаются никоим образом бури и потрясенія, переживаемыя міром. Это есть наука **Римскаго права,** в которой мы и видим спокойное продолженіе работы предшествующих лѣт. Выходит новым изданіем «**Исторія римскаго права**» **I. А. Покровскаго** (Рига, 1924). В Прагѣ издаются (вышеупомянутым издат. комис. юридической секціи) лекціи **М. М. Каткова** по догмѣ римскаго права (2 вып., обнимающіе общую часть и вещное право), его же лекціи по внѣшней исторіи римскаго права и лекціи **Д. Д. Гримма** по исторіи римскаго права (3 выпуска, посвященные исторіи государственнаго права, источникам права и исторіи гражданскаго права). В двух томах «Трудов русских ученых за границей» появляется (еще не законченная) монографія **Д. Д. Гримма,** озаглавленная «Проблема вещных и личных прав в древне-римском правѣ». Во вводных замѣчаніях Д. Д. Гримм возстает против господства изоляціоннаго метода в исторіи права, ведущаго свое начало от отцов исторической школы, и устанавливает необходимость для изученія исторіи институтов частнаго права использовать тот матеріал, который дает исторія хозяйственнаго быта, начиная это изученіе с вопроса о том, какія именно конкретныя хозяйственныя отношенія, пріобрѣтши типичный и массовый характер, вызвали появленіе даннаго института или оказали вліяніе на дальнѣйшую судьбу его. В отличіе от постоянно повторяющагося явленія, в дальнѣйшем изложеніи автор в полной мѣрѣ считается с установленными им во вводных замѣчаніях методологическими пріемами.

2. Зато в области **Гражданскаго права** с особой ясностью проявляется то замедленіе темпа догматической работы, о котором говорилось во введеніи. Отчасти в учебных цѣлях, отчасти в связи с примѣненіем нашего дореволюціоннаго права в лимитрофах, выходит в свѣт «**Гражданское право**» **И. М. Тют-**

рюмова (Юрьев, 1922). В книгѣ этой, наряду с постановленіями тома X, разсматриваются и нормы прибалтійскаго права, и, в отдѣльных случаях, рѣшенія, предлагаемыя важнѣйшими западно-европейскими законодательствами и проектом гражданскаго уложенія. Нельзя не отмѣтить, что обиліе положительно-правовых систем, с которыми оперирует автор, мѣстами отражается на ясности изложенія. Тот же автор переиздал, для удовлетворенія потребностей судебной практики, свое извѣстное комментированное изданіе, т. X, ч. I (2 тома, Рига, 1923). — В Прагѣ юридической секціей издаются лекціи по гражданскому праву **С. В. Завадскаго,** обнимающія пока общую часть, права личности в семействѣ и внѣ семейства и права обязательственныя. Никаких монографій по русскому гражданскому праву за отчетный період не появилось.

Только начинается и изученіе зарубежной наукой совѣтскаго гражданскаго права. Чисто информативной представляется небольшая статья **Н. С. Тимашева,** «Das neue russische Zivilgesetzbuch» напечат. в Schweiger Juristen Zeitung (№ от 15-го апр. 1923 г.) [1]. **Тот же автор совмѣстно с М. И. Ганфманом** написал краткій обзор нѣкоторых институтов совѣтскаго частнаго права (в связи с основами судоустройства и судопроизводства) для «Handbookfor LegalProcedure»(London,1924). Очень яркій обзор наиболѣе характерных постановленій совѣтскаго гражданскаго кодекса дал **В. В. Ельяшевич** в статьѣ «Два пути совѣтскаго законодательства» («Экономическій Вѣстник», кн. II, Берлин, 1923). То, что создано совѣтскими юристами в области общегражданскаго оборота, автор очень мѣтко характеризует словами «узаконенный произвол». В статьѣ «К вопросу о возстановленіи частной собственности в совѣтской Россіи» («Экономическій Вѣстник», кн. III, Берлин, 1923). **Н. С. Тимашев,** на основаніи изученія по офиціальным источникам судебной практики вскрывает глубокое противорѣчіе между отрицаніем частной собственности коммунистическою властью и протекающим в странѣ стихійным процессом в пользу ея возстановленія.

3. В области **Торговаго права** приходится отмѣтить только выход в свѣт новым (5-ым) изданіем трехтомнаго курса **Г. Ф. Шершеневича.**

4. Публичное право (кромѣ уголовнаго и процессуальнаго).

1. В области государственнаго права за отчетный період появилось два новых курса. Недавно скончавшійся **В. М. Грибовскій** выпустил [2]) «**Обзор лекцій по государственному праву**» в двух выпусках, из коих первый посвящен общегосударственному пра-

---

[1]) Статья эта, без вѣдома автора, перепеч. в Prager Juristen Zeiutng за 1923 г.

[2]) В изданіи комиссіи «студенческаго совѣта университета Латвіи по снабженію учебными пособіями» (Рига, 1922).

ву, а второй — конституціонному. **К. Соколов** издал курс конституціоннаго права на болгарском языкѣ [1]). Кромѣ того, в изданіи УМСА в Прагѣ вышел небольшой «Историческій очерк русскаго государственнаго права», составляющій запись соотвѣтствующих лекцій **Н. Н. Алексѣева.**

Появленіе за послѣдніе годы многочисленных новых конституцій нашло, понятно, свое отраженіе, хотя и недостаточное в русской литературѣ государственнаго права. Перу бар. **Б. Э. Нольде** принадлежит очерк т. наз. веймарской» конституціи («Германская Имперія», в «Современных Записках», т. IV). Прив.-доц. **Миркин-Гецевич** дает краткій сборник конституціи Чехословацкой республики (там же, т. X). Под редакціей **В. М. Грибовскаго** напечатан русск. перевод конституціи латвійской республики (Рига).

В связи с пережитою нами катастрофой особое вниманіе русской науки привлекает к себѣ вопрос о кризисѣ современнаго государства. В статьѣ «Демократія на распутьи» (Сборник «Софія», т. I, Берлин, 1923). **П. И. Новгородцев** подчеркивает относительность идеала демократіи и отмѣчает то внутреннее недомоганіе, которое, по его мнѣнію, неизбѣжно переживает демократія там, гдѣ она существует уже десятки лѣт. Автор заканчивает свою статью утвержденіем, что будущее демократіи, как и всякой другой формы, зависит от будущаго религіи. — **Е. Спекторскій** в статьѣ «Кризис современнаго государства» («Русскій Сборник», кн. II, Софія, 1921) устанавливает вытѣсненіе принципа государственности принципом общественности; государство, по его мнѣнію, теряет свой авторитет и силу; будущее рисуется ему в формѣ какого-то возрожденія средневѣковья. Защиту демократіи от учащающихся нападок имѣют своею цѣлью авторы двух статей, напечатанных в сборникѣ «Современныя проблемы» [2]), а именно: **Демевскій,** статья котораго озаглавлена «Проблема демократіи», и **Ст. Иванович,** давшій статью под названіем «Демократія и соціализм». — К тому же циклу вопросов относится небольшая книга **Г. Новоторжскаго** «Что такое правовое государство» (Берлин, 1921).

По понятным причинам подвергся внимательной разработкѣ вопрос о публично-правовом положеніи иностранцев, в частности эмигрантов. Вопросу этому посвящены доклады **бар. Б. Э. Нольде и С. К. Гогеля** съѣзду русских юристов, озаглавленные «Публично-правовое положеніе эмиграціи» (см. «Протоколы» съѣзда) и статья **Б. Манделя** „Die Rechte der politischen Emigranten das deutsch-russische Abkommen vom 6 Mai 1921“ (Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft, 1921, № 4—6).

---

[1]) Пишущему эти строки не удалось установить точное заглавіе и время изданія указываемой в текстѣ книги.

[2]) Париж, 1922, изд. Я. Поволоцкаго.

Вопрос о народном представительствѣ в настоящее время интересует русскую юридическую мысль преимущественно в правнополитическом аспектѣ. С этой точки зрѣнія разсматривает его **А. Билимович** в статьѣ «Народное представительство будущей Россіи» («Русская Мысль», 1922 г. март), в которой он рѣшительно возстает против системы прямых выборов, и бар. Б. Э. Нольде в статьѣ «Народное представительство и представительство интересов», помѣщенной в уже упомянутом сборникѣ «Современныя проблемы». В статьѣ этой дается интересный очерк развитія народнаго представительства в современной демократіи от первоначальных элементарных форм вплоть до утонченных систем пропорціональнаго представительства и предсказывается переход к системѣ представительства интересов.

Русское государственное право эпохи революціи затрагивается в многочисленных работах, посвященных общей характеристикѣ совѣтскаго режима [1]). Болѣе спеціальный характер носит работа **Л. М. Зайцева** ,,Die Verfassungsentwicklung in Russland seit dem Sturz des Zarentums", напечатанная в Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart (Band XI, 1922). Статья эта, которая в значительной части трактует о государственно- и административно-правовом строительствѣ эпохи временнаго правительства и о возникновеніи на территоріи Россійской Имперіи государственных новообразованій, в отдѣлѣ, касающемся совѣтской эпохи, построена почти цѣликом на изученіи конституціи 10-го іюля 1918 г. и декретов, помѣщенных в «Собраніи Узаконеній». Попыткѣ охарактеризовать основной факт современной русской политической дѣйствительности — подмѣн власти совѣтов властью коммунистической партіи — посвящена статья **Н. С. Тимашева** «Совѣты и коммунистическая партія», напечатанная в «Русской Мысли» (1922 г., май), а равно, в переводѣ на французскій язык (с дополненіями) в журналѣ ,,La vie des peuples" за 1923 г., и на нѣмецкій язык (с сокращеніем) в ,,Weltwirtschaftszeitung" (1922, №№ 7 und 9).

2. По **Административному праву** единственным явленіем представляется изданіе юридической секціей в Прагѣ лекцій **К. Зайцева** в 2 выпусках. Тѣм же издательством переизданы «**Лекціи по Церковному праву» прот. Я. Ктитарева. С. В. Троицкій** опубликовал в журналѣ «Церковныя Вѣдомости» за 1922 и 1923 г. г. статьи: 1) «О правах епископов, лишившихся кафедры без своей вины»; 2) «Юридикція цареградскаго патріарха в области діаспоры» и 3) «Догматическій смысл запрещенія второбрачія священнослужителей», и, кромѣ того, ряд статей в сербских изданіях.

3. В противоположность только что отмѣченным дисципли-

---

[1]) Могут быть отмѣчены: B. Nolde, «Le regime de Lenin»; M. Vichniak, «Le regime sovietiste, Etude juridique, et politique. Paris, 1920; А. Терне, «В царствѣ Ленина», Берлин, 1922.

нам довольно значительнаго развитія достигла литература **Международнаго права.** Тут слѣдует отмѣтить выход в свѣт новым (5-м) изданіем русскаго перевода учебника **Листа** (Рига, 1923), а равно литографированных курсов Г. Д. Гурвича по общей теоріи международнаго права и **М. А. Циммермана** по его исторіи (оба в изданіи юридической секціи) *). Послѣдній из названных авторов выпустил, кромѣ того, большой труд под заглавіем «**Очерки новаго международнаго права**» (Прага, 1923). Труд этот дает сжатое изложеніе исторіи международных отношеній за послѣднія десятилѣтія XIX вѣка и начало XX вѣка, очерк мирных трактатов, заканчивающих великую міровую войну, подробную характеристику исторіи возникновенія, юридической природы, организаціи и функціонированія Лиги Націи и небольшой очерк структуры постоянной палаты международнаго суда. Центральное мѣсто в книгѣ занимает вопрос о Лигѣ Націй. Автор находит, что, если Лига Націй родилась не столько в результатѣ чисто-идеологических мотивов, сколько в силу соображеній практически-политических, то постепенно она измѣняет свою форму и из политическаго орудія становится фактором осуществленія в международной жизни принципа верховенства права. Не в полном соотвѣтствіи с этими правильными сужденіями стоит проскальзывающее мѣстами пониманіе нынѣшняго международнаго права, как надгосударственнаго правопорядка. Автор, устанавливает, что Лига Націй «провозглашает» начало международнаго правопорядка; если Лига Націй это провозглашеніе претворит в дѣйствительность, если она разовьется в civitas maxima, то надгосударственный правопорядок станет фактом. А пока что, международный правопорядок не может быть понимаем иначе, как совокупность тождественных частей, привязанных к отдѣльным государствам правопорядков.

Если М. А. Циммерман относится к Лигѣ Націй в общем сочувственно, то в вышедшей много раньше книгѣ «Вѣчный мир или вѣчная война» (Берлин, 1921) бар. М. А. Таубе, послѣ очерка исторіи идеи вѣчнаго мира и возникновенія и структуры Лиги Націй, приходит к неутѣшительным выводам: Лига Націй, по его словам, больна юридической атрофіей, политической гипертрофіей и общей анеміей. Вообще не во внѣшних учрежденіях видит автор путь к цѣли, а во внутреннем морально-религіозном обезоруженіи индивида. Очень интересны вступительныя главы, в которых М. А. Таубе выводит опредѣленіе права как сумму необходимых для каждаго общества взаимных самоограниченій свободы волевого властвованія индивидов [1]).

---

*) Первый отдѣл курса М. А. Циммермана под заглавіем «Проблема зарожденія международнаго права», перепечатан в отмѣченном выше выпускѣ «Ученых Записок» русской учебной коллегіей в Прагѣ.

[1]) Мысли эти в прежніе годы были опубликованы автором на нѣмецком языкѣ (см. статью его в «Archiv für Recht- und Wirtschaftsphilosophie, 1908, Heft 3—4).

Из других вопросов, стоящих в связи с мирными трактатами 1919 г., подвергся анализу вопрос о правах національных меньшинств, по которому мы имѣем статью М. Вишняка в сборникѣ «Современныя проблемы» и его же работу на французском языкѣ под заглавіем («La protection des droits des minorites dans les traites internacionaux de 1919—20».)

В области частнаго международнаго права слѣдует отмѣтить историко-догматическія работы **бар. Б. Э. Нольде** «Русское наслѣдственное конфликтное право» и «Исторія русскаго коллизіоннаго права», напечатанныя в I и II томах «Трудов русских ученых». В первой из названных статей автор выражает увѣренность в том, что с возстановленіем русскаго правопорядка нам придется в области конфликтнаго права вернуться на почву 1914 г., чтобы продолжить преемственное развитіе наших коллизіонных норм.

Конкретный вопрос о правѣ, подлежащем примѣненію в качествѣ національнаго в отношеніи русских эмигрантов, затрагивает многочисленные доклады, представленные съѣзду русских юристов за границей (см. «Протоколы» съѣзда). Из них наибольшій интерес представляет доклад **О. А. Верта** о положеніи дѣла в Германіи и **П. А. Дубинскаго** о практикѣ французских судов. Существенно отличную от развиваемой О. А. Вертом точку зрѣнія по тому же вопросу защищает **И. М. Рабинович** в статьѣ «Die Anwendung der russischer Sowietdekrete in Deutschland», напечатанной въ «Deutscher Juristenzeitung» (1922, Heft 11/12). Этому же вопросу посвящен спеціальный № **„Journal du droit international privé„ (51 année, livr. 1),** в котором перу русских авторов принадлежат статьи: Tager. Le point de vue de la jurisprudence francaise и Idelson, Le point de vue de la jurisprudence anglaise.

5. Уголовное право и уголовный процесс.

I. Изданія кодексов. II. Философія уголовнаго права. — Основныя направленія в наукѣ уголовнаго права. III. Учебники и практическія пособія. IV. Сборники статей. — Характеристики отдѣльных криминалистов. V. Уголовное право и уголовный процесс в совѣтской Россіи. VI. Уголовное право и уголовный процесс послѣ войны. VII. Спеціальные вопросы уголовнаго права и процесса.

Настоящій библіографическій очерк не может претендовать на исчерпывающій характер, являясь лишь матеріалом, нуждающимся в дальнѣйших дополненіях. В виду сравнительной количественной ограниченности работ по уголовному праву и процессу, опубликованных русскими авторами за предѣлами Россіи в 1920—1924 г. г. *), в обзор включены не только книги, но и журнальныя статьи как на русском, так и на иностранных языках. С другой стороны, в обзор не вошли произведенія мемуарнаго и публицистическаго характера, содержащія нерѣдко весьма цѣнный матеріал: 1) по вопросу о состояніи уголовнаго правосудія в Россіи до октябрьскаго переворота 1917 года (напр., мемуары М. М. Винавера, А. А. Демьянова, С. В. Завадскаго, Н. П. Карабчевскаго, М. П. Чубинскаго и др.); 2) по вопросу об организаціи уголовной юстиціи и карательной системы и о порядкѣ исполненія наказанія в Совѣтской Россіи (в частности довольно многочисленныя работы, посвященныя изображенію отдѣльных политических процессов, воспоминаніям о заключеніи в совѣтских тюрьмах, о дѣятельности т. н. чрезвычайных комиссій, революціонных трибуналов и народных судов и т. п.). Подобный обзор требует спеціальной библіографической разработки.

I. Изданія уголовных кодексов.

Как извѣстно, русское Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 года имѣет, с нѣкоторыми измѣненіями, силу дѣйствующаго закона в бывшей русской части Польской Республики, а также в государствах — лимитрофах. То же можно сказать о русском Уставѣ уголовнаго судопроизводства и отчасти о законах военно-уго-

*) Обзор составлен в первых числах мая 1924 г.

ловных. Практической потребностью и вызвано в связи с этим появленіе новых изданій русских уголовных кодексов внѣ предѣлов Россіи, в частности в Латвіи и в Эстоніи. Наиболѣе цѣнным изданіем Уголовнаго Уложенія 22 марта 1903 года является:

Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакціонной Комиссіи и пр. по изданіям Н. С. Таганцева. Под редакціей члена консультаціи при Министерствѣ Юстиціи П. Н. Якоби. Изданіе неофиціальное. Рига. 1922 г. Книгоиздательство «Лета». Стр. XXXIV + 1622.

Как указывает редактор, настоящее изданіе составлено по изданіям Н. С. Таганцева: **1911 года** в отношеніи введенных в дѣйствіе в Россіи статей Уголовнаго Уложенія 22 марта 1903 года и **1904 года** в отношеніи прочих статей. При этом текст дѣйствовавших в Россіи статей воспроизведен по офиціальному изданію 1909 года со включеніем статей по продолженіям 1912 и 1913 г. Далѣе, в настоящее изданіе включены позднѣйшія законоположенія, изданныя в порядкѣ 87 ст. Осн. Зак., а равно и Постановленія Временнаго Правительства за 1917 год. Кромѣ того, Кассаціонная практика, имѣющая отношеніе к Уголовному Уложенію, воспроизведена до 1917 года, однако, не полностью. В видѣ приложенія помѣщены дѣйствующія в Латвіи законоположенія, послѣдовавшія в измѣненіе или отмѣну постановленій Уголовнаго Уложенія 22 марта 1903 г. (Стр. 1577—1602); они воспроизведены на латышском языкѣ с русским переводом en regard. Изданіе снабжено предметным и хронологическим указателями. Весьма цѣнным, в виду трудности в настоящее время нахожденія этого матеріала, представляется опубликованіе в особом приложеніи (стр. 1565—1575) ряда важнѣйших актов Временнаго Правительства Россіи (об отмѣнѣ вѣроисповѣдных и національных ограниченій, о печати, о надзорѣ за публичными зрѣлищами, о свободѣ совѣсти, об отмѣнѣ ссылки и пр.).

Кромѣ этого изданія русскаго Уголовнаго Уложенія, появились еще слѣдующія:

Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г. со всѣми измѣненіями и дополненіями, изданными до 1 августа с. г. с алфавитным указателем статей. Двинск. 1921.

Уголовное Уложеніе. Изданіе комиссіи студенческаго совѣта Университета в Латвіи по снабженію учебными пособіями. Рига 1922.

Уголовное Уложеніе. Глава XXVIII, принятая Государственным Собраніем. Изд. Циммермана. Ревель. 1921.

В Латвіи вышло также извѣстное и весьма распространенное среди русских юристов-практиков комментированное изданіе Устава уголовнаго судопроизводства:

Шрамченко и Ширков. Устав уголовнаго судопроизводства. С позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами и т. д. Изд. Гликсмана. Рига. 1923.

В Эстоніи появилось изданіе Воинскаго Устава о наказаніях:

А. Г. Додашев.. Воинскій Устав о наказаніях с разъясненіями и рѣшеніями Правительствующаго Сената и Главнаго Военнаго Суда. Изд. Циммермана. Ревель. 1923.

Проживаніе значительнаго числа русских граждан на территоріи Китая и подчиненіе их юрисдикціи мѣстных судов обусловило практическую необходимость знакомства с мѣстным правом, в частности с правом уголовным. В связи с этим находится появленіе в русском переводѣ комментированнаго текста новаго уголовнаго уложенія Китайской Республики.

К. В. Успенскій и С. И. Поликарпов.. Новое Уголовное Уложеніе Китайской Республики. Перевод с китайскаго со всѣми главнѣйшими мотивами и разъясненіями комиссій и позднѣйшими дополненіями. Харбин. 1921.

Нам извѣстен болѣе ранній перевод Китайскаго уголовнаго уложенія:

Новое Временное Уложеніе о наказаніях Китайской Республики. Перевод с китайскаго С. Большакова. Приложеніе к журналу «Вѣстник Азіи». Харбин. 1915. (№ 33).

Новый китайскій уголовный кодекс составлен в послѣдніе годы Да—Цинской династіи, когда уже началось преобразованіе государственнаго и общественнаго строя Китая. Он замѣнил собою совершенно архаическій кодекс 1727 г. С введеніем в Китаѣ республики новый уголовный кодекс подвергся исправленію и вступил в силу 10-го числа 3-ьяго мѣсяца 1-го года республики *).

II. Философія уголовнаго права. — Основныя направленія в наукѣ уголовнаго права.

К этому отдѣлу слѣдует отнести исполненный русским автором перевод на нѣмецкій язык извѣстнаго очерка знаменитаго русскаго философа В. С. Соловьева:

Wl. Solowieff. Das Strafrecht vom Standpunkt der Sittlichkeit Übers. und eingeleit. von L. Galin. Berlin. 1921.

Статья проф. М. П. Чубинскаго, посвященная основным направленіям в наукѣ уголовнаго права, в свое время возбудившая большой интерес блестящей формулировкой основных принципов соціологической школы, выходит вторым, значительно переработанным и вчетверо расширенным изданіем на сербском языкѣ:

М. Чубински. О новим школама у кривичноме праву. Изд. 2, потпуно поправљено и допуњено. Изд. Геце Кона. Београд. 1924 Стр. II+60.

---

*) Отмѣтим здѣсь, что интерес к китайскому праву выразился также и в появленіи статей, ему посвященных. Нам извѣстна, напр., слѣд.: *Г. Г. Авенаріус.* Суды и процессуальныя нормы в Китаѣ. «Вѣстник Азіи». 1921 г., № 48. Харбин.

Впервые эта работа была переведена на сербскій язык в 1899 г. и появилась в сербском юридическом журналѣ «Бранич».

III. Учебники и практическія пособія.

Потребностями преподаванія на Русском Юридическом факультетѣ в Прагѣ вызвано появленіе пособія по уголовному процессу проф. С. К. Гогеля и переизданіе учебника проф. Н. Д. Сергѣевскаго по уголовному праву. Оба учебника напечатаны литографским способом в ограниченном числѣ экземпляров, исключительно для учебных нужд студентов.

К числу пособій для юристов-практиков должна быть причислена книга:

Демкин, прис. повѣренный. Состав преступленій. Ч. I и II. Личныя и имущественныя преступленія. Изд. Циммермана. Ревель 1921.

IV. Сборник статей по уголовному праву и процессу. — Характеристики отдѣльных криминалистов.

А. Ф. Кони. На жизненном пути. Т. III, ч. I. Изд—ство «Библіофил». Ревель. 1922.

В этом томѣ напечатаны слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе к уголовному праву и процессу:

Обнинскій и Джаншіев. — Н. В. Давыдов. — Искусство рѣчи на судѣ. — Борьба с преступленіем. — Уголовная политика.

Е. Гальперин—Гинсбург. Под знаменем права. Сборник статей. Предисловіе и редакція А. Кизеветтера. Изд. «Образованіе». Берлин. 1923.

Сборник заключает в себѣ ряд статей, преждевременно умершей русской юристки, опубликованных ранѣе в періодических изданіях, преимущественно кіевских. В предисловіи, написанном проф. А. А. Кизеветтером, дается характеристика личности и дѣятельности г-жи А. Гальперин-Гинсбург. Значительная часть статей посвящена проблемѣ борьбы с дѣтской преступностью и безпризорностью.

А. Каминка. Памяти В. Д. Набокова. «Труды русских ученых за границей». Сборник Академической группы в Берлинѣ, под редакціей проф. А. И. Каминка. Т. II. 1923. Книгоиздательство «Слово».

Здѣсь в рамкѣ общей характеристики разносторонней дѣятельности трагически погибшаго государственнаго дѣятеля и ученаго дана также характеристика В. Д. Набокова, как криминалиста и предсѣдателя Русской Группы М. С. К.

Ал. Маклецов. Памяти Н. С. Таганцева. «Русская Мысль». 1923 г., кн. III—V.

То же на чешском языкѣ:

Prof. Alexandr Maklecov. Za prof. Dr. N. S. Tagancevem. «Právník» (Praha). Ročník LXII, sešit XII.

V. Уголовное право и уголовный процесс в Совѣтской Россіи.

Dr. Galin, Rechtsanwalt. Gerichtswesen und Strafsystem im revolutionären Russland (dargestellt auf Grund der Ereignisse bis Anfang 1920). Mit Vorworten von Prof. E. Lederer. — Heidelberg (Socialpolitik) und Prof. M. Liepmann — Hamburg (Strafrecht) .1920. Verlag von Franz Vahlen. 85 стр.

То же на французском языкѣ:

Dr. L. Galin. Justice et système pénal de la Russie révolutionaire. Traduction française de P. Oulevey, docteur à Heidelberg. Paris. Librairie Arthur Rouseau. 1920.

Книга г. Галина содержит весьма бѣглый обзор положенія русскаго суда при Временном правительствѣ, далѣе характеризует состояніе уголовной юстиціи в первые мѣсяцы, послѣ октябрьскаго переворота 1917 года (глава п. н. Die linken Socialrevoltionäre an der Spitze des Justiz-Kommissariats). Вторая половина работы посвящена собственно коммунистическому періоду, причем обзор доведен до начала 1920 г. Здѣсь кратко изложена первоначальная организація народных судов и революціонных трибуналов, защиты и обвиненія, карательной системы и дано изображеніе дѣятельности Чрезвычайных комиссій по борьбѣ с контр-революціей, спекуляціей и должностными преступленіями. Из двух авторов, снабдивших книгу вступительными статьями, проф. Ледерер усматривает нѣкоторую положительную эволюцію в совѣтском правѣ, а проф. Липманн характеризует совѣтскую юстицію, как «грубо-послѣдовательное орудіе классовой борьбы без всякой гарантіи для независимости судей и для осуществленія требованій справедливости». (Стр. 10).

Von Harten. Der Strafkodex der russischen Räterepublik. «Schweizerische Zeitschrift für Schtrafrecht». 36 Jahrgang. 1923, Hefte 1—2.

В этой статьѣ русскаго автора, помѣщенной в швейцарском юридическом журналѣ, находим краткое изложеніе содержанія Совѣтскаго Уголовнаго Кодекса 1 іюня 1922 года и оцѣнку его с точки зрѣнія общих начал культурнаго права.

Leo Zaitzeff. Das Strafrecht in Sowjetrussland. Sonderabdruck aus der «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft». Bd. 43. Berlin und Leipzig. 1922. Vereinigung wissenschaftlicher Verleger.

Leo Zaitzeff. Das neue Gerichtswesen und Strafrecht in Sowjetrussland. Sonderabdruck aus der «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft». Bd. 44. Verlag von Walter Gruyter. Berlin und Leipzig.

Обѣ работы г. Л. Зайцева имѣют между собой внутреннюю связь. Первая из них содержит обзор исторіи совѣтскаго матеріи-

альнаго уголовнаго законодательства от первых дней октябрьской революціи до опубликованія проекта Совѣтскаго Уголовнаго Кодекса включительно. Болѣе подробно изложено содержаніе т. н. «Руководящих начал по уголовному праву», опубликованных в концѣ 1919 г., и ряда декретов, связанных с совѣтской карательной системой (смертная казнь, правопораженія, организація принудительных работ и пр.). Вторая часть работы отведена изданному в началѣ 1922 г. Проекту Уголовнаго Кодекса, содержаніе котораго автор излагает по главам и параграфам.

Во второй статьѣ автор, продолжая свой обзор, распространяет его не только на матеріальное уголовное право совѣтской Россіи, но и на ея уголовно-процессуальное право. В основу изложенія положены опубликованные в 1922 году «Уголовно-процессуальный Кодекс Р. С. Ф. С. Р.» 1 іюня 1922 и «Уголовный Кодекс Р. С. Ф. С. Р.» 1 іюля того же года. В результатѣ своего весьма объективнаго обзора автор приходит к выводу, что строеніе совѣтскаго уголовнаго права и уголовной юстиціи не имѣет ничего общаго с **правовым** порядком в общепринятом смыслѣ этого слова (стр. 361).

Кромѣ того, г. Л. Зайцевым опубликован доклад его о совѣтском уголовном законодательствѣ, прочитанный на съѣздѣ русских юристов в Берлинѣ.

См. «Протоколы Съѣзда русских юристов за границей 1—4 октября 1922 г. в Берлинѣ» (по стенограммѣ). Изд. отдѣленія Комитета русских юристов. Берлин. 1924.

Ал. Маклецов. Совѣтскій Уголовный Кодекс. «Русская Мысль». 1923 г. Книга I—II. Прага—Берлин.

Prof. Alexandr Maklecov. Novodobý rozvoj trestního zákonodárství v Rusku. «Právník» (Praha). Ročník 62. Sešit 1. 1923.

В первой статьѣ содержится краткое изложеніе и оцѣнка Совѣтскаго Уголовнаго Кодекса 1 іюня 1922 г.; во второй (на чешском языкѣ) воспроизведено содержаніе доклада, прочитаннаго автором в Чешском Юридическом О—вѣ в Прагѣ и заключающаго в себѣ изображеніе исторіи русскаго уголовно-матеріальнаго права, начиная с Уложенія о наказаніях 1845 г. и кончая совѣтским Уголовным Кодексом 1-го іюня 1922 года.

Н. С. Тимашев. Из жизни совѣтской юстиціи. «Крестьянская Россія». Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. № VII. Прага. 1924.

В своей статьѣ автор, прежде всего, дает краткій очерк организаціи суда в совѣтской Россіи послѣ реформы 31 октября 1922 года. Далѣе автор задается вопросом о том, как живет и работает этот своеобразно построенный суд, и отвѣчает на него, опираясь почти исключительно на матеріал, заимствуемый из «Еженедѣльника Совѣтской Юстиціи», офиціальнаго органа соотвѣтственнаго комиссаріата. Наиболѣе полно освѣщен в статьѣ вопрос о личном составѣ совѣтских судей и об условіях дѣятель-

ности суда в современной Россіи. На основаніи тщательнаго анализа строго-документальнаго матеріала автор приходит к слѣдующим выводам: «Полуграмотный, нищенски оплачиваемый, заваленный посторонней работой, приниженный морально судья; голыя, едва отапливаемыя помѣщенія; отсутствіе бумаги и даже текстов законодательных актов; отсутствіе всяких средств сношеній с внѣшним міром, в том числѣ с высшими инстанціями — вот обстановка, в которой протекает работа. По существу эта работа медленна, полна грубых дѣлопроизводственных погрѣшностей и процессуальных нарушеній, попирающих зачастую элементарныя права личности. В то же время эта работа в высокой степени зависима от усмотрѣнія всемогущей административной власти... Приниженный до такой степени суд — это типичный суд деспотическаго государства». (Стр. 161).

Проф. Рязановскій. О судѣ в совѣтской Россіи. «Юридическое Обозрѣніе». 1921 г. № 3. Владивосток.

VI. Уголовное право и уголовный процесс послѣ войны.

Д-р Мих. П. Чубински. Професор Београдског Универзитета и **пређашњи** ред. **професор** Петроградског **Универзитета**.

Проблем изједначења права у уједињеном Краљевству С. Х. С. и одредбе Пројекта Српског казненог законика. Издавачка књижарница Геце Кона. Београд. 1921. Стр. 108.

М. Чубинскій. Реформа уголовнаго права и процесса в королевствѣ С. Х. С. «Труды русских ученых за границей». Сборник Академической Группы в Берлинѣ под редакціей проф. А. И. Каминка. Т. II. Книгоиздательство «Слово». 1923.

Книга выдающагося русскаго криминалиста, в настоящее время занимающаго должность ординарнаго профессора Юридическаго факультета в Суботицѣ, опубликованная на сербском языкѣ, посвящена проблемѣ объединенія права в Королевствѣ сербов, хорватов и словенцев и постановленіям проекта Сербскаго Уголовнаго Уложенія 1910 г. Проф. М. П. Чубинскій был привлечен Министерством Юстиціи Объединеннаго Королевства в качествѣ члена комиссіи по объединенію его уголовнаго законодательства. Комиссія поручила проф. Чубинскому совмѣстно с профессором Бѣлградскаго университета Т. Живановичем подготовить проект общей части новаго уголовнаго кодекса на основѣ прежняго сербскаго проекта 1910 года. Как отмѣчает автор в предисловіи, работа его представляет результат произведеннаго им пересмотра прежняго сербскаго проекта и одновременно формулирует его выводы, соотвѣтствующіе его личным воззрѣніям и основанные на его многолѣтнем служебном опытѣ и участіи в рядѣ законодательных комиссій в Россіи. Автор прежде всего останавливается на общей задачѣ объединенія уголовнаго законодательства в Королевствѣ С. Х. С., указывая, что реформа уголовнаго законодательства вызывается не только устарѣлостью

сербских законов, но и тѣм, что на территоріи современной Югославіи оказались одновременно дѣйствующими сербское уголовное уложеніе, новое (1906) черногорское уложеніе, австрійское уложеніе (в Словеніи) и хорватское уложеніе, весьма близкое к австрійскому, не считая небольших территорій, гдѣ сохранилось примѣненіе венгерских законов или остатков турецких законов. (Стр. 18). Далѣе, проф. Чубинскій послѣдовательно разсматривает вводныя опредѣленія Проекта, постановленія о наказаніях и мѣрах соціальной защиты («мере за іавну сигурность»), о стадіях осуществленія преступной воли и о соучастіи, о мѣрѣ наказанія, об идеальной и реальной совокупности, об условном осужденіи, о давности, о частной жалобѣ и о возстановленіи в правах. Автор приходит к выводу, что проект Сербскаго Уголовнаго Уложенія 1910 года может быть положен в основу реформы уголовнаго права в Объединенном Королевствѣ, ибо проект этот в своих общих опредѣленіях идет навстрѣчу движенію современной науки и современнаго законодательства (стр. 108). Однако, в рядѣ случаев проф. Чубинскій предлагает внести измѣненія и усовершенствованія в постановленія проекта; предложенія эти он всякій раз подробно мотивирует. В частности автор высказывается против сохраненія предусматриваемой в § 16 Сербскаго проекта смертной казни (стр. 39).

В статьѣ проф. Чубинскаго, опубликованной во II-ом томѣ «Трудов русских ученых за границей», наряду с резюме содержанія упомянутой его работы на сербском языкѣ, касающейся реформы матеріальнаго уголовнаго права в Югославіи, находим весьма интересную главу, посвященную уголовно-процессуальной реформѣ в том же государствѣ. В основу здѣсь положен наиболѣе совершенный из дѣйствующих на территоріи Королевства уголовно-процессуальных кодексов, именно кодекс хорватскій. При пересмотрѣ хорватскаго кодекса члены комиссіи внесли в него ряд существенных измѣненій (отказ от института чрезвычайных судов, ослабленіе начала коллегіальности в интересах упрощенія и удешевленія процесса, широкое примѣненіе т. н. дѣтских судов и пр.). Весьма любопытна своеобразная модификація суда присяжных, предлагаемая Проектом новаго уголовно-процессуальнаго кодекса Королевства С. Х. С. По справедливому заключенію автора, в общем своем видѣ намѣченная реформа уголовнаго процесса «является серьезным шагом вперед даже для тѣх частей Королевства, гдѣ до сих пор дѣйствовали цѣликом или с нѣкоторыми измѣненіями австрійскіе законы. Для Сербіи же в ея старых границах новый устав, пересоздающій процесс на совершенно новых и современных началах, открывает новую эру, погребая ея старые порядки правосудія, во многом близко родственные порядкам дореформенной уголовной юстиціи в Россіи» (стр. 260).

Кромѣ уже названных работ, реформѣ уголовнаго законода-

тельства в Королевствѣ С. Х. С. посвящены слѣдующія статьи проф. М. П. Чубинскаго на сербском языкѣ:

М. Чубински. Пројекат српског казненог законика. Архив за правне и друштвене науке. 1920 г. кн. 1, број (№) 2.

М. Чубински.. Реформа кривичног законодавства Краљевине С. Х. С. Тот же журнал, 1922, кн. IV, број (№) 2.

Общее изображеніе новѣйшаго движенія в сторону преобразованія судебнаго строя в Югославіи, с обзором всѣх новых югославянских проектов, относящихся к судоустройству и уголовному судопроизводству, содержится в книгѣ того же автора на сербском языкѣ:

М. Чубински.. Нове судске реформе. «Правна библиотека», брої (№) 8. Београд, изд. Геце Кона. Стр. II + 108.

А. Маклецов. Уголовное право послѣ войны. (Опыт схематическаго обзора).

«Труды русских ученых за границей». Сборник Академической группы в Берлинѣ под редакціей проф. А. И. Каминка. Т. II. Книгоиздательство «Слово». 1923 г.

В первой части своего очерка автор подводит краткій итог тѣм утратам, которыя понесла за послѣдніе годы наука уголовнаго права в личном составѣ своих наиболѣе видных представителей, а во второй части также кратко характеризует новыя явленія в области уголовно-матеріальнаго законодательства Западной Европы послѣ войны. Болѣе подробно в статьѣ говорится о проектах уголовных кодексов Чехословацкой Республики (1921 г.) и Италіи (1921 г.).

VII. Спеціальные вопросы уголовнаго права и процесса.

Serge Goguel, professeur de droit. Les tribunaux pour enfants en Russie avant la révolution. «Bulletin international de la protection de l'enfance, publié par l'Association internationale de la protection de l'enfance» Bruxelles. № 3. Janvier—Février 1922-

Автор, один из піонеров организаціи особых судов для малолѣтних в Россіи, в своей статьѣ кратко излагает исторію русскаго уголовно-матеріальнаго и процессуальнаго законодательства о малолѣтних преступниках и болѣе подробно останавливается на организаціи и дѣятельности т. н. дѣтских судов в Россіи. Особый интерес представляет изложеніе содержанія законопроекта об опекунских судах, разработаннаго автором статьи в сотрудничествѣ с Н. А. Окуневым и проф. П. И. Люблинским в період Временнаго Правительства (1917 год). Проект этот, принятый весьма сочувственно, не получил осуществленія в виду крушенія самого Временнаго Правительства.

М. Чубински. Накнада штете неоправдано осуђеним лицима. Повраћај права. Правна помоћ између домаћих и туђих власти.

М. Чубински. Појам штете и накнада штете у кривичном поступку. «Архив за правне и друштвене науке». Београд. 1924. «Правни Преглед». Београд. 1922, кн. 2.

Первая из только что указанных статей проф. М. П. Чубинскаго, опубликованных в сербских юридических журналах, касается вопросов о возмѣщеніи ущерба невинно осужденным, о возстановленіи в правах и о взаимопомощи государств в области уголовнаго права. Вторая статья дает анализ понятія вреда и возмѣщенія вреда в уголовном процессѣ.

Исторія русская и всеобщая.

А. Кизеветтера.

Предлагаемый здѣсь читателю обзор того, что было издано по исторіи в русской эмиграціи, не притязает на полноту. Нѣкоторыя категоріи этих исторических работ сознательно выключены из предѣлов настоящаго очерка. Таковы, — историческія статьи появившіеся в *повременной* русской зарубежной печати и тѣ работы историков, которыя были ими помѣщены в иностранных общих и спеціально-научных журналах. Матеріал этого рода будет впослѣдствіи подвергнут спеціальному разсмотрѣнію. Здѣсь разсматриваются лишь работы, вышедшія в различных русских издательствах за границей в видѣ отдѣльных книг и брошюр. Весьма возможно, и даже вѣроятно, что нѣкоторыя из этих книг и брошюр окажутся ускользнувшими от вниманія составителя обзора. По мѣрѣ возможности, такіе пробѣлы, если они будут обнаружены, впослѣдствіи будут восполняться. При современных условіях никак нельзя поручиться за всеобъемлющую полноту библіографических обзоров. Но наш очерк и предпринимается не столько с цѣлью библіографическаго учета обозрѣваемой литературы, сколько с цѣлью ознакомленія с общим ея характером, с ея основными линіями и отличительными особенностями. Необходима еще одна оговорка. В обзор не вошла весьма многочисленная литература политических мемуаров, к которой мы причисляем и такія книги, как исторія революціи И. Н. Милюкова, Русская Смута ген. Деникина и т. п. Мемуарной литературѣ предполагается впослѣдствіи посвятить особый обзор.

Подлежащія нашему разсмотрѣнію книги и брошюры легко распредѣляются на четыре группы. Это — 1) учебныя пособія — учебники и книги для чтенія — для низшей и средней школы; 2) учебныя пособія — печатные курсы — для высшей школы; 3) научно-популярныя историческія сочиненія и 4) ученыя изслѣдованія.

I.

С вѣрным чутьем настоятельной жизненной потребности издательское дѣло в русской эмиграціи прежде всего обратилось на изданіе учебных руководств. Дѣти и юноши учебнаго возраста в изобиліи наполняют ряды эмиграціи. И в кругу открывавшихся перед эмиграціей просвѣтительных задач на первую очередь выдвигалась, несомнѣнно, необходимость облегчить подростающему поколѣнію полученіе образованія. Русскія издательства за границей вступили в этом случаѣ на совершенно правильный путь скорѣйшаго переизданія наиболѣе распространенных учебных руководств. Надо признать, что выбор при этом в общем был сдѣлан довольно удачно.

По **всеобщей** исторіи мы встрѣчаем здѣсь прежде всего извѣстное руководство по исторіи древняго востока **П. Мельгунова «Первые уроки исторіи. Древній Восток.»** Оно вышло в 1923 г. в Берлинѣ в издательствѣ «Ватага и Пламя». Это — 12-ое изданіе названной книги, воспроизводящее без измѣненій ея 9-ое изданіе. П. Мельгунов был в 70-х и 80-х годах минувшаго вѣка популярнѣйшим преподавателем исторіи в Москвѣ. Книга, заглавіе которой выписано выше, составилась из классных уроков автора. Директор одного из тѣх учебных заведеній, в которых преподавал П. Мельгунов, высоко цѣня образцовые уроки талантливаго преподавателя, рѣшил ввести их в оборот печатной педагогической литературы. Он стал аккуратно посѣщать уроки П. Мельгунова и записывать его классные разсказы. Так и составилась книжка «Первые уроки исторіи», представляющая собою запись живой устной рѣчи перед классом. Книжка имѣла очень большой успѣх и стала любимым руководством в средѣ учеников младшаго возраста. Весьма возможно, что в кое-каких частных подробностях она в настоящее время нѣсколько устарѣла. Но это не важно. Важно то, что она сохраняет все свое значеніе по своим высоким педагогическим достоинствам. Сообщая в искусной формѣ необходимый минимум фактических свѣдѣній, это прекрасное руководство в то же время будит живой интерес к исторіи, заранивает в душу ученика сѣмена исторической любознательности. Остается лишь пожалѣть о том, что изложеніе ограничено тут исторіей стран древняго востока.

Из учебников, обнимающих полный курс средней школы, эмиграція получила возможность располагать тремя наиболѣе извѣстными учебными руководствами. Это — **учебники П. Виноградова, Иванова и Р. Виппера.**

Бывшій профессор Московскаго университета П. Г. Виноградов, — нынѣ занимающій каѳедру в Оксфордском университетѣ — составил свои историческіе учебники для средней школы в началѣ 90-х годов минувшаго столѣтія. Тогда как раз стал на очередь вопрос о том, чтобы избавить среднюю школу в Россіи от монопольнаго засилья архаических учебников Иловайска-

го, крайне устарѣлых и по составу матеріала в них вводимаго и по пріемам изложенія. Учебники Иловайскаго сообщали одни лишь внѣшніе факты, не давали ученикам никакого представленія об исторической перспективѣ и о взаимной связи различных сторон историческаго процесса. Профессор Виноградов поставил себѣ задачей дать школѣ такое руководство по всеобщей исторіи, которое излагало бы в доступной формѣ фактическія свѣдѣнія, необходимыя для серьезнаго подхода к изученію исторіи. По серьезности своего содержанія учебники проф. Виноградова сразу получили в русской школѣ широкое распространеніе. Эта их распространенность и присущія им серьезныя достоинства вполнѣ объясняют их переизданіе для потребностей эмиграціи. Всѣ три части учебника П. Г. Виноградова : ч. I. Древній мір, ч. II. Средніе вѣка и ч. III. Новое время — выпущены издательством Ладыжникова в Берлинѣ. Кромѣ того, нам извѣстно стокгольмское изданіе первой и второй частей этого учебника, выпущенное фирмой «Сѣверные огни» (1921—1923г.г.) и изданіе всѣх трех частей, выпущенное Оренштейном в 1920 г. в Коломеѣ.

Недостатком учебников П. Г. Виноградова является нѣкоторая тяжеловатость изложенія, требующая особой работы со стороны преподавателя. Доступнѣе и проще изложены, также весьма извѣстные в Россіи, учебники Иванова. Автор этих учебников извѣстен живо и занимательно написанными популярными брошюрами по культурной и бытовой исторіи средних вѣков (средневѣковый замок, средневѣковый город, средневѣковый монастырь, средневѣковая деревня). Дар живого изложенія отразился и на его учебникѣ. Автор не избѣгает сложных вопросов, но он умѣет изложить их просто и ясно. Отличительною особенностью учебника Иванова является отведеніе большого мѣста исторіи Византіи и славянских народов. Эта черта выдѣляет названный учебник из круга всей остальной учебно-школьной литературы. Учебники Иванова переизданы в Харбинѣ двумя издательствами: издательство «Школьной секціи Общества Возрожденія Россіи» выпустило его «Исторію средних вѣков» и «Исторію древняго міра», а издательство Носаря-Носкова выпустило «Среднюю исторію» и «Новую исторію». — Московскій профессор Р. Виппер выпустил свои учебники гораздо позднѣе двух названных выше авторов. Его учебники очень интересны. Проф. Виппер значительно раздвигает обычныя рамки школьных учебников и смѣло вносит в свое изложеніе многіе факты из области историческаго развитія экономических отношеній, соціальных порядков, научных идей, литературных и общекультурных теченій и на основаніи всѣх этих данных, в сопоставленіи их с фактами политической исторіи, рисует широкія картины культурнаго развитія, выдвигая при этом весьма искусно и наглядно сравнительно-историческую точку зрѣнія. Все это придает учебникам проф.

Виппера особую свѣжесть и увлекательность, которыя еще усиливаются от блестящаго литературнаго языка, свойственнаго этому автору. Однако, эти учебники — в особенности третья часть, посвященная исторіи новаго времени — и по объему и по характеру изложенія скорѣе подходят для внѣкласснаго чтенія, чѣм для класснаго преподаванія. Всѣ три части учебника Виппера переизданы в 1923 г. в Ригѣ в издательствѣ Вальтерса и Рапа.

В том же издательствѣ выпущены в 1923 г. три части учебника **Фарфоровскаго** под названіем «Исторія человѣческой культуры», ч. I. Древній мір, ч. II — Греція, Рим и Средневѣковье, ч. III. — Новая исторія. В Ригѣ же издан латвійским національно-демократическим союзом **Учебник всеобщей исторіи,** составленный **г. г. Шалфѣевым, Штерном и Келлером** для 5 и 6 классов основных школ Латвіи.

Переходя к учебникам по **русской** исторіи, мы также находим здѣсь воспроизведенія лучших и наиболѣе извѣстных руководств, пользовавшихся особою извѣстностью в до-революціонной Россіи. Для болѣе младшаго возраста переиздан весьма толково составленный «**Учебник русской исторіи**» Острогорскаго (изданіе Школьной секціи Общества Возрожденія Россіи в Харбинѣ, 1923 г.), для средняго и старшаго возраста переизданы «**Учебник русской исторіи**» — **К. Елпатьевскаго** (изданіе Оренштейн 1920 г. и в Берлинѣ у Ладыжникова) и учебники **С. Ѳ. Платонова** (вышеназванные два издательства в Харбинѣ). Учебник Елпатьевскаго впервые появился в Россіи уже довольно давно и сразу пошел в ход, в качествѣ серьезнаго конкурента устарѣвшим учебникам Иловайскаго.

Елпатьевскій ввел в свой учебник помимо пересказа элементарных внѣшних фактов недурно составленныя характеристики внутренняго состоянія Россіи в различныя эпохи ея исторіи и даже вставил в свое изложеніе ряд обширных выдержек из нѣкоторых классических научных работ по русской исторіи. Учебники проф. Платонова были им составлены сравнительно недавно. Они были высоко оцѣнены в педагогическом мірѣ. Их главное достоинство — соединеніе содержательности с сжатостью изложенія. По содержанію учебники Платонова стоят на высотѣ послѣдних достиженій русской исторической науки. Но в то же время Платонов обнаруживает большой педагогическій такт в выборѣ матеріала, подходящаго для средне-школьнаго преподаванія и в умѣньи придать изложенію этого матеріала сжатость, точность и выразительность, столь необходимыя для класснаго руководства.

Все сказанное приводит к тому заключенію, что при переизданіи исторических руководств для средней школы выбор издательств пал на то лучшее, что можно было найти в учебной литературѣ предреволюціонной Россіи.

II.

Переходя к учебным руководствам, предназначенным для высшей школы, мы должны назвать «**Исторію Россіи**» **проф. Шмурло** — изданную в Берлинѣ в 1922 г. в издательствѣ «Град Китеж»; «**Очерки исторіи римской имперіи**» **проф. Р. Виппера,** выпущенные в Берлинѣ издательством Гржебина, и «**Очерки исторіи права русскаго государства XVIII—XIX вв. (період Имперіи), проф. Г. Вернадскаго,** вышедшіе в Прагѣ в 1924 г. в издательствѣ «Пламя».

«Исторія Россіи» проф. Шмурло — том в 560 стр. — представляет собою опыт, как бы сказать, сжатаго компендіума по русской исторіи. Автор не задается цѣлью дать повѣствовательное изложеніе исторіи Россіи. Он задумал нѣчто иное. Раздѣлив исторію Россіи на основные періоды, он пытается в сжатых, но по возможности точных формулировках обозначить существо главнѣйших процессов, характеризующих для каждаго из этих періодов различныя области исторической жизни. Изложеніе выдерживается, поэтому, в стилѣ конспекта. Вездѣ, гдѣ возможно, автор пользуется графическими схемами, таблицами, или приведеніем разнаго рода крылатых опредѣленій и формул, заимствованных либо из первоисточников, либо из классических трудов по русской исторіи, утвердившихся в оборотѣ научной литературы и сразу сигнализирующих цѣлый ряд фактов и отношеній, в которых выразился тот или иной историческій процесс. Таким способом автор освѣщает кратко, но по возможности выразительно, основные процессы политической, соціальной и интеллектуальной исторіи русскаго народа за всѣ періоды его историческаго существованія. При всей сжатости этого конспективнаго изложенія, профессору Шмурло удается в нѣкоторых особенно важных случаях ввести читателя также и в существующіе в спеціальной литературѣ научные контроверзы. Иногда он приводит даже соотвѣтствующія цитаты из наиболѣе авторитетных трудов по русской исторіи в видѣ образца обращающихся в научном сознаніи учено-литературных мнѣній по наиболѣе крупным спорным вопросам. Наконец, цѣнным дополненіем к тексту служат приложенные к каждому отдѣлу книги, — указатели главнѣйших фактов матеріальной и духовной культуры Россіи за данный період. Здѣсь перечисляются — главнѣйшія сохранившіяся до нас от даннаго періода вещественныя реликвіи исторической старины: предметы жизненнаго обихода, историческія зданія, монументы; главнѣйшіе монастыри и другіе памятники зодчества; рукописи, содержащія в себѣ важныя произведенія письменности; печатныя изданія, имѣющія историческое значеніе; главнѣйшія произведенія литературы, науки и различных искусств; наконец — списки литературных, научных, государ-

ственных и общественных дѣятелей с указаніем их произведеній и дѣяній, создавших им историческое имя.

Книга проф. Шмурло обнимает всю русскую исторію от древнѣйших времен и до паденія монархіи, происшедшей на наших глазах. Не всѣ отдѣлы разработаны с одинаковой равномѣрностью. Очень бѣгло затронут вопрос о первоначальном разселеніи славянских племен по русской равнинѣ. Чрезмѣрно сжато разсмотрѣн період от смерти Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. Впрочем, едва ли можно ставить автору в серьезный упрек нѣкоторый недостаток равномѣрности изложенія, если принять во вниманіе, как трудно было охватить в сжатом конспектѣ ту массу матеріала, которую профессору Шмурло удалось включить в свой обзор. Гораздо серьезнѣе другой недостаток его работы: на всем пространствѣ своего изложенія проф. Шмурло слишком уже бѣгло затрагивает развитіе экономических отношеній; можно сказать, что он лишь едва касается этого важнаго предмета. Указанные недостатки все же не умаляют значенія весьма полезной книги проф. Шмурло. Во многих отношеніях она дает читателю надежную руководящую нить по лабиринту русской исторіи.

Книга проф. Г. В. Вернадскаго «Очерк исторіи права Русскаго Государства XVIII—XIX вв.», подобно книгѣ проф. Шмурло, представляет собою не университскій курс, а конспективное пособіе к нему. Автор ограничивается областью **государственнаго** права эпохи имперіи, предполагая впослѣдствіи предпринять такой же обзор уголовнаго и гражданскаго права за то же время. В вышедшей теперь книгѣ автор разсматривает исторію власти и управленія, населенія и территоріи. Книга открывается главою о верховной власти государя. Автор сжато, но отчетливо очерчивает эволюцію понятія о самодержавной власти монарха за XVIII и XIX столѣтія. Он отмѣчает прежде всего, как проведена была при Петрѣ I окончательная эмансипація власти государя от какой-либо зависимости от власти церковной и затѣм дает бѣглый обзор конституціонных проектов и других попыток ограниченія самодержавія, которыя выдвигались различными общественными кругами в XVIII и в XIX ст. Перечислив всѣ эти неудавшіяся попытки, автор странным образом не вводит в свое изложеніе исторію дѣйствительно осуществившейся конституціонной реформы 1905—1906 г., ни словом не упоминая ни о манифестѣ 17 октября 1905 г., ни об ограниченіи самодержавія монарха законодательной властью Государственной Думы и преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Как будто всѣ эти преобрзованія, коренным образом измѣнившія основы государственнаго порядка в Россіи, не относились к періоду имперіи! Далѣе слѣдует отдѣл о верховных учрежденіях. В нем прослѣжена исторія сената, верховнаго тайнаго совѣта, кабинета министров, конференціи, государственнаго совѣта, комитета и совѣта мини-

стров, синода. В главѣ о центральном управленіи дана исторія коллегій, министерств, намѣстников и генерал-губернаторов. И в этих главах автор тщательно держится предѣлов XIX стол., не касаясь перемѣн, принесенных реформами 1905—6 гг. Формально он прав, ибо в подзаголовкѣ своего труда он обозначил два вѣка — XVIII и XIX, и потому он мог считать перемѣны, происшедшія в началѣ XX стол., выходящими за предѣлы его задачи. Но по существу дѣла именно и не слѣдовало ограничивать себя такой хронологической гранью, при которой исторія государственнаго права императорскаго періода лишается своего заключительнаго звена. Очерк исторіи *мѣстнаго* управленія обрывается, в сущности, еще раньше. Разсмотрѣв мѣстныя административныя и судебныя учрежденія Петра Великаго и Екатерины II, отмѣтив перемѣны, внесенныя в строй мѣстнаго управленія при Николаѣ I, автор в заключеніе этого очерка ограничился одним лишь упоминаніем о земской, городской и волостной реформах Александра II, ничего не сказав хотя бы о самых общих основаніях введеннаго тогда самоуправленія. Перемѣнам, произведенным в строѣ мѣстнаго управленія и самоуправленія при Александрѣ III, не удѣлено даже и простаго упоминанія: автор сохранил о них абсолютное молчаніе.

В главѣ о населеніи разсмотрѣна юридическая структура сословій духовнаго и дворянскаго, городских обывателей и различных разрядов сельскаго населенія. В главѣ о территоріи дан очерк постепеннаго образованія государственной территоріи Россіи, как она опредѣлилась к концу XIX ст. Книга заканчивается краткими свѣдѣніями об источниках русскаго права императорскаго періода.

Выше мы отмѣтили пробѣлы, почему-то допущенные автором в его изложеніи. Теперь мы должны сказать, что в тѣх предѣлах, которые автор поставил своему изложенію, он дал полезное справочное пособіе; достоинство этого пособія заключается в точности приводимых фактов. Лишь в очень немногих мѣстах чрезмѣрная сжатость изложенія может дать по этой части нѣкоторую пищу для придирчивой критики.

Книга проф. Виппера «Очерки исторіи римской имперіи» представляет собою воспроизведеніе его университетскаго курса по римской исторіи. Под римской имперіей автор разумѣет не період господства в Римѣ императорской власти, а період установленія римскаго владычества (imperium'а) над всѣми странами тогдашняго культурнаго міра. Итак, книга Виппера посвящена исторіи расцвѣта и разложенія римской республики. В значительной степени на курс Виппера явственно сказывается вліяніе блестящей книги итальянскаго историка Ферреро: «Величіе и паденіе Рима». У обоих авторов большую роль играет стремленіе освободить исторіографію от засилья образов и концепцій, созданных Моммзеном. Геній Моммзена загипнотизировал на

долго умы историков. Правда, и в самой Германіи идущая от Моммзена традиція находила основательных критиков (Нич и его школа), но этой критикѣ, при всей ея основательности, не хватало мощнаго Моммзеновскаго таланта, чтобы она могла бороться с обаяніем увлекательных и остроумных, но нерѣдко односторонних и пристрастных характеристик и обобщеній великаго нѣмецкаго историка. Выступленіе Ферреро в этом направленіи имѣло большій успѣх. Ферреро соединяет с глубокой эрудиціей яркій талант историческаго живописанія, и это дало ему возможность противопоставить Моммзеновской традиціи свою собственную живую и выразительную картину внутренней эволюціи римской республики. Свѣт и тѣни распредѣлены в ней иначе, нежели у Моммзена. Если Моммзен своему культу Юлія Цезаря приносит в жертву почти всѣх остальных дѣятелей трагедіи античнаго Рима, изображаемых им ничтожными пигмеями, то Ферреро, вводя в извѣстныя рамки величіе Юлія Цезаря, оттѣняет, в противоположность Моммзену, крупное значеніе и Лукулла, и Цицерона и Помпея. Проф. Виппер идет по тому же пути. Не в меньшей степени, нежели Ферреро, владѣя даром изобразительнаго изложенія и увлекательной литературной рѣчи, Виппер развертывает широкую картину политической борьбы в эпоху превращенія римской республики в міровую имперію, картину, свободную от рѣзкой односторонности Моммзеновских построеній. Но сверх того Виппер гораздо обстоятельнѣе Ферреро освѣщает соціально-экономическіе процессы, лежавшіе в основѣ разыгрывавшейся тогда политической трагедіи. Курс написан чрезвычайно увлекательно и его смѣло можно назвать одной из лучших русских исторических книг предреволюціоннаго времени.

III.

Я перехожу теперь к книгам научно-популярнаго характера, предназначенным не только для учебнаго употребленія, но и для общаго историческаго чтенія.

Нѣсколько изданій такого рода посвящены первобытной культурѣ. Издательство Майзеля в Нью-Іоркѣ (1919 г.) выпустило книгу **Б. Лункевича — Жизнь первобытнаго человѣка и современных дикарей,** вып. I и II с иллюстраціями. Книга разсчитана на широкіе круги малоподготовленных читателей. Изложеніе очень доступное, а содержаніе состоит из пересказа основных, элементарных свѣдѣній по культурѣ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣков. Описаны матеріальные остатки, относимые к названным періодам, приведены общеустановленные факты, характеризующіе послѣдовательные успѣхи человѣческой культуры в доисторическую эпоху и дана довольно обстоятельная картина жизни первобытных людей, причем автор нѣсколько злоупотребляет отождествленіем первобытнаго человѣка с дикарями

нашего времени, — пріем довольно распространенный и в болѣе серьезных трудах по первобытной культурѣ, хотя и не особенно убѣдительный. Такой же элементарный характер носит и книга **Кудрявскаго — «Как люди жили в старину»,** выпущенная в 1920 г. в Стокгольмѣ издательством Гржебина.

Кромѣ таких элементарных очерков по первобытной культурѣ издательство Майзеля в Нью-Іоркѣ выпустило перевод много раз переводившейся и хорошо извѣстной в Россіи «**Исторіи культуры**» **Липперта.**

Сравнительная молодая наука о первобытной культурѣ, находится еще в періодѣ усиленнаго броженія научной мысли, в періодѣ исканій, в періодѣ построенія болѣе или менѣе гадательных гипотез. За послѣднія два-три десятилѣтія это научное движеніе носило довольно кипучій характер, не ослабѣвающій и в самые послѣдніе годы. Обозрѣнію этих новѣйших теорій и гипотез в данной области посвящена очень живо и занимательно составленная книга **проф. Ф. А. Брауна:** «**Первобытное населеніе Европы**» (издательство «Эпоха», Берлин, 1924 г.). Автор касается вопросов, чрезвычайно увлекательных по широтѣ открываемых ими перспектив и в то же время очень спорных по малому количеству завѣренных фактов, к ним относящихся.

Это вопросы — о времени и мѣстѣ возникновенія первоначальнаго населенія Европы, о ходѣ заселенія отдѣльных частей нашего материка, о первоначальном возникновеніи отдѣльных народностей Европы и о их первоначальных взаимных культурных отношеніях. Несмотря на энергичныя усилія геологов, антропологов, археологов и лингвистов пролить свѣт на указанные вопросы, несмотря на то, что совокупными усиліями представителей названных спеціальностей удалось уже достигнуть в этом направленіи важных результатов, — все же перед наукой здѣсь еще разстилается область, окутанная густым туманом. Цѣнность книги проф. Брауна в том и заключается, что он дает в своем изложеніи широкую картину научных исканій, направленных на разрѣшеніе этих вопросов. С особенным вниманіем автор отмѣчает работы самаго послѣдняго времени, вышедшія уже в десятых и двадцатых годах нашего столѣтія, и заключающія в себѣ капитальный пересмотр прежних воззрѣній. Ученіе антрополога Клаача (1920) о том, что исходной точкой возникновенія нынѣшняго европейскаго человѣчества послужило кровопролитное столкновеніе двух доисторических рас — неандертальской и ориньякской и послѣдовавшее затѣм их взаимное скрещиваніе; гипотезы Лушана (1922 г.), Швальбе (1923 г.), Штремме (1919 г.), возрождающія теорію единаго происхожденія человѣчества; установленіе культурных вліяній из Западной Европы на восток в неолитическую и бронзовую эпохи, а не наоборот, как думали раньше (Шухгардт, 1919 г.); теорія Вегенара (1919 г.) о былой непосредственной связи Америки и Европы в составѣ единаго

сплошного материковаго массива; «яфетическая» теорія Марра, устанавливающая наличность в доисторической Европѣ особаго этническаго міра, «яфетическаго», который предшествовал появленію в Европѣ индо-европейской культуры и от скрещенія с которым позднѣе явившихся индо-европейцев произошел наш культурный мір, — вот нѣсколько образчиков тѣх новѣйших ученій, в которых проявилось научное броженіе нашего времени. Проф. Браун знакомит читателей со всѣми этими теоріями, излагая их весьма живо и отчетливо и отмѣчая наиболѣе прочные с его точки зрѣнія результаты, ими добытые. Остается пожалѣть лишь о том, что, излагая конечные выводы и обобщенія, выдвинутые в послѣднее время, автор чрезмѣрно бѣгло останавливается на ходѣ тѣх соображеній и доводов, на которых эти обобщающія заключенія основываются. Впрочем, это замѣчаніе не умаляет значенія книжки проф. Брауна, как живого и содержательнаго очерка.

Как видно из вышесказаннаго, проф. Браун преимущественно останавливается на вопросах, касающихся преемственной связи между доисторической эпохой и первоначальной завязью послѣдующей европейской культуры. К этому же кругу научных интересов, — только примѣнительно к болѣе частным вопросам — примыкают два очерка: Адлера и Добіаш-Рождественской. Книжка **В. Ф. Адлера — «От наготы до обильных одежд»** (Берлин, 1923 г., издательство Гржебина) трактует об эволюціи одежды на первоначальных ступенях человѣческой культуры. Автор дает довольно многочисленный матеріал по исторіи одежды у разнообразных племен, попутно отмѣчая любопытные пережитки отдаленной старины, наблюдаемые в позднѣйшія времена у культурных народов. В подборѣ разнообразнаго фактическаго матеріала, освѣщающаго эту сторону культуры, и заключается интерес книги Адлера. Объясненія, которыя он дает наблюдаемым явленіям, иногда явно односторонни, иногда недостаточно систематизированы. Отвергая происхожденіе одежды от климатических условій и от чувства стыда, автор настаивает на том, что одежда возникла исключительно в связи с наклонностью человѣка к украшенію своей особы. Он доказывает это тѣм, что одеждѣ в настоящем смыслѣ этого слова предшествовали различныя украшенія, которыя прилаживались прямо к голому тѣлу. Довольно подробный очерк таких украшеній у первобытных племен, представленный автором, не устраняет однако двух вопросов, предостерегающих от безусловнаго принятія раздѣляемой им теоріи: 1) остается недоказанным, чтобы послѣдующія формы человѣческих одѣяній развилось всецѣло из таких украшеній и 2) сами эти «украшенія» вряд ли позволительно относить исключительно на счет эстетической потребности первобытнаго человѣка; с полным основаніем тут можно предположить дѣйствіе также и других моментов и прежде всего

— момента религіознаго; многія из этих украшеній по всей вѣроятности имѣли значеніе амулетов, талисманов, предохраняющих человѣка от дѣйствія таинственных злых духов. Если теоретическія положенія, выдвигаемыя автором, нуждаются, таким образом, в критической провѣркѣ, то описательная часть его книги представит для читателя не малый интерес, сообщая ему ряд любопытных фактов. Книга недурно иллюстрирована.

Другой вопрос приблизительно в таком же разрѣзѣ разсматривается в книжкѣ **О. А. Добіаш-Рождественской — «Как люди научились считать время»** (Изданіе Гржебина. Берлин. 1922 г.). Здѣсь излагается возникновеніе у людей понятія о времени и способов измѣренія его теченія; указана связь возникновенія понятія о времени с наблюденіями за астрономическими явленіями; разсказана исторія изобрѣтенія **часов,** солнечных, песочных и, наконец, механических; изложена исторія различных систем лѣтосчисленія. Все это изложено очень литературно и занимательно в широком общеисторическом освѣщеніи.

Научно-популярная литература по всеобщей исторіи представлена в заграничных изданіях пока довольно скудно. Мы можем указать лишь на соотвѣтствующіе томики предпринятой издательством Гржебина біографической библіотеки. Профессору **Жебелеву** принадлежат в этой серіи **біографіи Перикла, Демосѳена и Александра Македонскаго.** Научная компетентность проф. Жебелева не может подлежать сомнѣнію, и уже имя автора служит ручательством серьезности и содержательности этих біографических очерков. Эта серьезная содержательность соединяется у проф. Жебелева с живостью изложенія. Его повѣствованіе занимательно, его очерки читаются легко. Ограничивая свое изложеніе критически провѣренным матеріалом, автор умѣло сплетает біографію своих героев с общей картиной той исторической обстановки, в которой им приходилось дѣйствовать. Личность Перикла очерчена на фонѣ предѣльнаго разцвѣта аѳинской демократіи, в лучах котораго уже обозначались грозные признаки грядущаго упадка и разложнія. Біографія Демосѳена связана с трагедіей уже разложившейся демократіи, готовой пасть под пятой македонскаго завоевателя. Александр Великій интересует автора, как создатель перваго опыта міровой международной монархіи, и это превращеніе Александра из македонскаго царя в мірового монарха стоит в центрѣ изложенія. В том же духѣ составлена, вышедшая в той же серіи книжка **Б. Владимірцева: «Чингис-хан».** Подробно изложена здѣсь жизнь Чингиса и дан живой очерк его личности и вмѣстѣ с тѣм разсказана исторія созданія громадной азіатской монархіи, как бы повтореніе опыта Александра Македонскаго, лишь в иной обстановкѣ, с иными пріемами и заданіями.

Остальныя научно-популярныя изданія, подлежащія нашему обозрѣнію, посвящены русской исторіи. В Нью-Іоркѣ издатель-

ствами Майзеля, Русскаго Народнаго Университета и « Assosiation Presse » выпущено нѣсколько научно-популярных очерков общаго характера, очевидно в связи с мѣстными просвѣтительными начинаніями и потребностями преподаванія. Так, издательством Майзеля выпущены двѣ книги **Рубакина** под заглавіем «Исторія русской земли», трактующія в популярном изложеніи о доисторических судьбах восточно-европейской равнины и о начальных временах нашей исторіи и книжку **А. Гизетти: «Сто лѣт борьбы за свободу. От декабристов до наших дней. Краткая исторія революціоннаго движенія в Россіи»**, содержащая изложеніе элементарных фактов из исторіи политической борьбы в Россіи в XIX—XX ст. Русскій Народный Университет в Нью-Іоркѣ выпустил **Бесѣды по русской исторіи** (I—VI) **В. Яхонотова** и издательство Assosiation Presse напечатало книжку **Худякова: Древняя Русь.** Кромѣ этих руководств учебнаго характера появились отдѣльными выпусками нѣкоторыя личныя характеристики исторических дѣятелей, извлеченныя из трудов извѣстных историков. Издательство «Дѣтинец» в Берлинѣ выпустило ряд исторических характеристик и біографій, извлеченных из трудов **Костомарова.** В очевидной связи с переживаемыми нынѣ событіями здѣсь взяты, главным образом, дѣятели смутнаго времени: **«Спасители Россіи в XVII в.»; «Герои смутнаго времени (Борис Годунов, Лжедимитрій, Марина Мнишек, Царь Василій Шуйскій).** Сюда же надо отнести и брошюру **«Царь Михаил Ѳеодорович»** (ликвидація смуты).

Интерес к исторіи Смутнаго времени вызвал появленіе и брошюры о Кузьмѣ Мининѣ, изданной в Константинополѣ (1921 г.) всероссійским объед. ком. имени Минина: **«Косьма Минин или как окончилась Смута»,** без имени автора. Наряду с интересом к исторіи Смутнаго времени, можно отмѣтить и интерес к дѣятелям, участвовавшим в созиданіи русской національной государственности. Сюда относим изданную издательством «Дѣтинец» брошюру «Дѣятели русской церкви в старину», извлеченную из трудов Костомарова и переизданную в Берлинѣ знаменитую рѣчь Ключевскаго о Сергіи Радонежском. То же издательство извлекло из Костомарова характеристику Богдана Хмельницкаго.

IV.

Перехожу к болѣе спеціальным трудам по исторіи, носящим характер монографических изслѣдованій. Упомяну прежде всего о том, что русскими учеными, живущими за предѣлами Россіи, проявлено опредѣленное стремленіе основать постоянный орган для періодическаго опубликованія своих спеціально-научных работ. Первый опыт в этом направленіи был сдѣлан в Берлинѣ, гдѣ и появились в трех выпусках: «Труды русских ученых за грани-

цей», под ред. проф. А. И. Каминки. В I томѣ этих трудов имѣется работа **Ѳ. В. Тарановскаго: «Монтескье о Россіи»,** имѣющая ближайшее отношеніе к русской исторіи. Автор анализирует всѣ тѣ мѣста в сочиненіях Монтескье, в которых рѣчь идет о фактах русской жизни, причем автор пытается извлечь из этого анализа общія воззрѣнія Монтескье на природу русскаго государства и на ход русской исторіи.

В послѣднее время Русская Учебная Коллегія в Прагѣ предприняла изданіе своих «**Ученых Записок**». Выпуск этих «Записок», посвященный историческим и историко-литературным работам содержит статьи по исторіи **проф. Г. В. Вернадскаго:** «Об одном возможном источникѣ Русской Правды» и «Замѣтки о крестьянской общинѣ в древней Византіи» и проф.**А. В. Флоровскаго** — по исторіи составленія наказа депутату от Академіи Наук в Комиссію по составленію проекта новаго Государственнаго Уложенія в 1767 г. — по новым архивным данным.

Берлинское издательство «Обелиск» выпустило новую книгу **С. Ѳ. Платонова — «Иван Грозный».** О личности и дѣятельности Ивана Грознаго существует обильная литература, наполненная противорѣчивыми сужденіями и оцѣнками. Чрез русскую исторіографію прошла цѣла полоса идеализаціи Ивана IV. Славянофилы, осуждая тираническіе эксцессы Грознаго, тѣм не менѣе во что бы ни стало хотѣли видѣть в его правленіи осуществленіе національнаго русскаго политическаго идеала, покоившагося по их мнѣнію на принципѣ: «царю сила власти, землѣ — сила мнѣнія». Они полагали, что созданные Иваном Грозным земскіе соборы представляли собою то самое идиллическое единеніе царя с народом, которое они считали выраженіем русскаго народнаго духа. И за это славянофилы готовы были либо набросить розовый флер на неистовства Грознаго, либо подыскать им смягчающія оправданія в обстоятельствах личной жизни перваго московскаго царя. С другой стороны, западники (Кавелин, Соловьев) также были склонны к возвеличенію Грознаго, усматривая в нем предшественника Петра Великаго в дѣлѣ насажденія в Россіи твердой государственности на мѣсто архаическаго безформеннаго обычнаго права древних времен. Жестокости Грознаго историки западническаго направленія объясняли исключительно необходимостью для него бороться с косностью общества, не понимавшаго прогрессивнаго смысла его начинаній и не желавшаго сдвинуться с мертвой точки старозавѣтных преданій. Наперерѣз этим разнообразным попыткам поставить Грознаго на высокій пьедестал в исторіографіи выдвинулось иное теченіе, изображавшее Грознаго тираном с мелкой душей, неустойчивой волей, слабым плѣнником низких страстей, ослѣплявших его ум, толкавших его на безсмысленныя жестокости и безцѣльныя кровожадныя неистовства. Такова характеристика Грознаго, выдвинутая Костомаровым. Ключевскій в своей характеристикѣ Грозна-

го намѣчает среднюю линію. Он не отрицает важнаго значенія задуманных в царствованіе Грознаго преобразованій. Он признает, что совокупность этих преобразованій сводилась к глубокому измѣненію и политической и соціальной организаціи Московскаго государства. Но Ключевскій в то же время, рельефно оттѣняет душевную неуравновѣшенность и надорванность царя Ивана и показывает, как этой своей неуравновѣшенностью царь Иван сплошь и рядом сам губил собственное дѣло, искажая здравые государственные замыслы безсмысленными порывами распаленной страсти.

В послѣднее время проф. Виппер вновь выступил с попыткой идеализаціи Ивана Грознаго. Он считает Ивана Грознаго великим основателем русской національной государственности, жестокій террор его признает вызванным государственной необходимостью и возводит его на пьедестал крупнѣйшаго политика Европы того времени.

Такія рѣзкія колебанія в исторических оцѣнках были связаны, конечно, с общим строем міросозерцанія историков различных школ и направленій. Но историкам удавалось в то же время подкрѣплять всѣ эти столь разнорѣчивыя характеристики ссылками на отзывы и сужденія самих современников Ивана Грознаго. Дѣло в том, что в отзывах и сужденіях этих современников господствовала точно такая же разноголосица. Бурное и кровавое правленіе Ивана Грознаго сопровождалось слишком рѣзкой борьбой противоположных интересов и страстей, чтобы можно было ожидать от людей, переживавших то время, спокойнаго безпристрастія. И потому в писаніях современников Грознаго можно при желаніи найти извѣстную опору как для восхваленія, так и для рѣшительнаго охуленія его личности и его дѣятельности.

В виду такого состоянія литературы о Грозном, С. Ѳ. Платонов и рѣшил поставить своей задачей критическую очистку историческаго матеріала о Грозном, выдѣленіе из дошедших до нас свидѣтельств фактов несомнѣнно завѣренных, не подлежащих сомнѣнію со стороны их достовѣрности. Проф. Платонов сдѣлал попытку дать критически провѣренный очерк жизни и дѣятельности Ивана Грознаго. Это — работа очень важная, расчищающая путь к исторической истинѣ, путь, загроможденный и прямыми вымыслами и предвзятыми преувеличеніями и лжетолкованіями, порожденными страстной политической и соціальной борьбой той эпохи.

Устанавливая исторически достовѣрную біографическую канву для Ивана Грознаго, С. Ѳ. Платонов вмѣстѣ с тѣм дает весьма отчетливый и прозрачно-ясный рисунок проведенных при Грозном государственных преобразованій. Исторія молодости Грознаго, исторія правленія кружка Сильвестра и Адашева изложены с большой критической осмотрительностью. Отдѣл об эпохѣ

опричнины содержит в себѣ ясное раскрытіе той роли, которую сыграло введеніе опричины в разгромѣ крупнаго княженецко-боярскаго землевладѣнія. Но воспроизводя по этому вопросу результаты собственных прежних спеціальных изслѣдованій, С. Ѳ. Платонов теперь не упускает подчеркнуть помимо соціальнаго значенія опричнины, также и политическое ея значеніе в смыслѣ возбужденія глубокой смуты, получившей характер как бы официіально с высоты престола объявленной гражданской войны между опричниной и земщиной. Описывая террористическую политику эпохи опричины, Платонов твердо устанавливает то положеніе, что этот террор не вызывался государственной необходимостью, что боярство не заводило той крамолы, в которой его подозрѣвал Грозный и что террор, официіально мотивированный тогда необходимстью разгромить крамольную знать, на самом дѣлѣ вскорѣ получил внѣклассовый характер и стал поражать все населеніе, без различія общественных состояній.

Устанавливая sina ira et studio достовѣрные факты біографіи Грознаго, С. Ѳ. Платонов высказывает ту мысль, что составить законченную характеристику Грознаго невозможно, ибо для этого мы не располагаем достаточными документальными данными. Цѣлые періоды в жизни Грознаго остаются для нас темными, многіе факты нам извѣстны лишь в изложеніи завѣдомых врагов Грознаго, мы не имѣем даже ни одного клочка бумаги с почерком его руки и всѣ его письменныя произведенія дошли до нас в позднѣйших копіях неисправных и разнорѣчивых.

Несмотря на такой пессимистическій взгляд на нашу освѣдомленность о личности Грознаго, Платонов, тѣм не менѣе, в сущности все же дает общую характеристику Грознаго. По мнѣнію Платонова Грозный, несмотря на всѣ надрывы и переломы в своей душевной жизни, является перед нами во всѣ періоды своего царствованія крупным государственным дѣятелем с рѣшительной иниціативой, широким кругозором, властной волей. Нам эта характеристика не представляется убѣдительной. Мы думаем, что и не увлекаясь показаніями завѣдомых врагов Грознаго, оставаясь в кругу критически провѣренных и несомнѣнных фактов, надлежит признать, что наиболѣе явственной отличительной чертой Грознаго было совмѣщеніе обостреннаго влеченія к самовластію с неспособностью жить и дѣйствовать самостоятельно. Всю жизнь он провел плѣнником того или иного овладѣвавшаго им вліянія. Это тяготило его и доводило до вспышек звѣрской ярости. Но он сбрасывал с себя один психическій плѣн лишь для того, чтобы тотчас поддаться другому. Здѣсь-то и надо искать ключа и к его личной душевной драмѣ и к прихотливым поворотам его политической дѣятельности, в которой мысль ослѣплялась страстью, что и содѣйствовало в немалой

степени приближенію страшнаго кризиса, охватившаго Московскую Русь в так называемое Смутное время.

Интерес к Ивану Грозному, оживившійся в послѣдніе годы в русской литературѣ, несомнѣнно связан с отмѣченным уже выше интересом к исторіи Смутнаго времени. На царствованіе Грознаго вниманіе обращается именно, как на прелюдію к Смутѣ. С. Ѳ. Платонов является в настоящее время лучшим знатоком этой эпохи. И двѣ другія его книги, появившіяся недавно в пражском издательствѣ «Пламя», как раз касаются Смутнаго времени.

Книга **С. Ѳ. Платонова: «Смутное время»** (Прага, 1924 г.) представляет собою сокращенное изложеніе его большого спеціальнаго труда: «Очерки по исторіи смутнаго времени». Этот большой его труд давно уже заслуженно признан основоположным изслѣдованіем по исторіи Смуты. Взяв за отправную точку схему Ключевскаго о послѣдовательном выступленіи за время Смуты на арену соціальной борьбы различных общественных классов, Платонов облек эту схему в плоть и кровь детально обслѣдованных фактов и дал на ея основѣ всесторонне освѣщенную картину всѣх перипетій этого сложнаго момента нашей исторіи. Он выполнил эту задачу с таким знаніем дѣла, что за ним по праву утвердилась репутація лучшаго спеціалиста по данной эпохѣ. Читатели, интересующіеся исторіей Смутнаго времени, но не расположенные погружаться в продолжительное изученіе большого тома, уснащеннаго громоздким ученым аппаратом, могут теперь воспользоваться сокращенным изложеніем. В этом сокращенным очеркѣ устранен спеціальный ученый аппарат, но все существенное содержаніе большой работы оставлено неприкосновенным. Совершенно изъято лишь обширное введеніе, в котором автор нѣкогда представил подробный анализ внутренняго состоянія отдѣльных областей Московскаго государства к концу XVI ст. Вмѣсто того автор в своем сокращенном очеркѣ дает другое введеніе, разсчитанное уже не на спеціалистов, а на широкій круг читателей. Здѣсь мы находим отчетливо исполненный очерк политической и соціальной эволюціи в сѣверо-восточной Руси от эпохи удѣлов до конца XVI ст. В самом разсказѣ о Смутѣ автор воспроизводит всѣ основныя положенія своей диссертаціи. Однако это не есть лишь повтореніе в сжатом видѣ прежняго труда. Автор освѣжает свой разсказ тѣми новыми данными, которыя накопились со времени выхода в свѣт его большого труда. Так, наприм., тогда очень кратко была им изложена исторія ополченія Минина и Пожарскаго. За это время вышло очень содержательное спеціальное изслѣдованіе ученика Платонова г. Любомірова, посвященное именно этому предмету. И это дало теперь возможность Платонову болѣе обстоятельно изложить эпилог Смуты. Так, сокращенное по формѣ изложеніе, по существу в нѣкоторых своих частях является болѣе

обстоятельным и получает таким образом и самостоятельное значеніе.

Другая новая книга **С. Ѳ. Платонова,** появившаяся в пражском издательствѣ «Пламя», называется «**Борис Годунов».** Здѣсь автор шаг за шагом прослѣживает жизнь и политическую карьеру Бориса Годунова, искусно сплетая факты его біографіи с особенностями той общеполитической обстановки, в которой Годунову пришлсь жить и дѣйствовать. Много мѣста автор удѣляет обѣленію памяти Годунова от многочисленных обвиненій, приросших к его историческому облику. Подробным критическим разбором всѣх дошедших до нас исторических свидѣтельств С. Ф. Платонов рѣшительно опровергает распространенное мнѣніе о прикосновенности Бориса к смерти царевича Димитрія. Но сверх того Платонов и во всей вообще дѣятельности Бориса начисто отрицает какой бы то ни было элемент личнаго интереса и честолюбія, утверждая, что во всѣх дѣйствіях и мѣропріятіях Борис руководился исключительно и неизмѣнно одними только соображеніями общегосударственной пользы. Думается, что на пути реабилитаціи Бориса в этом направленіи автор заходит нѣсколько дальше, нежели того требовала бы критическая осторожность, и от этого чрезмѣрнаго увлеченія автора своим героем образ Годунова, начертанный искусным пером нашего историка, нѣсколько проигрывает в жизненности, пріобрѣтает нѣкоторый иконописный, идеализированный оттѣнок. Впрочем, надо признать, что эта идеализація проведена с большим тактом, без искаженія фактических данных и при помощи очень искуснаго использованія спеціальных изслѣдованій, появившихся в научной литературѣ за послѣдніе двадцать—тридцать лѣт по различным вопросам, относящимся к той эпохѣ. В берлинском издательствѣ «Обелиск» вышла и еще одна книга **С. Ѳ. Платонова: «Прошлое русскаго сѣвера.** Очерки по исторіи колонизаціи Поморья». Искусно пользуясь всѣми данными, имѣющимися в распоряженіи науки, автор дает яркую картину освоенія сѣвернаго Поморья русской культурой. Подробно описана здѣсь новгородская колонизація русскаго сѣвера в ея разнообразных проявленіях, далѣе изображено колонизаціонное движеніе, проявлявшееся на сѣвер из низовой Руси, особая глава посвящена торгово-промышленному расцвѣту сѣвернаго края в XVI и XVII в.в. в связи с проникновеніем туда торговых иноземцев — голландцев и англичан и, наконец, нарисована картина поступательнаго колонизаціоннаго движенія в Сибирь, в связи с предпріятіями Строгановых и Ермака.

Изслѣдованіе **проф. И. И. Лаппо** — «**Западная Россія и ея соединеніе с Польшею в их историческом прошлом** (издательство «Пламя», Прага. 1924 г.) заключает в себѣ научное освѣщеніе вопроса, имѣющаго живой практическій интерес и могу-

щаго выдвинуться на очередь актуальной политики, может быть, в не столь далеком будущем. Рѣчь идет об исторических судьбах тѣх западно-русских областей, которыя нѣкогда вошли в состав Литовско-русскаго государства и затѣм в составѣ этого государства оказались присоединенными к польской Рѣчи-Посполитой, а по польским раздѣлам конца XVIII ст. вернулись к Россіи. Извѣстно, что с тѣх пор поляки не переставали обнаруживать притязанія на обладаніе этими областями, объявляя их органическою частью исконно-польской территоріи, населенной польским народом. За послѣдніе тридцать—сорок лѣт русская историческая наука обогатилась капитальными изслѣдованіями строго документальнаго характера, пролившими яркій свѣт на внутреннюю организацію Литовско-русскаго государства, на положеніе русских областей в составѣ этого государства и на отношеніе послѣдняго к Польшѣ. Совокупность этих изслѣдованій дала прочный научный фундамент для обнаруженія несостоятельности вышеупомянутых польских притязаній.

И. И. Лаппо, сам участвовавшій своими трудами в этом научном движеніи, и дает теперь в своей книгѣ очень отчетливый свод тѣх результатов, к которым в настоящее время пришла наука по данному вопросу. Автор показывает, как долго истинное существо дѣла оставалось скрытым и от русской государственной власти и от русскаго общественнаго сознанія и как затѣм успѣхи науки и событія общественной жизни, мало по малу, утвердили то безспорное положеніе, что западно-русскія области есть край не польскій, а русскій. Во второй части книги автор дает систематическое изложеніе тѣх положеній, которыя были добыты по данному вопросу русской исторической наукой за послѣдніе сорок—тридцать лѣт. Русскіе историки — Любавскій, Леонтович, Лаппо, Довнар-Запольскій, Пичета и ряд других, погрузившись в изученіе Литовской метрики и других источников, можно сказать, открыли для науки внутренній строй Литовско-русскаго государства и показали, что русскія земли, вошедшія в состав Литовскаго государства и составлявшія к XIV вѣку девять десятых его территоріи, в значительной мѣрѣ сохранили свой самобытный уклад жизни; русская культура получила сильное вліяніе в жизни Литвы, и русскій язык сдѣлался языком литовскаго законодательства. Послѣдовавшее затѣм соединеніе Литвы с Польшей никогда не было вопреки стремленіям поляков «втѣленіем» Литовскаго государства в польское. Не только до Люблинской уніи 1569 г., но и послѣ нея Литовское государство сохраняло свою особность. Статут 1588 г. закрѣпил положеніе, существовавшее до уніи и вновь тщательно утвердил тот барьер между литовско-русской и польской частями Рѣчи Посполитой, который Люблинская унія объявила было совершенно сломанным. В виду всѣх этих обстоятельств западно-русскія области

— при всей измѣнчивости их исторических судеб — и оставались неизмѣнно *русскими* по составу населенія и строю жизни.

Из книги И. И. Лаппо, написанной в спокойном научном тонѣ и опирающейся на критически провѣренный матеріал, читатель вынесет ясныя представленія о существѣ затронутаго в ней важнаго вопроса.

Издательство «Ватага» выпустило большой и красиво изданный том статей **С. П. Мельгунова** под названіем «**Дѣла и люди Александровскаго времени**» (Берлин. 1923 г.). Этот том переносит нас в первую четверть XIX стол. Статьи, вошедшія в этот том, посвящены частью характеристикам отдѣльных дѣятелей названной эпохи, частью изображенію различных общественных теченій и настроеній той поры. Здѣсь мы находим статьи о Павлѣ I, Александрѣ I, Баркалаѣ-де-Толли, Ростопчинѣ и о настроеніях общества в період Отечественной войны и в послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I, в період Аракчеевщины: о масонствѣ, мистических движеніях, о проявленіях правительственной реакціи, о подготовкѣ оппозиціоннаго настроенія, приведшаго к образованію тайных обществ. В видѣ приложенія к книгѣ дан суровый разбор историческаго романа Мережковскаго «Александр I». Двѣ особенности присущи всѣм этим статьям. Во первых — обиліе фактическаго матеріала, которым автор иллюстрирует и подтверждает свои положенія. Во-вторых — неизмѣнное стремленіе автора к возстановленію исторической истины во всей ея неприкрашенности. Автор непримиримый враг всяких попыток идеализировать историческое прошлое, откуда бы онѣ не исходили, под каким бы соусом онѣ не подавались. По самому свойству так поставленной задачи не малое мѣсто в очерках С. П. Мельгунова отводится полемическому элементу. Двѣ статьи о Павлѣ I направлены своим остріем как раз на попытки идеализаціи имп. Павла, проявленныя в работах Буцинскаго и Клочкова. Вопреки этим авторам и в согласіи с В. И. Семевским Мельгунов показывает на основаніи обильнаго фактическаго матеріала, что в правительственной дѣятельности Павла отсутствовала какая-либо продуманная линія политики, что его распоряженія были пронизаны противорѣчіями и несообразностями, отмѣченными явным ослабленіем задерживающих центров в психикѣ долголѣтняго гатчинскаго затворника.

Пять статей посвящаются Мельгуновым личности Александра I. Было время, когда исторіографія окружала образ Александра I романтическим ореолом. Воспитанник Лагарпа, тяготившійся бременем власти, мечтавшій осчастливить Россію политической свободой, искренній друг человѣчества, но мягкій и слабовольный, согнувшійся, как тростинка, под бурями Наполеоновских войн, разочарованный в людях, искавшій утѣшенія в мистическом самоуглубленіи и ставшій под конец жизни мяг-

кой глиной в руках Аракчеева, — таков стереотипный образ Александра под пером старых историков. Новѣйшія работы (пишущаго эти строки и в. кн. Николая Михайловича) существенно измѣнили это стереотипное изображеніе. Теперь на первый план были выдвинуты иныя черты, очень хорошо извѣстныя современникам Александра, но затѣм густо затушеванныя в исторической литературѣ: виртуозное умѣніе носить маску на своем прекрасном лицѣ; незамѣтно заставлять людей служить своим затаенным цѣлям; под покровом мнимой уступчивости настойчиво проводить собственные планы; всѣх очаровывать небесно-лучезарной улыбкой, а в глубинѣ души не довѣрять никому и презирать всѣх; являться искусным актером на жизненной сценѣ, извилистым, скользким и неуловимым в своей тактикѣ, «сущим прельстителем», как выражался об Александрѣ Сперанскій, «тонким, как конец иглы и фальшивым, как пѣна морская», — как выражались о нем иностранные дипломаты. Такое именно представленіе кладет и С. П. Мельгунов в основу своей характеристики Александра I.

Автор приводит богатый подбор фактов в подтвержденіе такой характеристики. И все же — думается нам — в ней есть извѣстная односторонность. К одному «актерству» нельзя свести всѣ тѣ зигзаги, из которых сплеталась личность Александра. Его либерально-конституціонныя мечтанія, столь рѣзко расходившіяся с его самодержавной практикой так же, как и его мистическія настроенія, столь легко совмѣщавшіяся с отмѣнным умѣніем разбираться в вопросах реальной земной дѣйствительности, — не были всецѣло напускными ради тѣх или других тактических расчетов. В значительной мѣрѣ эти мечтательныя настроенія вытекали из дѣйствительной потребности его натуры, из этой присущей ему холодно-эгоистической мечтательности, которая побуждает человѣка тѣшить себя красивыми иллюзіями без всякаго, однако, желанія подчинить им свое личное поведеніе в текущей дѣйствительности. Печать именно такой двойственности лежала на всем складѣ духовной личности Александра, которой поэтому и нельзя давать однотоннаго изображенія.

Нѣкоторой однотонностью страдает, на наш взгляд, и та характеристика, которую С. П. Мельгунов дает Ростопчину, как наиболѣе типичному представителю реакціонных теченій времени Александра I. Мельгунов рисует Ростопчина заурядным ограниченным пошляком и не отмѣчает, что натурѣ Ростопчина была присуща нѣкоторая сложность, именно и придающая его личности историческій интерес. Сложность эта состояла в том, что в Ростопчинѣ сочеталось рабское міровоззрѣніе с крамольным темпераментом. Из этого уродливаго сочетанія и вытекала внутренняя противорѣчивость его дѣятельности, столь часто принимавшей характер нелѣпо-безцѣльных фарсов. Всѣ подоб-

ныя замѣчанія не умаляют, однако, ярких достоинств книги С. П. Мельгунова. Всѣ его очерки в высшей степени содержательны. Автор нигдѣ не сбивается на общія фразы, а настойчиво и искусно сооружает перед читателем гору фактов, извлеченных из исторических источников. И потому читатель найдет в его книгѣ живую, изобразительную картину общественной жизни в Россіи первой четверти XIX ст., картину, расцвѣченную всѣми красками исторической дѣйствительности.

Для полности обзора мы должны упомянуть еще об одной книгѣ, претендующей на значеніе изслѣдованія. Это книга **Гр. Янушевскаго: «Откуда происходит славянское племя Русь»** (изданіе инжен. Витковскаго и Доценска. Вильна. 1923 г.). Книжка не имѣет никакого научнаго значенія. Автор — любитель, не искушенный в правилах исторической критики, наивно принимающій на вѣру баснословныя фантазіи средневѣковых хронистов и повидимому не подозрѣвающій всѣх тѣх трудностей, которыя стоят на пути научнаго разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи Руси. В 1922 г. в Братиславѣ издано изслѣдованіе **Е. Ю. Перфецкаго: «Русскіе лѣтописные своды и их взаимоотношенія».** Это — попытка примѣнить к изученію лѣтописных сводов XII стол. методы Шахматова. Автор устанавливает подробную генеалогію различных сводов в связи с общей картиной русскаго лѣтописанія той поры. С точки зрѣнія постановки ряда вопросов, нуждающихся в дальнѣйшем критическом изученіи, книга имѣет несомнѣнное научное значеніе.

В особую группу приходится выдѣлить изданія, заключающія в себѣ тѣ или другіе историческіе матеріалы. Их не много. Издательство «Academia» выпустило (1922 г.) в Берлинѣ художественно изданную тетрадь под заглавіем: **«Московія в представленіи иностранцев XVI—XVII в.в. Очерки П. Н. Апостолова под редакціей Г. К. Лукомскаго».** Цѣнность этого изданія заключается в дѣйствительно художественном воспроизведеніи нѣкоторых гравюр из сочиненій о Московіи Герберштейна, Олеарія и Корба. Всѣ эти рисунки, изображающіе различныя бытовыя сцены из жизни Москвы XVII ст., а также различные моменты дворцоваго и церковнаго обихода того времени, хорошо извѣстны и много раз воспроизводились в различных русских изданіях. Но художественное достоинство этой новой их репродукціи вполнѣ оправдывает ея появленіе. Зато приложенный к рисункам текст оставляет желать многаго. Сказанія иностранцев о до-петровской Россіи не раз уже систематически излагались в нашей литературѣ. Изложенію их посвящена, между прочим, ранняя работа В. О. Ключевскаго, недавно переизданная. В разбираемом изданіи текст имѣет лишь служебное значеніе объясненія вошедших в изданіе рисунков, и составлены эти объясненія без опредѣленно-выдержаннаго плана. Комментарій к рисункам Герберштейна ограничивается общей характеристи-

кой хроники Герберштейна, а по отношенію к Олеарію примѣнен другой пріем: к каждому рисунку приложена соотвѣтствующая выдержка из текста Олеарія, без какой-либо критической оцѣнки замѣток этого иностраннаго наблюдателя тогдашней русской жизни. В общем это изданіе не дает полнаго представленія о том, как изображали тогдашній русскій быт иностранные путешественники, а заключает в себѣ лишь нѣсколько образчиков их описательных замѣток и рисунков.

В издаваемых берлинским издательством «Грани» — «Матеріалах по исторіи русскаго революціоннаго движенія», опубликован сборник писем из **Архива П. Б. Аксельрода,** в который вошли письма Маркса, Зибера, Кравчинскаго и других извѣстных писателей и революціонных дѣятелей.

К этой же группѣ исторических матеріалов отнесем и изданіе **Ю. А. Яворскаго: «Неизвѣстный труд Добрянскаго по исторіи западно-русской церкви»** (Львов. 1923 г.).

Перехожу к историческим работам спеціальнаго характера, посвященным **всеобщей** исторіи.

С. М. Дубнов извѣстен, как автор обширной «**Всеобщей исторій еврейскаго народа».** Послѣдняя часть этого обширнаго труда, посвященная обозрѣнію судеб еврейства с 1789 года по наши дни разрослась в самостоятельное трехтомное сочиненіе, которое слагалось постепенно среди самых неблагопріятных внѣшних условій. В 1914 г. в Петербургѣ вышло первое изданіе этого сочиненія в одном томѣ; тогда цензурныя условія не позволили автору провести изложеніе далѣе 1881 года. В 1919 г. автор предпринял второе изданіе этого труда и в увѣренности, что с паденіем стараго режима можно уже не опасаться цензурных препятствій, раздѣлил его на два выпуска с тѣм, чтобы в первом выпускѣ довести изложеніе до 1848 г., а во втором — до 1914 г. Первый выпуск благополучно вышел в свѣт, а изданіе второго рухнуло вслѣдствіе всеобщаго развала, наступившаго тогда во всѣх сферах русской жизни, в том числѣ и в области книгопечатанія. Только в настоящее время в берлинском издательствѣ «Грани» появилась в законченном видѣ работа С. М. Дубнова, составившая теперь уже три тома. В первом томѣ изложена исторія еврейства за время 1789—1815 годов, во втором — за время 1815—1881 г.г., в третьем — за время 1881—1914 г.г. В центрѣ всей этой работы С. М. Дубнова стоит вопрос о равноправіи евреев. С этой точки зрѣнія он раздѣляет всю новѣйшую исторію еврейства на періоды «эмансипаціи» и «реакціи». Великая французская революція открывает період эмансипаціи евреев во Франціи и в странах французскаго владычества, отчасти в Германіи и в наименьшей степени в Австріи. В то же время раздѣлы Польши привели к возсоединенію с Россіей западных областей с обильным еврейским населеніем, и это вызвало постановку еврейскаго вопроса в русском законодательствѣ при Екате-

ринѣ II и Павлѣ. Время за 1815—1848 г г. автор разсматривает, как эпоху первой реакціи в еврейском вопросѣ во всѣх странах Европы. В 1848—1881 г г. слѣдует вторая эмансипація, а період 1881—1914 г.г., ознаменованный ростом антисемитизма, составил эпоху второй реакціи. Изложеніе автора богато фактами. Наряду с разсмотрѣніем законодательной разработки еврейскаго вопроса во всѣх странах, автор слѣдит и за различными общественными теченіями в этой области, как напр., за развитіем антисемитизма, сіонизма и др.

Большая часть других спеціальных изслѣдованій из всеобщей исторіи — оригинальных и переводных, — явным образом связаны с потребностью путем исторических справок и аналогій освѣтить смысл только что пережитых и еще переживаемых событій.

И. Левину принадлежит спеціальная монографія: «**Эмиграція французской революціи**». (Издательство «Слово», Берлин, 1923 г.). Широко использовав спеціальную и общую литературу предмета, а также многочисленные мемуары соотвѣтствующей эпохи, автор дает подробную картину положенія эмигрантов, оставивших Францію в період революціи. Первая глава книги — «Причины эмиграціи и судьбы эмигрантов» несомнѣнно полна животрепещущаго интереса для читателей из среды современной русской эмиграціи. Первоначальная увѣренность эмигрантов в быстром финалѣ революціоннаго кризиса и возстановленіи прежняго порядка и постепенная смѣна этих неосновательных надежд разочарованіем и уныніем; тяжелыя матеріальныя лишенія эмигрантов; крушеніе эмигрантских надежд на энергичную интервенцію монархических стран Европы в дѣла Франціи, для возстановленія там монархіи; горячіе споры между сторонниками и противниками мысли о необходимости покинуть Францію впредь до возстановленія там нормальнаго порядка вещей, — все это так полно аналогіями с современными нам эмигрантскими переживаніями, что даже можно опасаться, как бы читатель книги И. Левина не проглядѣл тѣх существенных различій, которыя все же отдѣляют обстоятельства нашего времени от событій той поры. Во второй главѣ И. Левин обстоятельно разсматривает законодательство об эмиграціи. И эта глава полна животрепещущаго интереса. Развитіе декретных репрессій против эмигрантов в эпоху Конвента, постепенная подготовка амнистіи при владычествѣ Наполеона, первыя впечатлѣнія эмигрантов, вернувшихся на родину послѣ продолжительнаго отсутствія; вопрос о вознагражденіи эмигрантов в законодательствѣ времени реставраціи — все это для современных русских читателей выходит далеко за предѣлы чисто историческаго интереса. В третьей главѣ автор дает біографію и характеристику воззрѣній Малле-дю-Пана, эмигранта, пронесшаго чрез всю свою жизнь вѣрность идеѣ конституціонной монархіи и неустан-

но боровшагося за эту идею и с сторонниками полной реставраціи стараго порядка и с радикальными республиканцами. Исполненная животрепещущаго интереса, книга И. Левина представляет собою основательное изслѣдованіе, плод добросовѣстнаго труда.

Книга проф. **Р. Виппера: — «Круговорот исторіи»** (издательство «Возрожденіе», Берлин, 1923 г.) содержит в себѣ собраніе статей, написанных автором в годы міровой войны и начавшихся в Россіи революціонных событій. В большинствѣ этих статей находим разсказы о различных эпизодах из исторіи крушенія древней римской имперіи, а также из исторіи разложенія древне-греческих демократій. Эти историческія справки вызваны размышленіями о том глубоком кризисѣ, в полосу котораго, по мнѣнію Р. Виппера, вступила в наши дни современная нам цивилизація. Таким образом, основная тема всей книги совпадает с темой извѣстной послѣдней работы итальянскаго историка Ферреро, о которой ниже будет сказано нѣсколько слов. Подобно итальянскому историку и проф. Виппер убѣжден в том, что мы присутствуем при крушеніи всей современной цивилизаціи, при катастрофическом завершеніи цѣлаго цикла в ходѣ всемірно-исторической жизни. Однако, Виппер иначе, чѣм Ферреро, понимает существо этого кризиса. С точки зрѣнія Виппера всѣ тревожныя явленія, наблюдаемыя в настоящее время во всѣх странах европейской культуры, свидѣтельствуют об одном: о том, что форма крупных государственных организмов, в которые отлилась жизнь послѣ-средневѣковой Европы, изжила сама себя, перестала удовлетворять своему назначенію, превратилась в зловредный тормаз для свободнаго проявленія и развитія потребностей и стремленій, заложенных в человѣческой природѣ. И Виппер предсказывает, что выходом из современнаго кризиса явится возвращеніе к началам средневѣковаго жизненнаго строя, т. е. к автономным и независимым от централизованной государственной власти мелким общественным соединеніям, гильдіям, цехам, братствам, и т. п. Современный кризис, по толкованію Виппера, есть по существу кризис централизованной государственности, и спасеніе от порождаемых этим кризисом невзгод придет от децентрализаціи жизни во всѣх отношеніях. Такая постановка вопроса побуждает Виппера идеализировать средневѣковые мелкіе общественные союзы, и при этой идеализаціи он совершенно забывает о том, как душно и стѣснительно было человѣческой личности в этих мелких союзах, цехах, гильдіях и т. п., какія цѣпи накладывали они на своих членов и какой крупный шаг к освобожденію личности от этих цѣпей заключался в ростѣ государственнаго начала.

Вопросы иного порядка, но также непосредственно связанные с переживаемым историческим моментом, освѣщаются в книгѣ «**Тихоокеанская проблема в XX стол.**», коллективном трудѣ

двух авторов: **генерала Н. Головина и адмирала А. Бубнова** (издательство «Пламя». Прага, 1924 г.). Эта книга, вышедшая ранѣе на англійском языкѣ, уже обратила на себя вниманіе англійской и американской прессы. Англійскіе и американскіе журналисты отмѣтили основательное освѣщеніе в этой книгѣ проблемы Тихаго океана, как с военно-технической точки зрѣнія, так и со стороны разсмотрѣнія политических и экономических интересов, связанных с данной преблемой. Для авторов названной книги «проблема Тихаго океана» сводится к неизбѣжному, по их мнѣнію, столкновенію между Японіей и Соединенными Штатами Сѣв. Америки из-за обладанія Тихоокеанскими островами. Неизбѣжность этого столкновенія авторы доказывают перенаселенностью Японіи и назрѣвающими внутри ея соціальными конфликтами, которые должны будут толкнуть Японію на возобновленіе аггрессивной внѣшней политики. На чьей же сторонѣ шансы побѣды при этом предстоящем столкновеніи Японіи и Америки? Этот то вопрос занимает авторов названной книги. Подробно разсматривают они морскія вооруженыя силы Америки и Японіи на Тихом океанѣ, стратегическія условія морской войны на Тихом океанѣ и военное значеніе возможных политических группировок на Тихом океанѣ. Всѣ эти вопросы разсмотрѣны в книгѣ с большой обстоятельностью, на основаніи тщательно собраннаго спеціальнаго матеріала. В общем авторы приходят к тому выводу, что наибольшіе шансы успѣха окажутся на сторонѣ Японіи и что эта японская опасность может быть предотвращена только при условіи возстановленія государственной мощи Россіи и что, таким образом, в возрожденіи Россіи Америка заинтересована в первую очередь. Книгѣ предпослано небольшое введеніе проф. М. Циммермана. Вполнѣ считаясь с серьезностью выставленных авторами книги положеній, М. А. Циммерман приводит нѣкоторыя соображенія, с его точки зрѣнія, смягчающія остроту вопроса. Он отмѣчает и политическую изолированность Японіи, и тѣ внутренніе кризисы, которыми грозит Японіи растущая в ея внутренней жизни соціальная рознь и распространяющіяся в нѣкоторых кругах японскаго населенія пасифистскія настроенія. Всѣ эти оговорки все же не устраняют вполнѣ выдвинутаго ген. Головиным и адм. Бубновым вывода, и указаніе их на важность возстановленія государственной силы Россіи, с точки зрѣнія международнаго развитія, сохраняет все свое значеніе. Как видно из сказаннаго, названная книга не является по существу исторической, но ряд глав в ней носит историческій характер, так как авторы вводят в свое изложеніе довольно обстоятельные экскурсы в новѣйшую внутреннюю и международную исторію Японію.

Переходя к **переводным** историческим монографіям, выпущенным в русских издательствах внѣ Россіи, прежде всего укажу на перевод только что упомянутой книги **Гильомо Ферреро**

— **Гибель античной цивилизаціи, перевод А. Казнакова** (издательство «Ратай», Лейпциг, 1923 г.). И здѣсь, как в книгѣ Виппера, рѣчь идет о причинах и существѣ переживаемаго нынѣшней Европой кризиса, и для разъясненія этих вопросов к дѣлу привлекается историческая аналогія. С присущим ему научно-литературным талантом Ферреро набрасывает широкую картину разложенія римской имперіи. Исходной точкой этого разложенія он считает политическія смуты, начавшіяся со времени Александра Севера. Яркими чертами обрисовав эти смуты, автор излагает попытку Діоклетіана реформировать государственный строй имперіи и затѣм показывает, как в политической системѣ Константина Великаго основы *античной* государственности подверглись коренной переработкѣ и были замѣнены прямо противоположными началами. Ферреро хочет отыскать центральный коренной источник разстройства и крушенія римской имперіи и находит его в паденіи политическаго авторитета сената. Римскій сенат является органом *аристократическаго* принципа, на котором, как на могущественном стержнѣ, держалось все зданіе римской государственности. Лишь только этот принцип расшатался, — все зданіе античной государственности было обречено на крушеніе. Современная нам европейская государственность — по мнѣнію Ферреро — держалась на *монархическом* принципѣ. Начала народоправства, выступившія на поверхность со времени великой французской революціи, вступили в соревнованіе с монархическим принципом, расшатывали его, колебали его основанія, но не могли его ниспровергнуть. Это ниспроверженіе произошло на наших глазах в видѣ гибели монархіи в Германіи, Австро-Венгріи и Россіи. И для Ферреро этот факт есть симптом гибели современной цивилизаціи, подобно тому, как в свое время паденіе *аристократическаго* принципа выражало собою гибель всей системы цивилизаціи античной.

Сразу видно, как много односторонняго и предвзятаго во всей этой концепціи. Недаром, книга Ферреро вызвала горячую полемику. И конечно, выводы итальянскаго историка не дадут удовлетворенія тѣм, кто стремится разобраться в явленіях переживаемаго историческаго момента. Но успѣх книги Ферреро, как нельзя болѣе понятен: он вызван жгучим интересом к самой проблемѣ, поставленной автором. Этим интересом объясняется, конечно, и появленіе данной книги в русском переводѣ.

Несомнѣнную связь с переворотом, переживаемым Россіей, имѣет и появленіе перевода талантливой книги **Луи Мадлена «Французская революція» т. I и II, пер. С. Штейна.** (Издательство «Слово», Берлин, 1922 г.). Книга Мадлена имѣла большой успѣх. Нерв книги заключается в том, что Мадлен в краснорѣчивой формѣ дает, как бы сказать, coup de grâce той идеализирующей легендѣ, которою долгое время была окружена в исторіографіи великая французская революція, и которая была затѣм посте-

пенно разсѣиваема в классических трудах Токвиля, Тэна, Сореля и других менѣе знаменитых авторов. Мадлен теперь смѣло и рѣшительно отбрасывает остатки этой идеализирующей легенды, ставит точки над всѣми і, рѣзко и наглядно выявляя, как бы сказать, *большевицкіе* элементы французской революціи. Нѣт сомнѣнія, что впечатлѣнія от русских событій в немалой степени повліяли на изложеніе Мадлена.

Остальныя переводныя работы обязаны своим появленіем потребности русской эмиграціи ознакомиться с исторіей и жизнью тѣх стран, с которыми ей пришлось непосредственно соприкоснуться за время своих скитаній. Извѣстно, что оживленнѣйшим центром русской эмиграціи является Прага. Интерес к исторіи Чехіи, естественно возникшій на это почвѣ, не мог не отразиться и на издательской дѣятельности. Издательством «Наша Рѣчь» в Прагѣ в 1922 г. выпущен русскій перевод извѣстной книги **Эрнеста Дени «Возрожденіе Чехіи».** Дени — француз, энтузіастически преданный Чехіи, ученик и горячій послѣдователь Палацкаго, посвятившій много труда изученію чешской исторіи, а затѣм во время послѣдней міровой войны принявшій непосредственное участіе в движеніи, которое привело к установленію независимой Чехословацкой республики. Он умер в 1921 г. Его книга о возрожденіи Чехіи, написанная одушевленно, проникнутая неподдѣльной любовью к чешскому народу, заключает в себѣ широкую картину успѣхов чешской національной культуры за все время XIX стол. Интересно изложены здѣсь послѣдовательныя стадіи роста національной идеи в чешском обществѣ и ярко обрисована дѣятельность всѣх корифеев чешскаго національнаго возрожденія в области политики, философіи, науки, литературы и искусств. На русскій язык эта книга переведена под редакціей проф. Радля и Бориса Соколова. К книгѣ приложена краткая біографія Эрнеста Дени и дополнительная замѣтка об исторіи чешскаго языка.

Издательство «Пламя» в Прагѣ выпустило русскій перевод книги **Любора Нидерле — «Быт и культура древних славян»** (Прага, 1924 г.). Это — авторизованное сокращенное изложеніе второй части обширнаго труда знаменитаго ветерана чешской науки: «Славянскія древности». Первая часть этого труда — в трех томах — содержит начальную исторію и этнографію славянства. Вторая его часть, под заглавіем «Быт древних славян», в четырех томах, посвящена обозрѣнію жизни языческаго славянства от рожденія до смерти, одежд, уборов, жилищ, орудій, промыслов и ремесл, религіи и обычаев. Оба сочиненія, как указывает академик Н. П. Кондаков во вступительной статьѣ к русскому изданію, выпущенному издательством «Пламя» — «замѣчательны по своей небывалой в подобных обозрѣніях обстоятельности, полнотѣ и исключительной всесторонней эрудиціи». В русском изданіи дано в сокращенном видѣ извлеченіе из труда Ни-

дерле — «Быт древних славян». Это извлеченіе раздѣлено на двѣ части: в первой части описана жизнь древняго славянства «от колыбели до могилы»; здѣсь очерчены — территорія славянства, климат, фауна, флора, физическій тип, рожденіе и дѣтство, брак, свадебные обряды, игрища, пища и напитки, болѣзнь, смерть, похоронные обряды, устройство могил и погребеніи. Во второй части описаны одежды и украшенія.

Всѣ эти стороны древне-славянскаго быта разсмотрѣны в книгѣ Нидерле с исчерпывающей полнотой и чрезвычайной тщательностью. Книга приготовлена к изданію С. Н. Кондаковым. К книгѣ приложен прекрасно исполненный портрет Нидерле, вводная статья академика Н. П. Кондакова и вводная замѣтка самаго Нидерле. Текст иллюстрирован многими рисунками.

На дальнем восточном пунктѣ русской діаспоры вышел переведенный с англійскаго языка **К. Ловцевым** — «**Очерк исторіи Китая».** Тут же кстати упоминаем и об оригинальных работах **П. В. Шкуркина** (Харбин): «Справочник по исторіи стран дальняго Востока», ч. I Китай (1918 г.) и его же — «Историческія таблицы Китая».

В особую группу могут быть выдѣлены русскія книги, вышедшія в лимитрофных государствах и посвященныя исторіи недавних окраин русскаго государства. Таковы: **Берента, Э. — «Очерк исторіи Эстоніи».** (Изданіе центральнаго союза русских учащих в Эстоніи. Ревель, 1922 г.); «**Эсты и латыши**» — исторія и быт в Прибалтійском краѣ, сборник статей. (Изданіе Вальтерс и Рапа. Рига); **Паэглэ, Л. — Введеніе в исторію:** 1) картины из жизни первобытнаго человѣка, 2) картины из исторіи Латвіи. Книга для русской школы. (Изд. автора. Рига, 1920 г.); **Ланге, Г. — Исторія Латвіи** — курс русских основных школ (изданіе Меллин и К°. Рига 1922 г.); **Погодин, А. — Древніе литовцы** (издат. «Литва». Вильна, 1920 г.); **Кацель, I. — Исторія Литвы** (изд. Спера. Ковно, 1921 г.).

Повторим то, что было сказано в началѣ статьи: представленный обзор не охватывает всей исторической литературы, вышедшей за рубежом Россіи в період эмиграціи. В него сознательно не включены статьи русских авторов, помѣщенныя в повременных изданіях или работы, написанныя ими на иностранных языках. Таким образом, не пришлось включить в обзор, например, многочисленныя статьи Ѳ. Тарановскаго по исторіи русскаго и славянскаго права, появившіяся на языках польском и сербском.

Всѣ подобнаго рода публикаціи войдут в спеціальный обзор в послѣдующих выпусках. Весьма возможно, что в настоящем обзорѣ окажутся также и нѣкоторые невольные пробѣлы, допущенные по недосмотру, в виду тѣх трудностей, с которыми приходится считаться в настоящее время при попытках наладить планомѣрную библіографическую работу. Но —

думается нам, — что разсмотрѣннаго выше матеріала достаточно для того, чтобы придти к заключенію, что в области исторической литературы за годы эмиграціи сдѣлано немало, и что на развитіе этой литературы оказывали вліянія как практическія потребности, связанныя ближайшим образом с условіем эмигрантской жизни, так и теоретическій интерес, проистекающій отчасти из впечатлѣній, дум и тревог, навѣянных событіями нашего времени, отчасти из общенаучных задач, из потребности к чистому научному творчеству, которую не могли заглушить в представителях русской исторической науки никакія лишенія и заботы эмигрантскаго существованія.

30, IV, 1924.

Исторія литературы.

Е. Ляцкаго.

Исторія литературы, как наука, устанавливающая и внутреннія и внѣшнія связи между отдѣльными литературными произведеніями, не может похвастаться богатством результатов, нашедших себѣ выраженіе в зарубежных изданіях. Если историки литературы, работающіе в совѣтской Россіи, по преимуществу сосредоточились на извлеченіи и изданіи матеріалов архивнаго характера, несмѣло пускаясь в область обобщеній, то в историко-литературных работах, появляющихся за границей, ощущается недостаток в новых матеріалах. Послѣднее обстоятельство, при отсутствіи подходящих библіотек и соотвѣтствующей научной обстановки, не может не вліять на сокращеніе опытов научнаго обобщенія. Европейская наука, особенно психологія и философія исторіи, ставит на очередь цѣлый ряд вопросов, настоятельно требующих разрѣшенія в области русской литературы, но русскій изслѣдователь, помимо внѣшних трудностей, останавливается перед невозможностью имѣть в кругу своего зрѣнія весь подлежащій изслѣдованію матеріал. Апріорныя построенія, не нуждающіяся ни в изученіи рукописей, ни в отчетливом представленіи о развитіи литературы в цѣлом, появляются в значительном количествѣ в видѣ разнаго рода очерков о новѣйших явленіях литературы и, в частности, поэзіи. Появляются работы, гдѣ изслѣдователь считает себя в правѣ не выходить за предѣлы психологическаго или формальнаго изученія, ставя себя как бы внѣ историко-литературной традиціи. И в работах подобнаго рода высказываются часто остроумныя и цѣнныя соображенія, которыми воспользуется в свое время исторія литературы. Но рядом с этим можно указать произведенія, на которых лежит печать своеобразнаго любительства, гдѣ понятіе «литература» впадает в область философических умствованій и психологических тонкостей, не всегда поддающихся логическому учету.

О попытках установить новыя точки зрѣнія на процесс литературнаго развитія или заново построить исторію литературы, хотя бы ограниченную извѣстным періодом времени, говорить не

приходится: попытки этого рода являлись сплошным недоразумѣніем. Можно говорить лишь об изученіи частных явленій и вопросов литературы, связанных с анализом фактов жизни и творчества отдѣльных писателей. В этом направленіи достигнуты извѣстные результаты, которые окажутся полезными и для исторіи литературы.

Вышел цѣлый ряд монографій, и многія из них обнаруживают итоги аналитически упорной и методологически правильной работы. Особое вниманіе в этом отношеніи удѣлено **Льву Толстому и Достоевскому.** Повидимому, послѣ пережитых событій назрѣвает органическая потребность разобраться в духовном наслѣдіи этих колоссов русской художественной мысли и попытаться в их интуиціи разгадать таинственный смысл нашей эпохи. Задача авторов этих монографій облегчалась послѣдовательным опубликованіем новых автобіографических и біографических свѣдѣній. Однако, и независимо от этого, в заграничных изданіях появились цѣнныя работы, относящіяся в особенности к Льву Толстому. Таковы прежде всего труды **П. И. Бирюкова;** из них один издан в Америкѣ. Немаловажное значеніе имѣют и труды **В. И. Черткова.** Воспоминанія нѣкоторых лиц, в том числѣ сына Льва Николаевича, дополняют наши свѣдѣнія о великом писателѣ, хотя особенно новых черт в его характеристику не вносят.

В критической литературѣ о Достоевском обнаруживается стремленіе раскрыть наиболѣе глубокіе и сложные элементы міросозерцанія писателя, в особенности природу его религіозных исканій. В этом отношеніи должна быть отмѣчена книга **Н. А. Бердяева «Міросозерцаніе Достоевскаго»,** книга большого и своеобразнаго интереса. Стремленіе раскрыть религіозную истину заставляет автора разсматривать Достоевскаго скорѣе как опору в таинственных путях исканія, чѣм как предмет объективнаго, научнаго изслѣдованія. Работы других изслѣдователей ставили тему об эстетикѣ Достоевскаго, о національной стихіи его творчества, о художественной выразительности языка; одна из работ (А. Л. Бема) явилась попыткой (и довольно удачной) примѣненія новаго метода к изученію творчества Достоевскаго. В книгѣ **Ю. Никольскаго «Тургенев и Достоевскій»** разсмотрѣн любопытный в психологическом отношеніи эпизод нашего литературнаго прошлаго, причем собраны факты, ярко характеризующіе нѣкоторыя черты духовнаго облика обоих писателей.

Появились новые матеріалы о **Короленкѣ** и **Леонидѣ Андреевѣ** — переписка и воспоминанія; послѣднему посвящена особая книга статей различных авторов. Из текстов и матеріалов, относящихся к классикам нашей литературы, можно упомянуть неизвѣстное ранѣе письмо Пушкина к Нессельродэ *), список стихотво-

---

*) «На чужой сторонѣ», V, 1924.

ренія «Кинжал» *), текст «Счастливой ошибки» Гончарова **). Писатели новѣйшей поры мало подверглись историко-литературному изученію, и в критической литературѣ трудно назвать сколько-нибудь замѣтныя работы, посвященныя им, гдѣ устанавливались бы точки зрѣнія на этих писателей внѣ зависимости от предвзятых сужденій философскаго, этическаго и даже политическаго свойства. Одна работа посвящена **Блоку,** другая **Гумилеву.** Творческая дѣятельность Куприна, Мережковскаго, Ремизова, Бунина не вызывала ни одной критической оцѣнки, которая сохранила бы свое значеніе для исторіи литературы. Большой интерес и вниманіе проявляют зарубежные писатели к литературѣ, создающейся в совѣтской Россіи. Для историко-литературной оцѣнки этих произведеній время еще не наступило, но критическіе обзоры начинают все чаще и чаще появляться в періодической печати. Была издана книга, спеціально посвященная «**Красному Парнасу**» (Ф. Иванова); новѣйшая поэзія совѣтской Россіи подверглась разсмотрѣнію в очеркѣ Р. О. Якобсена.

Литературное развитіе, протекающее в предѣлах зарубежной жизни, естественно должно воспринять слѣды западных вліяній. Одним из показателей подобнаго вліянія является попытка обнаружить пути и формы взаимодѣйствія русской и иностранных литератур. В этом направленіи, по отношенію к прошлой эпохѣ можно отмѣтить работу **В. А. Францева — «Державин у славян».** Мы не упоминаем здѣсь ни о работах с преобладающим публицистическим и философским элементом, ни об изданіях, повторяющих собою книги и очерки, уже ранѣе напечатанные. Если бы мы ввели в нашу задачу подробный обзор, нам пришлось бы упомянуть прежде всего книгу **Р. В. Иванова-Разумника «Русская Литература»,** вышедшую 6-ым изданіем, и такіе труды, как **В. Л. Мякотина «Пушкин и декабристы», М. О. Гершензона — «Грибоѣдовская Москва»** и «**Историческія записки**» и т. д.

Журнал «**Славія»,** выходящій в Прагѣ, под редакціей профессоров Карлова университета О. Гуера и М. Мурко, напечатал нѣсколько работ русских ученых; здѣсь, в числѣ прочих, помѣщена работа Е. В. Аничкова, посвященная разсмотрѣнію научных взглядов акад. Александра Веселовскаго. Статьи историко-литературнаго характера помѣщаются и в других журналах, издающихся за границей: «**На чужой сторонѣ», «Современных Записках», «Русской Мысли», «Волѣ Россіи».**

Историко-литературныя изученія, ведущіяся за границей, развиваются в направленіи старой литературной традиціи. В этом отношеніи они находятся в тѣснѣйшей зависимости от работ, со-

*) Slovenský sborník věnovaný J. M. prof. Františku Pastrnkovi, Praha 1923.
**) Евг. Ляцкій, «Гончаров», изд. 3, Стокгольм 1921.

вершающихся в совѣтской Россіи, и сохраняют с ними внутреннюю связь. Как ни скромны результаты этих изученій, они показывают, что дѣятельность историков литературы даже в области, требующей обширных книгохранилищ и рукописных собраній, не прервалась, и есть данныя, которыя позволяют надѣяться, что Прага явится вскорѣ центром филологической, в частности славянской науки, которая в значительной степени облегчит работу историков русской литературы. Правда, пока в большинствѣ случаев дѣйствуют старыя имена, но университетскіе преподаватели отмѣчают повышенный интерес своих слушателей к литературѣ и исторіи и уже видят и намѣчают тѣ молодыя силы, которыя придут им на смѣну.

Художественная литература.

М. Слонима.

Русская художественная литература за рубежом послѣдних шести лѣт насчитывает свыше 1300 названій. Дать систематическій обзор этого матеріала представляется особенно затруднительным не только вслѣдствіе его обширности и пестроты, но и в силу того неизбѣжно субъективнаго момента, который играет руководящую роль при выдѣленіи из огромнаго количества названій наиболѣе цѣнных и художественно-значительных.

Поэтому, распредѣляя произведенія изящной словесности по рубрикам, формально, в рамках библіографическаго перечня, трудно все же отказаться и от нѣкоторой критической их оцѣнки по существу. И если в других отдѣлах оцѣнка эта основывается на строгих научных данных или опытѣ опредѣленных дисциплин, то в области художественной литературы нельзя найти какое-либо незыблемое мѣрило, и в спокойную работу безпристрастнаго обозрѣвателя часто и невольно врываются отрицанія или утвержденія критика.

Это обстоятельство и заставляет нас дать лишь общій и бѣглый очерк художественной литературы за рубежом, избѣгая, по возможности, черезчур подробных сужденій об отдѣльных произведеніях.

Весь обозрѣваемый нами матеріал дѣлится на двѣ почти равныя части: около 700 названій приходится на долю переизданных и около 600 на долю оригинальных произведеній.

Можно сказать, что с **переизданій,** собственно, и началась русская издательская дѣятельность за рубежом в 1918—1919 году. Необходимо было дать русским людям, очутившимся за границей, произведенія родного слова, восполнить то отсутствіе книги, которое так остро давало себя чувствовать в первые годы зарубежнаго существованія.

В первую очередь шло переизданіе классиков. Около 450 названій составляют произведенія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевскаго и т. д.

На первом мѣстѣ стоит **Л. Н. Толстой** (67 названій). В изданіи Ладыжникова (Берлин) вышли романы и повѣсти Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресеніе», «Казаки» и т. д.). Из—во «Слово» (Берлин) выпустило собраніе сочиненій великаго писателя в 14 томах.

Отдѣльныя произведенія Толстого издавались, главным образом, в Берлинѣ и Нью-Іоркѣ, причем слѣдует отмѣтить, что за исключеніем «Пути жизни», переизданія не захватили философско-религіозных сочиненій Толстого: очевидно, вниманіе и интерес зарубежнаго русскаго читателя и издателя был сосредоточен на Толстом — художникѣ, а не Толстом — мыслителѣ.

За Толстым идет **Пушкин** (59 названій). Здѣсь мы опять имѣем два полных собранія сочиненій (из—во «Слово» и Ладыжникова) и ряд изданій отдѣльных произведеній, предназначенных по преимуществу для школы (наибольшее количество изданій приходится на «Дубровскаго», «Евгенія Онѣгина» и «Капитанскую дочку») или разсчитанных по цѣнѣ, формату и выбору текста на широкое распространеніе. Художественных изданій Пушкина немного: из—во «Нева» (Берлин) выпустило «Мѣдный Всадник» с иллюстраціями В. Масютина, «Гробовщика» с литографіями Н. Зарѣцкаго и иллюстрированное изданіе «Пиковой дамы».

Собраніе сочиненій **Гоголя** (58 названій) вышло в 4-х томах у Ладыжникова и в 10-ти в из—вѣ «Слово». Отдѣльныя изданія — почти всегда небольшія по объему (80—120 стр.) — охвают по преимуществу «Вечера на хуторѣ близ Диканьки» и «Ревизора». Издательство «Геликон» выпустило «Нос» в изящном изданіи с рисунками В. Масютина.

Полное собраніе сочиненій **Чехова** (48 названій) дано Ладыжниковым в 7, а из—вом «Слово» в 14 томах. Из—во Гржебина выпустило первый том избранных сочиненій Чехова под тщательной редакціей и с примѣчаніями Е. Замятина. Отдѣльными изданіями выходили по большей части пьесы и мелкіе разсказы. Здѣсь умѣстно упомянуть о книгѣ, не являющейся переизданіем, но дополняющей собраніе сочиненій Чехова: письма к О. Л. Книппер, изданныя из—вом «Слово», представляют значительную біографическую и историко-литературную цѣнность.

Помимо двух собраній сочиненій **Тургенева** (46 названій) — Ладыжникова в 9 и «Слова» в 10 томах, переиздавались по преимуществу разсказы Тургенева (главным образом «Первая любовь» и «Записки охотника»). Из романов в отдѣльном изданіи вышли только «Дворянское гнѣздо» и «Рудин». Прекрасное художественное изданіе «Первой любви» с многоцвѣтными иллюстраціями выпустил Гржебин; «Пѣснь торжествующей любви» в из—вѣ «Геликон» сопровождена рисунками В. Масютина.

Большой интерес представляет книга «И. С. Тургенев и М. Г.

Савина», под ред. А. Ф. Кони, освѣщающая в письмах и воспоминаніях одну из любопытнѣйших страниц жизни писателя.

Собраніе сочиненій **Достоевскаго** (36 названій) вышло у Ладыжникова. Отдѣльно вышли «Братья Карамазовы», «Преступленіе и Наказаніе», «Записки из мертваго дома». Остальныя переизданія — разсказы и повѣсти Достоевскаго («Двойник», «Игрок» и т. д.). Из неизданных произведеній Достоевскаго отмѣтим «Петербургскую лѣтопись» («Эпоха» — Берлин—Москва) и перепечатку вышедшей в Петербургѣ — «Исповѣди Ставрогина» (три не напечатанныя главы из романа «Бѣсы»).

Помимо Собранія сочиненій **Лермонтова** (22 названія) в 4-х («Слово») и 3-х томах (Ладыжников) и отдѣльных изданій «Демона» и лирики, слѣдует отмѣтить «Героя нашего времени» под ред. Е. А. Ляцкаго («Сѣверные Огни» — Стокгольм), снабженнаго вступительной статьей, примѣчаніями и оригинальным, нигдѣ еще не изданным рисунком поэта.

Лермонтовым кончается список классиков, произведенія которых издавались сравнительно в большом количествѣ названій. Остальные корифеи русской литературы представлены слабѣе.

Из 9 изданій басен **И. А. Крылова** — лучшее по полнотѣ, редакціонной обработкѣ и примѣчаніям — выпущено Е. А. Ляцким в «Сѣверных Огнях». В том же издательствѣ прекрасно издан критическій текст «Горе от ума» **Грибоѣдова** (см. также изд. В. Бурцева).

Гончаров, Аксаков, Фет, Тютчев, Ал. Толстой представлены лишь нѣсколькими названіями. Единичны переизданія Лѣскова, Салтыкова-Щедрина, Успенскаго, Некрасова.

Большинство переизданій классиков страдают одним крупным недостатком, особенно проявившемся в собраніях сочиненій Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго и т. д. Критика согласно отмѣтила, что ни изданія «Слово», ни изданія Ладыжникова нельзя признать вполнѣ удовлетворительными. Для собранія сочиненій, предназначенных для семьи и школы, они черезчур полны (напр., включены чисто эротическія произведенія Пушкина и Лермонтова), но лишены соотвѣтствующей редакціонной обработки и историко-литературнаго и реальнаго комментарія. В то же время они не могут претендовать на полноту «окончательнаго» собранія сочиненій с критически провѣренными текстами, с использованіем всѣх матеріалов и историко-литературных изысканій и широкими примѣчаніями, включающими различные варіанты и редакціи, а также хронологическія и біографическія данныя. Очевидно, переизданіе классиков за границей имѣло болѣе скромную задачу — попросту дать зарубежному читателю возможность не терять связи с великими образцами русской литературы и постоянно имѣть под рукой лучшія творенія наших классиков хотя бы и не в том идеальном видѣ, как этого желали бы критики и изслѣдователи нашей изящной словесности. Приходится только пожа-

лѣть, что при перепечаткѣ нѣкоторых «Собраній сочиненій» (особенно Пушкина и Лермонтова) издатели не воспользовались вышедшими в Россіи в послѣднее двадцатилѣтіе тщательно провѣренными изданіями великих поэтов.

Из литературы недавняго прошлаго переизданы по преимуществу прозаическія произведенія. Гораздо менѣе посчастливилось стихам. Их насчитывается 42 названія на 175 названій прозы. Болѣе всего перепечатывался **Блок** (21 назв.) «Двѣнадцать» вышли в пяти изданіях, а стихотворенія и театр — в двух «Собраніях», из которых одно — из—ва «Слова» значительно уступает предпринятому из—вом «Эпохой», еще не законченному полному собранію сочиненій поэта, включившему также и всю прозу Блока. «Роза и Крест» выпущена была в роскошном изданіи «Невой».

«Жемчуга» **Гумилева** вышли в дешевом изданіи из—ва «Мысль» в Берлинѣ. «Огоньки» переиздали стихотворенія **Виктора Гофмана.** Из нынѣ здравствующих поэтов переизданы только три сборника **А. Ахматовой** (Из—во Ефрон — Берлин), стихи **А. Бѣлаго** («Стихи о Россіи» — «Эпоха»), **И. Бунина** («Славянское из—во» — Прага) и **М. Кузьмина** («Нездѣшніе вечера» — «Слово», и др.).

Из прозаических произведеній новѣйшей литературы особенно усиленно переиздавались сочиненія **М. Горькаго** (37 названій), причем из—вом «Книга» предпринято даже 17-томное изданіе полнаго собранія сочиненій писателя. Сравнительно полно представлен **А. Куприн** и **И. Бунин.** Переиздана историческая трилогія **Д. Мережковскаго,** «Исторія моего современника», **В. Короленко,** разсказы и романы **Ал. Толстого,** Восьмидесятники» и «Жарцвѣт» **А. Амфитеатрова** (из—во «Грани»).

Два изданія выдержала перепечатка «Санина» **Арцыбашева** и в нѣскольких изданіях появились «Леда» и др. разсказы **Ан. Каменскаго.** Переизданы также романы **В. И. Немировича-Данченко, С. Юшкевича,** разсказы **А. Яблоновскаго,** сатиры **Саши Чернаго,** «Ольга Орг» **Слезкина.**

Слѣдует отмѣтить новое изданіе «Петербурга» **Андрея Бѣлаго,** являющееся не перепечаткой, а нѣкоторой передѣлкой первоначальнаго текста, от которой роман значительно выигрывает. Переизданы «Серебряный Голубь» того же автора, нѣкоторыя произведенія **Ал. Ремизова** и романы и пьесы **Б. Зайцева** («Слово»).

Мы видим, таким образом, что и в области переизданія произведеній современных нам писателей сдѣлано не мало, причем полнѣе всего представлена проза так называемаго «реалистическаго направленія», в то время как символисты и «декаденты» почти совершенно отсутствуют. Весьма незначительны переизданія современных поэтов, и совсѣм скудно представлена драма (12 названій из 220).

В противоположность переизданіям, среди новых произведеній, вышедших за рубежом, преобладают стихи. На 600 названій свыше 200 — сборники стихотвореній или поэмы.

В явленіи этом нѣт ничего неожиданнаго. Еще до войны и революціи критика отмѣчала необычайное обиліе поэтических произведеній, наводнивших и книжный рынок и редакціи журналов и альманахов. Самое печальное, писал в 1915 году один критик по поводу этой поэтической лавины, что большинство этих произведеній написаны вполнѣ прилично... но не болѣе этого. Это сужденіе можно повторить и относительно значительной части тѣх маленьких книжек формата «молитвенника», принадлежащих, в огромном большинствѣ своем, неизвѣстным и начинающим авторам, которые неустанно появляются в разных центрах русской эмиграціи, начиная от Константинополя и кончая Харбином. Почти всѣ они написаны грамотно, но «души не веселят» и крупнаго поэтическаго таланта не обнаруживают.

Вряд ли можно выдѣлить из этого длиннаго списка два-три имени, заслуживающих вниманія. Исключеніе, пожалуй, составляют нѣсколько подражательные, но талантливые стихи **М. Л. Талова** («Двойное бытіе» и «Любовь и голод» — Париж) и два сборника стихов **Вл. Сирина** («Горный путь» — Грани и др.). Но зато большой интерес представляют произведенія писателей, часть которых продолжает за рубежом свою прежнюю, подчас очень давнюю работу. Ряд поэтов, живя в Россіи, издал свои книги за рубежом, и их творенія также должны быть причислены к новинкам зарубежной литературы.

Из поэтов «старшаго» поколѣнія, помимо нѣскольких сборников **К. Бальмонта** («Гамаюн» — Сѣверные Огни; «Марево» — Франко-русская печать; «Сонеты...» — Ефрон, и др.), написанных в обычной для поэта манерѣ и не отмѣчающих какого-либо новаго этапа в его творчествѣ, слѣдует отмѣтить сборники стихов **Н. Гумилева.** Второе изданіе «Колчана» («Петрополис»), «Огненнаго столпа» («Петрополис» — Берлин—Петербург), появленіе «Шатра» («Библіофил» — Ревель), «Мика», «Дитя Аллаха» («Мысль»), «Костра» (Гржебин), «К синей звѣздѣ» («Петрополис») раскрыло читателям во всей полнотѣ творчество одного из самых талантливых современных русских поэтов.

В двух книгах стихов **Ф. Сологуба** («Небо голубое» — Библіофил и «Пламенный круг» — Гржебин), несомнѣнно, звучат новые мотивы, показывающіе ту сторону творчества Сологуба, которая не была проявлена в прежних сборниках этого глубокаго и сильнаго поэта. В них впервые слышатся не хвалы смерти, а пѣснопѣнія любви и жизни.

Три книги **Максимиліана Волошина** («Демоны глухонѣмые», «Стихи о террорѣ» — Кн—во писателей) относятся к наиболѣе глубоким и «патетическим» твореніям поэта, пытающагося в ху-

дожественных образах дать всю трагическую философію нашей эпохи. В обычном стилѣ «прекрасной ясности» выдержаны легкіе, прозрачные и изящные стихи **М. Кузьмина** («Парабола» — Петрополис, и др.).

«Тяжелая лира» (Гржебин) и «Путем зерна» (Гржебин) **В. Ходасевича** окончательно утвердили за автором почетное мѣсто в современной поэтической литературѣ. Далеко отошла от своих юношеских стихов, выросла и окрѣпла **Марина Цвѣтаева;** каждый сборник ея стихов — этап развитія ея своеобразнаго и крупнаго дарованія («Психея» — Гржебин, «Стихи к Блоку», Огоньки, «Царь-дѣвица» — Эпоха, «Ремесло» — Геликон). По прежнему полнозвучен в своем поэтическом великолѣпіи **О. Мандельштам,** прибавившій к первому сборнику «Камень» новый — „Tristia" (Петрополис). Двѣ книги **Б. Пастернака** («Сестра моя жизнь» — Гржебин, «Темы и варіаціи» — Геликон) обнаруживают в этом молодом, доселѣ неизвѣстном поэтѣ совершенно исключительную поэтическую индивидуальность, к голосу которой с удивленіем и надеждой прислушивается критика и в Россіи, и за рубежом.

Наиболѣе крупныя произведенія «имажинистов» появились за рубежом. **С. Есенин** выпустил здѣсь свое собраніе стихов и поэм (Гржебин), «Стихи скандалиста» (Благов — Берлин), и поэму «Пугачев» («Русское Универсальное издательство» — Берлин), а также «Инонію» и «Триптих («Скифы» — Берлин). Его сотоварищ и сподвижник **Ал· Кусиков** выпустил три книги стихов, причем одна из них («Аль Баррак») выдержала даже два изданія. Антологію произведеній **Вл. Маяковскаго** издало «Наканунѣ» (Берлин).

Большое количество «поэз» выпустил **Игорь Сѣверянин** («Верлена», «Мирелія» и т. д.), но всѣ онѣ являются слабыми перепѣвами «Ананасов в шампанском».

Для полноты упомянем об интересной поэмѣ **Вл. Гиппіуса** «Лик человѣческій» («Эпоха»), о сборниках стихов молодой поэтессы **М. Шкапской** («Барабан строгаго господина» — Огоньки и др.), **А. Радловой** («Богородицын корабль» — Петрополис), **И. Эренбурга, В. Пяста, П. Потемкина** и второй книгѣ «Сатир и Лирики» **Саши Чернаго** («Грани»).

В критическія эпохи всяческих потрясеній всегда развивается лирика, как болѣе непосредственный и легкій отзвук на смѣну впечатлѣній, соотвѣтствующій и их многообразію, и их напряженности и темпу. И в то же время в такія эпохи сравнительно рѣдко наблюдается сосредоточеніе длительнаго творческаго усилія, то напряженное единство душевнаго строя, которое необходимо для созданія больших полотен и для преодолѣнія всѣх их формальных трудностей. Этим, вѣроятно, объясняется тот факт, что наряду с богатством поэтической литературы, мы обнаруживаем столь малое количество крупных прозаических

произведенiй и можем найти в зарубежной литературѣ (как и вообще во всей русской словесности послѣдних лѣт) лишь нѣсколько романов.

«Старшiе богатыри» русской литературы, писатели, выдвинувшiеся в началѣ XX вѣка не отличались за послѣднее время особенной плодовитостью. **И. Бунин** помѣстил лишь нѣсколько разсказов в альманахах и перiодических изданiях («Безумный художник», «Несрочная весна»); то же, и даже еще в большей степени относится к почти совсѣм замолкшему **А. Куприну.** Нѣсколько чаще других выступает **М. Горькiй:** самое значительное из его произведенiй послѣдней поры — воспоминанiя, особенно «Мои университеты», принадлежащiе к одним из самых искренних и ярких вещей писателя. Посмертныя произведенiя **Л. Андреева** в изданiи «Библiона» (Гельсингфорс) любопытны с историко-литературной точки зрѣнiя, но большого непосредственнаго интереса не представляют.

Из новых произведенiй **В. И. Немировича-Данченко** стоит на первом мѣстѣ «Вольная душа», роман из современной жизни, написанный в свойственной маститому автору живой и увлекательной формѣ, далѣе «Двѣ ночи перед казнью», «Папочка и улицы» и др.

Из новых творенiй **Е. Н. Чирикова** на русском языкѣ, к сожалѣнiю, появилась лишь «Семья» (изд. Глагол), но зато ряд романов, повѣстей и разсказов, пользующихся большим успѣхом у европейскаго читателя, писатель выпустил на иностранных, по преимуществу славянских языках.

Из новых вещей **Ив. Шмелева** на первом мѣстѣ стоит, несомнѣнно, «Неупиваемая Чаша» (Русская Земля) — повѣсть о прошлом, о романтической любви и человѣческом порывѣ. В «Солнцѣ мертвых» наряду с картинами большой силы и яркости попадаются ослабляющiя их мѣста чисто публицистическаго характера.

Г. Гребенщиков в романѣ «Чураевы» («Рос. Болг. из—во» — Софiя, и «Франко-русская печать» — Париж) развернул картину быта и нравов алтайских старовѣров, приближаясь по манерѣ письма к Мельникову-Печерскому. Кромѣ того он выпустил нѣсколько сборников разсказов («Путь человѣческiй», «Родник в пустынѣ»), принятых критикой болѣе сдержанно, нежели «Чураевы».

Ал. Толстой попытался в романѣ «Хожденiе по мукам» дать широкое изображенiе войны и революцiи. Первыя главы этой «современной эпопеи» были встрѣчены, как начало одного из самых многообѣщающих произведенiй современности. Однако, обѣщанiй этих писатель не сдержал, и «Хожденiе по мукам» оказалось произведенiем невыдержанным и неровным.

Крѣпким реализмом и свѣжестью вѣет от повѣсти «Дѣтство Никиты» («Геликон»). Роман «Аэлита» (Ладыжникова) с фантастической фабулой напоминает романы Уэлльса.

Войну и революцію живописует также и **Б. Зайцев** в романѣ «Золотой узор». В обычной для писателя акварельно-импрессіонистской манерѣ выдержана его прекрасная Книга об Италіи (Гржебин), и разсказы «Улица св· Николая» («Слово»), и «Рафаэль» и др. («Нева»), проникнутые легкой грустью, овѣянные элегическим раздумьем.

Нѣсколько схож с Зайцевым **П. Муратов,** выступившій не только со сборниками разсказов, столь разительно напоминающими «Воображаемые портреты» У. Патера («Морали» — Геликон, «Герои и героини» — переизданіе у Гржебина), но даже и с большим романом «Эгерія» (Гржебин), из итальянской жизни XVIII вѣка, являющимся одним из лучших образцов этого рода на русском языкѣ.

Наибольшим успѣхом и у читателей и у критики за границей, пользовались, несомнѣнно, произведенія **М. Алданова.** «Девятое термидора» («Слово») из исторіи французской революціи, написанное в необычной для нашего историческаго романа изящно непринужденной манерѣ умнаго и чуть скептическаго разсказа, явилось цѣлым литературным событіем. Наряду с ним стоит и повѣсть о послѣдних годах жизни Наполеона «Святая Елена, маленькій остров».

Список исторических романов должен быть дополнен еще «14-ое декабря» **Д. Мережковскаго,** тѣсно примыкающим к изданному еще в Россіи роману того же цикла — «Александр I».

Упомянем еще о многочисленных произведеніях **Ив. Наживина,** одно из которых пытается охватить исторію русскаго общества за послѣдніе 20 лѣт («Распутин» — в 3-х томах); о романѣ **С. Юшкевича** из жизни в Россіи в 1919 году — «Эпизоды» («Гамаюн») и о книгѣ разсказов **Зин. Гиппіус** «Небесныя слова» («Русская земля»).

Нѣсколько неожиданным показалось выступленіе в качествѣ прозаика **К. Бальмонта,** написавшаго роман «Под новым серпом» («Слово»), книгу разсказов «Воздушный путь» («Огоньки») и книгу художественно-критических этюдов «Гдѣ мой дом» («Пламя» — Прага). Роман **Ф. Сологуба** «Заклинательница змѣй» («Слово») органически связан с циклом «Навьих Чар».

Андрей Бѣлый, помимо «Записок чудака» и двух томов «Путевых замѣток» («Геликон») начал эпопею нашей эпохи — роман «Котик Летаев».

Ряд повѣстей и разсказов дал **А. М. Ремизов.** Из нѣскольких томов его сочиненій слѣдует отмѣтить повѣсть «В полѣ блакитном» («Огоньки»). Книги разсказов «Мара» («Огоньки»), «Огненная весна» и «Пятая язва» говорят о современной Россіи и дают изображеніе пореволюціоннаго быта. «Трава-мурава» (Ефрон) и «Россія в письменах» — народные сказы, апокрифы и возсозданія старины, которые так любит и с таким мастерством передает этот большой и оригинальный писатель.

Вліяніе А. Бѣлаго и Ремизова чувствуется в произведеніях писателей младшаго поколѣнія. Особенно ощутительно оно у **Б. Пильняка,** выдвинувшагося за послѣднее время благодаря изображеніям революціоннаго быта. Лучшія его вещи — роман «Голый год» (Гржебин) и разсказы «Былье» («Библіофил»), которым значительно уступает нѣсколько заумная «Метелинка» («Огоньки») и перегруженная эротикой «Иван да Марья» (Гржебин).

Русскій неореализм, появившійся еще до 1914 года, с одной стороны, как реакція против символизма (хотя и заимствуя от него весьма многое), с другой, как извѣстное продолженіе (хотя значительно измѣненное) традиции русскаго литературнаго реализма XIX вѣка, представлен в зарубежной книгѣ большим количеством названій.

К сожалѣнію, почти замолчал один из лучших его представителей — **Сергѣев-Ценскій** (только повѣсть «Чудо» — у Гржебина). **Ю. Слезкин** издал давно им записанный роман предреволюціонной эпохи «Вѣтер» (Русск. Унив. Из—во), разсказы «Господин в цилиндрѣ» и повѣсть наших дней — «Фантасмагорія» (Книгоиздательство писателей — Берлин).

Разсказы **Вл. Лидина** («Повѣсти о многих днях» — Кн—во писателей и др.) и **А. Соболя** описывают событія недавних лѣт. Своеобразную жуткую силу в изображеніи современной дѣйствительности, особенно «бѣлаго движенія» обнаружил молодой писатель **Ив. Лукаш** в романах «Дом усопших» и «Бѣл-цвѣт» («Мѣдный Всадник» — Берлин).

Не равноцѣнны романы и разсказы несомнѣнно талантливаго **А. Дроздова,** выдвинувшагося, как и Лукаш, только за рубежом («Іезуитушка», «Счастье в заплатах» и роман «Дѣвственница»). Критика отмѣтила свѣжесть разсказов **Соколова-Микитова.** Послѣ ряда мелких разсказов перешел к большой повѣсти из эмигрантской жизни **Глѣб Алексѣев** («Мертвый бѣг» — Из—во писателей).

В длинном рядѣ книг, выпущенных плодовитым **И. Эренбургом,** центральное мѣсто занимает «ироническій» роман — «Необычайныя похожденія Хуліо Хуренито и его учеников» («Геликон»). Революціонный быт изображают роман «Жизнь и гибель Николая Курбова» («Геликон»), и разсказы «Неправдоподобныя исторіи» («Ефрон»).

Группа писателей, к которой мы теперь переходим, находится в Россіи, а не за рубежом, и произведенія их печатаются как на родинѣ, так и за границей, что слѣдует учитывать, знакомясь с их творчеством.

Из произведеній самаго яркаго и талантливаго писателя этой группы, являющагося ея признанным главой — **Е. Замятина,** за рубежом издана повѣсть «Островитяне» (Гржебин; в той же книгѣ разсказы 1918—1921 года), драматическія сцены из времен испанской инквизиціи «Огни Св. Доминика» и разсказы 1916—1918 г.

«На куличках» (Гржебин). «Серапіоновы братья» выпустили ряд вещей: **К. Федин** — «Анна Тимофѣевна» (Кн—во писателей), **Всев. Иванов** — «Голубые пески» (Кн—во писателей) и «Седьмой берег» (разсказы — «Геликон), **Н. Никитин** — «Полет» и «Ночной пожар» («Петрополис»), **М. Зощенко** «Разсказы Синебрюхова» («Эпоха») и т. д. Кромѣ того произведенія «серапіоновцев» печатались в различных альманахах.

Нѣсколько особое мѣсто занимает в зарубежной литературѣ, так называемая, «Книга для занимательнаго чтенія». В этом отдѣлѣ, как показывают данныя библіотек, усиленно читаются романы **П. Краснова:** эпопея послѣдняго двадцатилѣтія «От двуглаваго орла к красному знамени», фантастическая утопія «За Чертополохом» и др. Роман в 4-х томах, охватывающій событія 1916—1920 г. написала **Н. Лаппо-Данилевская** («Развал», «Крушеніе», «На ком вина», «Да будет свѣт» — Берлин). Два романа выпущено **Е. Нагродской.** Произведенія **Н. Брешко-Брешковскаго** принадлежат к числу романов-приключеній с политическими тенденціями; к ним примыкают и романы **В. Куликовскаго,** с нѣсколько болѣе подчеркнутой эротикой.

Упомянем еще разсказы **Савватія** и фантастическій роман **Н. Тасина** — «Катастрофа» (Русск. Унив. Из—во).

Юмористическая литература исчерпывается немногими авторами: нѣсколько томов новых разсказов и перепечаток **Арк. Аверченко,** двѣ книги **Тэффи,** сатиры **А. Чернаго,** фельетоны **Ж. Нуара** и политическія сатиры **Н. Мятлева.**

Очень велико количество всевозможных антологій, альманахов и сборников. Антологіи почти исключительно охватывали поэзію послѣдних лѣт, хотя имѣлись и болѣе широкія попытки («Русскій Парнас» — Лейпциг, «Русская лирика» Д. Святополк-Мирскаго — Париж). Из пятидесяти альманахов, большинство которых носит нѣсколько случайный характер, наиболѣе цѣнными оказались сборники из—ва «Грани» с произведеніями Куприна, Ремизова, Гребенщикова и др. и «Окно» (М. Цетлин — Париж), в которых помѣщены разсказы Бунина, Шмелева, Зайцева и других крупных писателей. Ряд альманахов был посвящен почти исключительно творчеству молодых писателей. «Молодая Россія», «Московскій альманах», «Собачья доля», «Серапіоновы братья» и др. познакомили зарубежнаго читателя с незнакомыми ему именами представителей новой «литературной поросли».

Это отрадное явленіе касается не только альманахов, но и всего вообще «производства» русской книги за границей. Даже из нашего поспѣшнаго и бѣглаго обзора достаточно ясно, какой живой и постоянный обмѣн существует между литературой за рубежом и в Россіи. Множество переизданій и перепечаток связывают русскую зарубежную книгу с корнями нашей литературы, с ея далеким и недавним прошлым. А наличіе в ней произведеній всѣх почти русских писателей, независимо от того, находятся ли

они на родинѣ или внѣ ея, дѣлает ее вѣрным отраженіем роста, исканій и достиженій русскаго искусства. Существует зарубежная книга — но не существует особой зарубежной литературы, и сотни томов, изданных за границей, не образуют обособленнаго и замкнутаго в себѣ міра, а входят значительной и составною частью в общую сокровищницу русскаго слова.

Дѣтская литература.

Гр. В. Н. Бобринской.

Дѣтская русская зарубежная литература не богата. Она насчитывает не болѣе 300 названій. Ни одна издательская фирма спеціально дѣтскими книгами не занимается.

Первыя зарубежныя дѣтскія книги были напечатаны в 1918 году, в 1919 г. дѣтскія книги стали печататься в Прагѣ, Берлинѣ и Парижѣ, а к 1923 году эта область настолько расширилась, что появились изданія в цѣлом рядѣ государств и городов: в Финляндіи, Латвіи, Швеціи, Бельгіи, Галиціи, Сербіи, Болгаріи, Вѣнѣ, Нью-Іоркѣ, Харбинѣ и Шанхаѣ, не считая упомянутых выше Парижа, Праги и Берлина. Этот послѣдній дал подавляющее количество дѣтских книг. Потребность русских дѣтей в русской книгѣ оказалась громадной, и никакія книги не на русском языкѣ этой жажды удовлетворить не могли. Спрос на дѣтскую книгу становился все настоятельнѣе и это не замедлило сказаться на развитіи этой отрасли. Первыя изданія отличаются сѣростью. Бумага плохая, печать недостаточно ясная, картинки из рук вон плохи, но потом изданія стали прогрессировать. Внѣшность улучшается настолько, что книги, изданныя в 1923 году, уже отличаются небывалой роскошью, особенно книги для младшаго возраста. И печать, и качество бумаги, и выполненіе красочных изображеній прекрасны. К сожалѣнію, внутреннее содержаніе рѣдко соотвѣтствует внѣшности. Картинки по большей части взяты из нѣмецких изданій и к ним подведен русскій текст, часто неудовлетворительный. Почти всѣ фирмы выпустили цѣликом или частями сказки Аѳанасьева, Пушкина, Андерсена, Гримма, Гауфа и в роскошных и в скромных изданіях, изданы и народныя сказки, русскія и других народов. Довольно много перепечаток прежде изданных дѣтских книг, но, к сожалѣнію, далеко не лучших. Ничего яркаго в области дѣтской книги бѣженская Россія создать не могла, но тѣм не менѣе можно отмѣтить нѣсколько хороших вещей, оригинальных и переводных.

Наибольшее количество изданных дѣтских книг предназначено для младшаго возраста, и большинство из них изданы роскошно. Всего 134 названія: 107 книг появляются впервые и 26 переизданных. Из этих книг для младшаго возраста организованный при Педагогическом Институтѣ имени А. Коменскаго в Прагѣ «кружок дѣтской книги» признал безусловно хорошими слѣдующія сказки: Аѳанасьева и изд. Гржебина и «Знанія», «Норка-звѣрь» Аѳанасьева в изданіи Росс.-Болгарскаго издат. и «Сказки для маленьких дѣтей» Андерсена в изданіи Дьяковой и сверх того «Черничный дѣдко» и «Дѣтскія грезы» (перевод с шведскаго).

Средній возраст имѣет 129 названій; в этой области, в противоположность разсмотрѣнному выше отдѣлу, перепечаток больше, чѣм оригинальных книг. Внѣшняя сторона не так богата. В этом отдѣлѣ можно отмѣтить семь книг, которыя можно вполнѣ рекомендовать: «Дѣтство Никиты» Толстого, «Дьяволетто» — Первухина, «Мой дѣд» — Дроздова, «Дѣтство Темы» — Гарина-Михайловскаго, затѣм «Муравей Буц» — Бетхера (с нѣмецкаго), «Пчелка Майа» — Бонзельса (с нѣмецкаго), «Зунзунг и Зингилла» — Форслунда (со шведскаго).

Среди 84 переизданных книг для средняго возраста, имѣются сочиненія Купера, Полевого, Желиховской и далѣе «Робинзон», «Дон Кихот» и «Хижина дяди Тома».

Для старшаго возраста выпущено очень мало книг, всего 20 названій, но к этому отдѣлу можно отнести ряд книг не предназначенных спеціально для юношества, но по популярости изложенія вполнѣ доступных пониманію этого возраста. Сюда относятся біографіи знаменитых людей, издаваемыя фирмой Гржебина в Берлинѣ и «Библіотека путешествій и приключеній», издаваемая Берлинской фирмой Ефрона.

Отдѣльно стоят изданія для дѣтей произведеній Л. Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Чехова и Жуковскаго, в видѣ цѣлых сочиненій и отрывков.

Отдѣл книг для младшаго возраста, несмотря на внѣшнюю роскошь изданій, в общем менѣе удовлетворителен, чѣм другіе отдѣлы и включает нѣсколько книг, к которым можно отнестись только отрицательно. Изданія для средняго и старшаго возраста по своим достоинствам выше, причем с каждым годом выбор издаваемых произведеній улучшается. Лучшія изданія относятся к 1923 г. Нужда русских дѣтей в русской книгѣ настолько настоятельна, что мы можем надѣяться, что она не останется неудовлетворенной, и подростающее за русским рубежом поколѣніе получит возможность при помощи хорошей книги готовиться к будущей творческой работѣ на родинѣ.

1 мая — 1924 г.

Медицинская литература.

С. А. Острогорскаго.

При составленіи настоящаго обзора слѣдует, прежде всего, отмѣтить, что подбор книг, издаваемых нынѣ по медицинѣ за границей, рѣзко отличается от прежняго. Научное творчество по медицинѣ никогда не было замкнуто в тѣсном кругу — если можно так выразиться — профессіональных научных работников, каковыми являются профессора высших школ. Значительная часть так называемых рядовых врачей, работавших в обыкновенных больницах и в рамках дѣятельности земскаго, военнаго, школьнаго и т. п. дѣла, обогащали науку многочисленными цѣнными наблюденіями и экспериментами, причем печатали свои труды, конечно, не только в журналах, но и в видѣ книг. Нынѣ условія жизни русских врачей в эмиграціи рѣзко отличаются от прежних. Часть профессоров-медиков (и то небольшая) получила возможность вернуться к научной дѣятельности и работает, хотя все же не в таких благопріятных условіях, как на родинѣ. Огромное же большинство русских врачей-эмигрантов живет в очень тяжелых условіях, едва раздобывая себѣ средства к существованію. Благодаря тому, что в большинствѣ государств они не принимаются на службу и не имѣют права заниматься врачебною практикою, как иностранцы, им приходится превращаться в чернорабочих, торговцев и т. п. и постепенно отставать от медицины. Невѣроятно сократилось число лиц, имѣющих возможность жить в атмосферѣ научнаго медицинскаго творчества, и этим и объясняется тот факт, что число публикуемых самостоятельных научных трудов по медицинѣ упало нынѣ до минимума. Измѣнился, конечно, и спрос на медицинскія книги. Даже наиболѣе спеціальныя монографіи по медицинѣ, будучи изданы, находили прежде сбыт среди врачей, число которых исчислялось в Россіи десятками тысяч. Теперь такія изданія не нашли бы себѣ покупателя и они должны были исчезнуть совершенно. Врач-эмигрант не в состояніи их пріобрѣтать. Поэтому нынѣ в эмиграціи издаются вновь, а также переиздаются, главным обра-

зом, учебныя пособія для русских студентов-медиков, обучающихся за границей в различных высших медицинских школах. Слѣдует по справедливости отмѣтить, что эти руководства пріобрѣтаются русскими студентами-медиками весьма охотно не только из-за языка, но и потому, что многія из них, дѣйствительно, сами по себѣ представляют цѣнность. Несомнѣнно, и врачи пріобрѣтают вновь издаваемыя руководства для необходимаго пополненія и освѣженія знаній как по своей, так и по чужим спеціальностям. Далѣе идет другая категорія изданій, именно — популярныя книги по медицинѣ. Эта категорія книг отличается большою пестротой как по содержанію, так и по достоинству и нерѣдко носит характер случайности. По многим вопросам популярной медицины имѣются большіе пробѣлы. Словом, в этом отдѣлѣ было бы желательно, чтобы издатели пользовались авторитетными совѣтами спеціалистов, которые могли бы дать читателям болѣе строгій подбор хороших популярных книг по медицинѣ и гигіенѣ.

Переходим к указанію книг по различным отдѣлам медицины. В нижепоименованных книгах неизбѣжны пропуски. Не всѣ изданія можно было имѣть в Прагѣ, а о нѣкоторых совершенно не имѣется свѣдѣній. За неполноту настоящаго очерка составитель не может нести отвѣтственности. Им было собрано и просмотрѣно все то, что было возможно.

Начну с книг д-ра **Рохлина: «Опыт методологіи медицинских наук»**, единственнаго труда, посвященнаго **медицинѣ, как наукѣ.**

Затѣм должна быть названа книга д-ра **Колоднаго: «Новое в медицинѣ»**, как трактующая о прогрессѣ **медицины**, независимо от спеціальности.

Общій характер носит также популярная книжка д-ра **Лызлова: «Здоровая и больная личность».**

По **біологіи** назову **«Руководство по біологіи проф. Бирукова** (включающее и общія части зоологии с ботаникой).

Спеціально по **сексуальной біологіи:**. д-ра **Ишлондскаго: «Этюды сексуальной біологіи». I. Произвольное измѣненіе пола и искусственное омоложеніе по Штейнаху, его же: «Любовь, общество и культура»**, д-ра **Присмана: «Современная критика ученія проф. Штейнаха»** и проф. **Абрамова: «Проблема омоложенія по Штейнаху».**

По **медицинской зоологіи** есть популярныя книжки: проф. **Шимкевича: «Паразиты»** и **Павловскаго: «Ядовитыя животныя».**

Отдѣльно стоят двѣ **біографіи:** проф. **Костычева: «Пастер»** и д-ра **Штрайха: «Пирогов».**

По **анатоміи** издано много. **Руководства:** проф. **Брезике: «Учебник нормальной анатоміи человѣка»**; проф. **Тонкова: «Учебник нормальной анатоміи человѣка»** (без рисунков); проф. **Кахіани: «Конспект по нормальной анатоміи»** (изданіе литографи-

рованное без рисунков); проф. **Барделебен: «Анатомія человѣка»; А. Я. Герда: «Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла»**; проф. **Вагнера: «Разсказы о человѣческом тѣлѣ»**; д-ра **Павлоцкаго: «Как устроено тѣло человѣка».**

Сюда же принадлежит: проф. **Догеля:. Почки и их значеніе для жизни нашего тѣла.**

Далѣе идет: д-ра **Павлоцкаго: «Как устроено и живет человѣческое тѣло.** Краткое общепонятное изложеніе элементарных понятій біологии, анатоміи, физіологіи, патологіи и гигіены». Послѣднія три книги дают популярное изложеніе, как анатоміи, так и физіологіи человѣка.

Анатомических атласов два: проф. **Тольдт: «Анатомическій атлас для студентов и врачей»** и проф. **Клунц: «Анатомическій атлас человѣческаго тѣла».**

Топографическая анатомія издана одна: проф. **Корнинг: «Руководство по топографической анатоміи для студентов и врачей».**

Наконец, отдѣльно стоит д-р **Піетт: „Homina anatomica“.**

По **эмбріологіи** — проф. **Триппель: «Руководство по эмбріологіи».**

По **гистологіи** — д-ра **Піетта: Элементы гистологіи».**

По **патологической анатоміи** — проф. **Шмаус: «Основы патологической анатоміи».**

По **физіологіи** — проф. **Ландуа: «Руководство по физіологіи человѣка»** и прив.-доц. **Вейль: «Внутренняя секреція».**

По **микробіологіи** — проф. **Абрамова: «Патогенные микроорганизмы», его же: «Атлас патогенных микроорганизмов»**; проф. **Розенталь: «Микробіологія заразных болѣзней»** и двѣ популярных книги: проф. **Костычева: «Микробіологія и ея значеніе для человѣчества** и **Гольдгамера: «Невидимый глазу мір».**

Перехожу к отдѣлу **внутренней медицины.**

По **діагностикѣ** имѣется самостоятельный труд проф. **Игнатовскаго: «Клиническая семіотика и симптоматическая терапія»** и три переводных: проф. **Маттес: «Учебник дифференціальной діагностики внутренних болѣзней»**, проф. **Бругш и Шиттенгейм: «Руководство по клиническим методам изслѣдованія** для студентов и врачей» и д-ров **Эліас, Ягич и Люгер: «Краткое руководство к клиническому изслѣдованію больных»** (издано без рисунков; по объему значительно меньше трех вышеупомянутых руководств).

По **клиническому** отдѣлу ученія о внутренних болѣзнях изданы: Проф. **Буйкевича: «Клиническія лекціи»**, проф. **Меринг: «Руководство по внутренней медицинѣ»** (есть и отдѣл инфекціонных болѣзней), проф. **Шмидт, Фридгейм и др.: «Діагностика и терапія,** краткое руководство для врачей и студентов» и д-ра **Лызлова: «Краткое руководство по внутренним болѣзням».** Сюда же относится популярная книжка д-ра **Розина: «Сердце, кровеносные сосуды, кровь и их заболѣванія».**

По **терапевтическому** отдѣлу имѣются: проф. **Клемперер: «Основы клинической терапіи внутренних болѣзней»**, д-р **Кронер: «Терапія в берлинских университетских клиниках»** (может быть рекомендовано и врачам-практикам), д-р **Шмидт: «Руководство по свѣтолѣченію»**, вновь переработано д-ром Штраусс; далѣе ряд **справочников** с рецептными формулами, каковы: **«Спутник врача-практика»**, **«Справочник для врачей под ред. проф. Груздева»**, д-ра **Шнирер: «Терапевтическій справочник.** Сборник рецептов с терапевтическими и діагностическими указаніями» и проф. **Мюллер и Коффка: «Справочник практических дешевых рецептов»**.

Для **сестер милосердія** есть всего одно изданіе: д-р **Канеля: «Курс ухода за больными»**.

Отдѣл **инфекціонных болѣзней и эпидеміологіи.** Проф. **Хлопина: «Эпидемическія болѣзни и санитарныя мѣры борьбы с ними»**, проф. **Абрамова: «Современное ученіе об иммунитетѣ»**, **его же: «Эпидеміологія и профилактика заразных болѣзней с основами бактеріологіи.** Краткое пособіе **для помощников врачей»**.

Популярныя книги: д-ра **Краснова: «О сохраненіи здоровья.** Простудныя и заразныя болѣзни, их причины и способы борьбы с ними», д-ра **Завадовскаго: «Заразныя болѣзни»** и проф. **Гофмана: «Заразныя болѣзни»**.

По отдѣльным инфекціям: проф. **Клемперер: «Туберкулез легких. Его происхожденіе, распознаваніе и лѣченіе»**, проф. **Дейке: «Практическое руководство по туберкулезу»**, д-ра **Лошинова: «Холерная эпидемія в Харбинѣ** (и по линіи) в 1919 г. Медико-статистическій очерк»; проф. **Златогорова: «Что такое холера и как бороться с нею»** (популярное изданіе) и ряд популярных книжек д-ра **Лютикова:** «Дифтерія», «Оспа», «Сыпной тиф», «Возвратный тиф», «Водобоязнь (бѣшенство)» и «Болотная лихорадка или малярія».

Отдѣл нервных и душевных болѣзней.

Проф. **Осипова: «Курс общаго ученія о душевных болѣзнях»**, проф. **Блейлер: «Руководство по психіатріи»**.

Популярно изложены: д-ра **Цандер:** «Нервная система», д-ра **Ильберг:** «Душевныя болѣзни», д-ра **Лоріе:** «Гипнотизм. Что он такое и каким способом можно его использовать», д-ра **Тремлер:** «Гипнотизм и внушеніе» и д-ра **Шульц:** «Психотерапія и воспитаніе».

Отдѣл кожных и венерических болѣзней.

Проф. **Цилер:**. **«Венерическія болѣзни.**. Сущность, распознаваніе и лѣченіе. Краткое руководство для студентов и врачей» (Изложеніе, дѣйствительно, — краткое), проф. **Шеффер: «Терапія кожных и венерических болѣзней.** С обращеніем особеннаго

вниманія на терапевтическую технику», (как и показывает заглавіе, книга посвящена **терапіи** кожных и венерических болѣзней без діагностики и т. п.), проф. **Брук: «Рецептная книжка для дерматологов и венерологов»** и проф. **Якоби-Цилер: «Атлас болѣзней кожи со включеніем важнѣйших венерических заболѣваній, для врачей и студентов».**

Далѣе идет цѣлый ряд **популярных** изданій.

Д-ра **Адельгейм:** «Венерическія болѣзни, для молодежи», д-ра **Геровича:** «Как уберечь себя от заболѣваній венерическими болѣзнями (совѣты врача). Популярное изложеніе», д-ра **Зевика:** «Домашній лѣчебник. Болѣзни мужчин», д-ра **Маргуліес:** «Болѣзнь вѣка. Этюд из области сексуальной физіологіи и патологіи», **его же:** «Бич человѣчества. Сифилис. Новѣйшіе способы распознаванія и лѣченія его», **его же:** «Половыя болѣзни, борьба с ними и их лѣченіе», д-ра **Присман:** «Что каждому необходимо знать о венерических болѣзнях», **его же:** «Инсація (онанизм) в освѣщеніи современной науки», **его же:** «Способы предохраненія от венерических болѣзней. Профилактика» и д-ра **Экспер:** «Разумная половая жизнь мужчины».

Отдѣл акушерства и гинекологіи.

Проф. **Бумм: «Руководство по акушерству»**, проф. **Дедерлейн: «Оперативное акушерство»**, проф. **Кобланк: «Краткое руководство по гинекологіи»**, проф. **Полано: «Акушерско-гинекологическая пропедевтика.**. Теорія и практика введенія в клинику. Для начинающих» и предназначенные спеціально **для акушерок-фельдшериц «Очерки по физіологіи и гигіенѣ процесса размноженія у женщины» д-ра Хазана.** Лекціи, читанныя автором в акушерско-фельдшерской школѣ Тульскаго Губернскаго Земства.

Популярныя изданія: д-ра **Волковой:** «Гигіена брака», д-ра **Байш:** «Гигіена женщины» и д-ра **Флатау:** Гигіена женщины. Спутник женщин и дѣвушек».

Отдѣл дѣтских болѣзней.

Проф. **Бендикс: «Руководство по дѣтским болѣзням для врачей и студентов»** и проф. **Филатова: «Краткій учебник дѣтских болѣзней для студентов послѣдних семестров».**

Популярныя изданія:

«Азбука матери. Редактирована проф. **Брауран и Фалькенгейм.** Необходимое руководство для молодой матери по уходу за ребенком со дня рожденія»; **Жук:** «Мать и дитя. Гигіена в общедоступном изложеніи», д-ра **Келлер:** .«Грудной младенец. Его развитіе, уход за ним и вскармливаніе» и проф. **Монрад:** «Книга матери (уход за здоровым ребенком)».

Отдѣл хирургіи.

Имѣется проф. **Марведель: «Учебник и атлас по общей хирургіи».** Кромѣ того были изданы, но уже распроданы: проф.

Оппеля: «**Успѣхи современной хирургіи**» и проф. **Федорова:** «**Клиническія лекціи по хирургіи**».

Популярное изданіе: д-ра **Шварца** — «Первая помощь в несчастных случаях и при внезапных заболѣваніях до прибытія врача».

Отдѣл глазных болѣзней.

Проф. **Ремер:** «**Руководство по глазным болѣзням**».

Отдѣл зубных болѣзней.

Прив.-доц. **Ребель** и проф. **Эйлер:** «Сборник статей по успѣхам зубоврачеванія. Под редакціей врача **Гордона**»; проф. **Воробьева** и прозектора **Піетта:** «**Основы анатоміи, гистологіи и эмбріологіи зубов и полости рта.** Для врачей и студентов», д-ров **Порт** и **Эйлер:** «**Руководство к зубоврачеванію**».

Отдѣл гигіены.

Проф. **Хлопина:** «**Санитарное дѣло в Россіи**» и проф. **Хайес:** «**Краткое руководство по соціальной гигіенѣ**». **Отдѣльной монографіей** является книга д-ра **Гербер:** «**Голос и его гигіена**».

Спеціально **для дезинфекторов:** д-ра **Бинштока** «**Наставленіе для дезинфекторов** (в вопросах и отвѣтах)».

Популярныя книги:

Д-ра **Христнина** — «Дезинфекція», д-ра **Борковскаго** — «Как сохранять свое здоровье», д-ра **Милис:** «Как нужно жить, чтобы быть здоровым. Описаніе болѣзней и их лѣченіе» и **Росс:** «Здоровье и сила и природные пути к ним».

К этому же отдѣлу относятся популярныя книги по вопросам **физическаго образованія: Мерфи** — «**Тренировка в легкой атлетикѣ**» и «**Сборник атлетических игр**».

Отдѣл судебной медицины.

Проф. **Буйневича:** «**Пріемы симуляціи и членовредительства.**

Отдѣл фармакологіи.

Проф. **Мюллер:** «**Фармакологія** (теоретическая и практическая). Учебник для студентов и врачей» (составлен очень кратко).

Отдѣл фармаціи.

Д-р **Девріен:** «**Препаративная химія.** Руководство к приготовленію химических и фармацевтических препаратов» и **Бахэм:** «Лѣкарственныя средства».

Отдѣл ветеринарной медицины.

Проф. **Френер:** «**Руководство по частной патологіи и терапіи для ветеринарных врачей**» (издано без рисунков).

Заканчивая настоящій очерк, я хотѣл бы еще отмѣтить, что в отношеніи цѣнности большинство перечисленных изданій заслуживают распространенія. Внѣшняя сторона, выполненіе рисунков и т. п. часто художественны, особенно в медицинском Издательствѣ «Врач». Книги «Госиздата», которыя тоже вошли в список, как отпечатанныя в Берлинѣ, изданы в общем значительно хуже других. Наконец, нельзя не отмѣтить, что цѣлыя спеціальности медицины и многіе крупнѣйшіе ея отдѣлы совсѣм не представлены и ждут своей очереди в ближайшее время.

Сельско-хозяйственная литература.

В. А. Евреинова.

До революціи 1917 года сельско-хозяйственныя книги тонули среди моря книг по другим специальностям. То же явленіе повторяется и теперь, в эмиграціи. За четыре года по вопросам сельскаго хозяйства и агрономіи издано лишь около ста названій — цифра, конечно, очень скромная, но для условій эмиграціи все-таки значительная. В дореволюціонной Россіи сельско-хозяйственная литература была неподобающе слабо развита. Это не значит, конечно, что в русской сельско-хозяйственной литературѣ не было хороших книг, этого упрека отнюдь сдѣлать нельзя — наоборот, по нѣкоторым отраслям сельскаго хозяйства русскія книги были многим лучше европейских (напр., по пчеловодству, огородничеству, скотоводству и т. д.), но общее число их было слишком незначительно.

За рубежом, в эмиграціи мы видим как бы отраженіе бывшаго русскаго книжнаго рынка сельско-хозяйственной литературы с одной лишь существенной разницей. Именно в Россіи тон всей русской сельско-хозяйственной литературѣ давало извѣстное, сыгравшее громадную роль в русском сельском хозяйствѣ и агрономіи — издательство А. Ф. Девріена в Петербургѣ, бывшее, дѣйствительно, серьезным и безукоризненным разсадником сельско-хозяйственнаго знанія на территоріи всей Россіи. Заслуга этого издательства громадна. Оно давало тон всѣм книгам по сельскому хозяйству; всѣ другія издательства старались (кто удачно, кто нѣт) равняться по А. Ф. Девріену.

Отсутствіе в эмиграціи такого «дирижера» (несмотря на существованіе фирмы А. Ф. Девріена в Берлинѣ) дает себя чувствовать, сказывается в пестротѣ и разноцѣнности с.-х. книг, вышедших с 1919 года заграницей.

Книги по сельскому хозяйству, начиная с 1919 года выпускались как специальными сельско-хозяйственными издательствами, так и понемногу и другими заграничными издательствами, для которых агрономическія книги были, так сказать, «между прочим».

Первым специальным сельско-хозяйственным издательством заграницей было «Международное Книгоиздательство» в Нью-

Іоркѣ, в Сѣверо-Американских Соединенных Штатах, начавшее свою дѣятельность еще в 1919 году, т. е. тогда, когда на югѣ Россіи был еще ген. А. И. Деникин, а в Сибири адм. А. В. Колчак. Во главѣ издательства стоял проф. Н. А. Бородин, наш извѣстный ихтіолог, піонер в Россіи холодильнаго дѣла, член I Госуд. Думы и проч. Издательство слѣдующим образом излагает мотивы своего возникновенія.:

«...Идя навстрѣчу усиленным требованіям на русскія книги по сельскому хозяйству *), «Международное Книгоиздательство» поставило своей ближайшей задачей издать серію научно-популярных книг по разным вопросам и отраслям сельско-хозяйственнаго знанія. При выборѣ тем издательство имѣло в виду, с одной стороны, требованія русской практики, с другой стороны, успѣхи сельско-хояйственной техники в Америкѣ, и на этих основаніях издательство остановилось на тѣх отраслях сельскаго хозяйства и с.-х. техники, которыя особенно хорошо поставлены в Америкѣ и вполнѣ примѣнимы в Россіи, каковы: птицеводство, свиноводство, молочное дѣло, промышленное плодоводство, с.-х. машиностроеніе и т. п....»

Заданія, кторыя себѣ ставило издательство, вполнѣ насущны, своевременны и важны, но удалось ли эти заданія, или хотя бы часть их, издательству выполнить? За время своего краткаго сравнительно существованія (от 1919 года до 1921 г.) издательство выпустило в свѣт лишь 13 названій книг, из которых лишь 2 больших сочиненія (инж. М. Е. Корсунскій — С.-Х. тракторы и Основы Земледѣлія под ред. г. Кушелевскаго), остальное — или брошюры (3) или небольшія книжечки, полупереводныя, полукомпилятивныя, составленныя по американским источникам. Издательство с своей задачей в концѣ концов не справилось; несмотря на безукоризненную внѣшность книг, прекрасную бумагу, печать и пр. — выбор книг по большей части оказался неудачным, иногда просто никуда негодным (напр., брошюра «Искусственное удобреніе»).

Очевидно, у издательства не было под рукой достаточно компетентных лиц; тѣ же лица, которыя составляли или переводили книги с англійскаго, или плохо знали предмет, или плохо знали англійскій или русскій язык, ибо язык всѣх подобных книг очень плохой: нерусскіе обороты рѣчи и слова, невѣрная терминологія и т. п. Особенно плохое впечатлѣніе по своей безграмотности оставляет переводно-компилятивный труд г. Кушелевскаго «Основа Земледѣлія». Цѣны книг у издательства были очень высоки, что не могло не отразиться на коммерческой сторонѣ дѣла — преждевременным закрытіем предпріятія, как раз наканунѣ выпуска наиболѣе цѣнных и интересных из обѣщанных книг. Все же, несмотря на существенные недочеты этого изда-

*) Не надо забывать, что это было в 1919 г.

тельства, дѣятельность его слѣдует отмѣтить с положительной стороны, ибо нѣкоторыя книги, выпущенныя им, достойны всяческаго вниманія, напр.: книги инж. Корсунскаго — «С.-Х. тракторы» и его же — «Силосы», Льюис — «Брусника», 2 книги С. Геймана: «Молочное дѣло в Америкѣ» и его же — «Техника приготовленія сгущеннаго молока» и др. Подробнѣе о книгах, выпущенных «Международным Книгоиздательством» будет сообщено далѣе, при обзорѣ книг по спеціальностям.

Вторым спеціальным с.-х. издательством заграницей стала извѣстная фирма А. Ф. Девріена, возобновившая свою дѣятельность в 1921 г. в Берлинѣ.

Возобновив свою дѣятельность заграницей, послѣ вынужденнаго закрытія фирмы в Петербургѣ, А. Ф. Девріен главным образом стал переиздавать свои прежнія изданія, почти не удѣляя вниманія новым трудам и книгам. Выбор переиздаваемых книг не всегда понятен, ибо переиздаются далеко не лучшія книги.

Можно только пожалѣть, что почтенная фирма, став исключительно на путь переизданія, не остановила своего выбора на образцовых сочиненіях, столь многочисленных в портфелѣ издательства, а вмѣсто этого переиздала менѣе цѣнныя книжки.

Наиболѣе молодым, спеціально агрономическо-кооперативным книгоиздательством является возникшее в 1922 г., книгоиздательство «Хутор» в Прагѣ, выпустившее ряд работ по разным отраслям сельскаго хозяйства и с.-х. коопераціи.

Подробнѣе о книгах в изданіи А. Ф. Девріена и «Хутора» будет сказано ниже, при обзорѣ их по отдѣльным спеціальностям.

Ряд книг по сельскому хозяйству был издан также фирмой Гликсман в Берлинѣ. Сельско-хозяйственныя книги попадаются и во многих других заграничных издательствах, напримѣр: «Сѣверные Огни» (Стокгольм), «Глагол» (Берлин), «Знаніе» (Берлин), «Ymca Press» в Прагѣ, потом Берлин); послѣдняя фирма выпустила их нѣсколько. Фирма эта наряду с хорошими и полезными руководствами выпускала и негодныя книги (напр., книги г. Бирюкова о сельском хозяйствѣ).

Громадное большинство изданных книг — оригинальныя, переводных очень не много. Можно было бы думать, что наоборот, в условіях жизни заграницей, в странах с высокоразвитым сельским хозяйством, как Германія, Чехословакія, С. А. С. Ш. — только послѣдняя страна дала ряд переводных работ, другія почти ничего (Германія) или совсѣм ничего (Чехословакія) — число переводных книг будет значительным. Такое большое преобладаніе оригинальных сочиненій над переводными — факт скорѣе отрадный, который необходимо подчеркнуть. Ничто не застилает глаз русскаго агронома; сквозь всю толщу европейскаго и американскаго сельскаго хозяйства он видит одну только Россію, и, благодаря этому, он и на чужбинѣ, в чуждых, совершенно иных условіях с.-х. культуры, вырванный из родной почвы, держится

за эту почву, крѣпко держится едва замѣтными корешками, позволяющими ему оставаться русским. А обиліе оригинальных работ именно по сельскому хозяйству показывает, что мысль его работает, что он не сидит сложа руки, а сам старается претворить и переварить окружающую достойную изученія, пропагандированія и прививки обстановку культурных сельско-хозяйственных условій.

Необходимо указать нѣсколько переводных сочиненій, изданных заграницей и имѣющих крупное значеніе. К таковым надо отнести прекрасное руководство Беттнер —«Практическое огородничество» — перевод А. М. Рабиновича, изд. «Знаніе» 1923; Армстронг — «Промышленное птицеводство в С. А. С. Ш.», изд. Ymca Прага, 1923, Юрт — «Молочное хозяйство» — изд. «Сѣверные Огни» 1921 г. и переизданное, извѣстное каждому русскому пчеловоду — Э. Бертран — «Уход за пасѣкой», в переводѣ, Г. П. Кондратьева — изд. Девріена, 1921 г. — классическое сочиненіе по пчеловодству.

Остальные переводные труды не столь значительны или интересны, чтобы на них останавливаться.

Понятно также и незначительное число учебников по разным сельско-хозяйственным знаніям, так как спеціальных сельско-хозяйственных русских учебных заведеній заграницей нѣт (лишь в Болгаріи имѣется низшая русская с.-х. школа, содержимая Всеросс. Союзом Городов). Русскіе, обучающіеся в иностранных как низших и средних, так и высших агрономических учебных заведеніях, естественно должны пользоваться мѣстными книгами и учебниками.

Но, несмотря на это, нельзя пройти молчаніем нѣкоторых учебников, особенно переизданных фирмой А. Ф. Девріена, как: Э. К. Клаусен — «Учебник огородничества и садоводства» в III частях, равно извѣстный курс агр. Варгина — «Элементарный курс общаго земледѣлія в IV частях и Потѣхина — «Учебник пчеловодства».

А. По общему земледѣлію, разным спеціальным культурам, обработкѣ и удобренію почвы и т. п. вышло довольно много книг, но большинство из них или переводныя с иностранных языков, или переизданныя, извѣстныя уже в Россіи по прежним изданіям. Оригинальных, вышедших впервые заграницей, книг в этой области мало, к тому же ничего крупнаго. Из оригинальных наиболѣе интересными и существенными книгами являются: отличная обстоятельная работа **Лазаркевича — «Льняное дѣло в Западной Европѣ»**, изд. Центр. Товарищ. Льноводов, Лондон, 1921 г., и **его же — «Лен и волокно»**, изд. Коперативной Мысли, Берлин, 1923 г.; обѣ книги являются вкладом в литературу по льноводству.

По культурѣ кукурузы можно отмѣтить работу **В. М. Бензина — «Культура кукурузы»**, 2-ое дополн. изд. «Хутор», 1923 г., толково излагающую предмет. Вот в сущности и все, достойное быть

отмѣченным в этой области. Остальныя оригинальныя книги ни особаго значенія, ни интереса не представляют, а появленіе нѣкоторых вызывает лишь недоумѣніе.

Из извѣстных ранѣе еще в Россіи и переизданных (главным образом Девріеном) необходимо прежде всего отмѣтить извѣстныя каждому русскому агроному и сельскому хозяину книги: **Варгина — «Элементарный курс общаго земледѣлія»** в IV частях и **В. Г. Котельникова — «Бесѣды по земледѣлію»** в VII выпусках, достоинства и недостатки которых общеизвѣстны. К этой же категоріи книг надо отнести: **Н. В. Петров — «Способы уборки и храненія сѣна в дождливую погоду»;** тоже в изд. Девріена, 1921 г. Из переводных сочиненій отмѣтим книги: **Болин и Бенгстон — «Сельское хозяйство»** — изд. «Сѣверные огни», 1921; **Монтгомери — «Воздѣлываніе кукурузы»,** изд. «Ymca», 1923, и **Газельгоф — «Химическія методы изслѣдованія в с.-х.»,** изд «Наука и Жизнь», 1923 г. — всѣ три книги представляющія извѣстный интерес, особенно подробное руководство Монтгомери; другія переводныя книги большой цѣнности и интереса не представляют.

В заключеніе нельзя не остановиться на книгѣ г. Кушелевскаго — «Основы земледѣлія», изд. Международнаго Книгоиздательства, внѣшне изданной превосходно, но совершенно безграмотной по содержанію. Болѣе чѣм слабое содержаніе, совершенно искаженное невѣрной и нерусской терминологіей, написано таким языком, что не знаешь, русскій ли это, англійскій или собственный — г. составителя. Болѣе слабаго сочиненія по с.-х. видѣть не приходилось.

Б. Отдѣл животноводства гораздо болѣе интересен и обширен; это, пожалуй, наиболѣе цѣльный и цѣнный из всѣх. Здѣсь большинство оригинальных работ значительно и интересно; переизданныя книги тоже принадлежат к цѣнным и извѣстным руководствам, равно как и книги переводныя. Неудачных или слабых книг среди книг по животноводству и его отраслям немного, почему весь отдѣл животноводства мнѣ представляется наиболѣе удачным.

Из оригинальных трудов выдѣляются болѣе других слѣдующіе: **проф. Д. Ѳ. Конев — «Заразныя болѣзни домашних животных»,** изд. «Ymca», 1924 — превосходное руководство нашего извѣстнаго бактеріолога и зоотехника б. проф. Харьковскаго Ветеринарнаго Института, представляющее крупный вклад в спеціальную литературу вопроса по эпизоотіям; прекрасное впечатлѣніе оставляет и книга **Кунаховича — «Промышленное пчеловодство»,** изд. Глагол, 1922 г. — богатая содержаніем и выдѣляющаяся даже среди очень богатой хорошими книгами русской литературы по пчеловодству удачным расположеніем матеріала, цѣнными свѣдѣніями и наблюденіями.

Попытку дать общую сводку современным свѣдѣніям по животноводству представляет книга **В. Э. Брунст: — «Животновод-**

ство», изд. «Ymca», 1923. Содержательна небольшая брошюра С. А. Виноградова — «Бесѣды по свиноводству», изд. «Хутор», 1923, равно и небольшія книжечки: А. К. Арцыбушева — «Замѣтки по вопросам коннозаводства в Россіи», изд. «Хутор», 1923, Бѣлова — «Разведеніе гусей, индеек, уток и цесарок», изд. Гликсмана, 1923 г. и Фридолина — «О выборѣ молочной коровы», изд. Девріена, 1922 г.

Любопытна книга **Мещерскаго — «Современное состояніе скотоводства в Гиринской провинціи Китая»**, Харбин, 1922.

Переизданныя А. Ф. Девріеном книги тоже принадлежат к отличным и популярным среди русских хозяев книгам, а именно: знаменитая среди пчеловодов, книга — **Э. Бертран — «Уход за пасѣкой»**, изд. Девріена, 1921 г. в переводѣ Г. П. Кондратьева, книга не нуждающаяся ни в каком отзывѣ; столь же популярныя и извѣстныя: **И. И. Абозин — «Краткій курс птицеводства** и **Потѣхина — «Учебник пчеловодства»**, обѣ в изд. Девріена, хорошія и полезныя книги.

Переводныя книги в этом отдѣлѣ очень удачны и являются крупным вкладом в русскую сельско-хозяйственную литературу.

Достаточно хотя бы указать на интересную книгу: **Армстронг — «Промышленное птицеводство Сѣверной Америки, ч. I, Куры**, изд. «Ymca» 1923, дающую представленіе о том, чего может достигнуть в умѣлых руках эта отрасль сельскаго хозяйства, столь важная для Россіи, гдѣ она влачила довольно жалкое существованіе.

Книги по животноводству составляют вклад в русскую агрономическую литературу, значительное число их свидѣтельствует о том интересѣ к предмету, который проявляют русскіе агрономы и сельскіе хозяева.

B. По садоводству, плодоводству и огородничеству книг немного, а среди них число оригинальных, написанных заграницей и совсѣм ничтожно; громадное большинство книг — это переизданныя разными издательствами уже извѣстныя книги до-революціонной Россіи, частью даже устарѣлыя; переводных всего двѣ, но весьма интересных, о которых подробнѣе в виду их значенія будет сказано особо.

Новыя книги по садоводству посвящены ягодным культурам; здѣсь прежде всего слѣдует указать руководство: **А. М. Рабиновича — «Ягодныя культуры»**, изд. «Знаніе», 1922 г. и **В. А. Евреинова — «Черная смородина»**, изд. «Хутора», 1923. Обѣ книги, составленныя на основаніи новых, современных данных, преимущественно заграничных, рисуют современное научное и практическое состояніе вопроса о культурѣ ягодных растеній. Обѣ книги по свѣжести матеріала займут мѣсто в русской садовой литературѣ.

Брошюра **В. А. Евреинова — «Дикіе плоды и ягоды»,** изд. «Хутора», 1923, помогает разобраться в вопросѣ о дикорастущих растеніях.

Среди довольно большого числа книг, уже раньше изданных в Россіи и переизданных теперь в эмиграціи, мало работ, представляющих интерес, тѣм болѣе, что нѣкоторыя из них уже устарѣли. К полезным книжкам слѣдует отнести: С. В. Краинскій — «Огородная культура картофеля», изд. Гликсмана, 1923; Нещеретов — «Бесѣды с садоводами по уходу за садом», изд. Девріена, 1922 г. и извѣстный, хотя и в нѣкоторых своих частях устарѣлый учебник: Э. Клаусен — «Краткій учебник огородничества», в III частях, изд. Девріена, 1921 г., равно и книжку А. С. Карцова — «Капуста», изд. Гликсмана, 1923 г.; книга же А. Мальта — «Культура земляники и клубники», в изд. Гликсмана, 1923 г. — ничего новаго в этой области не дает.

Извѣстное еще в Россіи многим русским садоводам практическое руководство извѣстнаго русскаго практика-садовода **М. С. Балабанова «Гдѣ и как разводить плодовые сады»,** вышедшее в изд. Гликсмана, 1923, отличается присущими этому автору достоинствами и недостатками. Наряду с цѣнными и интересными данными сплошь и рядом сообщаются вещи завѣдомо устарѣлыя или ошибочныя. Заграничное изданіе этих недочетов книги не избѣжало; очевидно, оно было переиздано без перемѣн с послѣдняго русскаго изданія.

Двѣ переводныя книги — одна по огородничеству, другая по садоводству — являются крупным вкладом в русскую спеціальную литературу, и появленіе их слѣдует всячески привѣтствовать. Это — **І. Беттнер — «Практическое огородничество»,** перевод Рабиновича, изд. «Знаніе», 1923 — извѣстное, разошедшееся во множествѣ изданій на нѣмецком языкѣ, руководство недавно умершаго патріарха нѣмецкаго огородничества и садоводства Іоганна Беттнера, хорошо знакомаго и в Россіи; книга эта является дѣйствительно цѣнной и крупной, причем нельзя не отмѣтить отличнаго перевода и особенно дополненій переводчика А. М. Рабиновича, дѣлающих эту книгу настольной для каждаго огородника и сельскаго хозяина и в Россіи.

Столь же интересна и книга: **Льюит — «Крупно-плодная брусника»,** изд. Международанго Книгоиздательства, 1920, которая знакомит русскаго читателя с новой отраслью с.-х. и садоводства, именно с полевой культурой брусники в большом масштабѣ. Возможность использовать под бруснику непригодныя ни для какой другой культуры земли (болота) представляют для Сѣверной Россіи и Западной Сибири исключительный интерес, почему книга Льюиса для хозяев Сѣверной Россіи пріобрѣтает сугубое значеніе.

Г. В области сельско-хозяйственных машин на первом мѣстѣ стоит вопрос тракторный. В тракторах еще недавно видѣли чуть

ли не средство спасенія в ближайшем будущем всего русскаго сельскаго хозяйства. В виду громаднаго, совершенно невѣроятнаго обезлошаденія Средней и особенно Южной Россіи, в виду гибели почти всѣх волов естественно вставал вопрос о замѣнѣ живой силы в сельском хозяйствѣ (особенно в пахотѣ) — моторной, именно тракторами. Вопрос этот стал модным, значеніе тракторов переоцѣнивалось до крайности, в них стали видѣть чуть ли не единственный выход из положенія, созданнаго разрушеніем русскаго сельскаго хозяйства. Несостоятельность этого взгляда теперь уже ясна и для вчерашних его поклонников. Но нѣт худа без добра: модный вопрос породил цѣлую тракторную литературу на русском языкѣ; теперь мы имѣем ряд, иногда очень хороших, руководств и сочиненій по этому вопросу.

На первое мѣсто необходимо поставить труд **проф. С. Ф. Балдина — «Тракторы и их примѣненіе»,** изд. Имки (Ymca Press(В этом большом и обстоятельном трудѣ автор ясным и точным языком дает исчерпывающее освѣщеніе вопроса. Обиліе рисунков и чертежей дополняет текст, дѣлая книгу проф. С. Ф. Балдина одной из лучших по сельско-хозяйственной литературѣ за рубежом и лучшей по тракторам на русском языкѣ. Книги по тому же вопросу: **инж. Корсунскаго — «С.-Х. Тракторы»,** изд. Международнаго Книгоиздательства, Нью-Іорк, 1921 г. и инж. **П. И. Секретова — «Сельско-хозяйственные тракторы»,** изд. Китеж, 1921 г. при всѣх их достоинствах все же уступают книгѣ проф. С. Ф. Балдина.

Остальныя книги, трактующія вопрос о сельско-хозяйственных машинах и орудіях, как переводныя — Вальтер — «Сельскохозяйственныя машины и орудія», ч. I, изд. Гешен, 1923, Лембек-Барш — «Двигатели в сельском хозяйствѣ», 1921, так и оригинальная — инж. А. М. Глинчиков — «Американскіе плуги», изд. Международнаго Книгоиздательства, Нью-Іорк, 1919 — ничѣм особенно не выдѣляются. Совершенно отсутствуют книги по уборочным машинам, сѣялкам, молотилкам, не говоря уже о болѣе мелких орудіях, напримѣр, опрыскивателях, пропашниках и т. п. Но несмотря на отмѣченные недостатки, разсматриваемый отдѣл, особенно благодаря книгѣ Балдина, является крупным вкладом в русскую сельско-хозяйственную литературу.

Д. Книг по переработкѣ сельско-хозяйственных продуктов, по сельско-хозяйственной технологіи, промышленности и производствам совсѣм немного, пожалуй меньше, чѣм по какому-либо другому отдѣлу сельскаго хозяйства. Казалось бы, что именно этот отдѣл, отдѣл, посвященный сельско-хозяйственной промышленности, должен был бы быть наиболѣе обширным, полным и заключающим в себѣ, помимо оригинальных сочиненій, ряд переводных работ с Западно-европейской литературы, столь обширной и богато представленной. Однако вмѣсто этого мы видим нѣсколько (меньше десятка) тоненьких книжечек, частью ориги-

нальных, частью переводных или компилятивных, не очень богатых содержаніем и совершенно не заполняющих того пробѣла, который давно чувствовался в русской сельско-хозяйственной печати.

Громадное значеніе сельско-хозяйственной промышленности для сельскаго хозяйства в Россіи долго не дооцѣнивалось, и лишь послѣдніе годы перед войной этот вопрос был отнесен к числу важнѣйших, что вызвало и большой интерес ко всѣм отраслям сельско-хозяйственной технологіи, как у частных хозяев и крестьян, так и у коопераціи. В зарубежной с.-х. литературѣ по этому вопросу мы видим слѣдующую картину.

Большинство книг этого отдѣла посвящено молочному дѣлу и молочному хозяйству (из 6—4). Это не удивительно. Интерес к молочному дѣлу, в виду большей доступности его широкой публикѣ, наконец, выгодности этого дѣла, еще и раньше в Россіи был очень велик. Этот интерес вызывал и в дореволюціонной Россіи большой спрос на книги по молочному хозяйству, маслодѣлію, сыроваренію и т. п., почему литература этого вопроса всегда была обширной. Этот интерес к молочному дѣлу, очевидно, живет и среди эмиграціи, ибо и здѣсь замѣчается значительное преобладаніе книг по молочному хозяйству. Ряд издательств и спеціальных сельско-хозяйственных, как «Международное Книгоиздательство» в Нью-Іоркѣ и не сельско-хозяйственных, как «Сѣверные Огни» в Стокгольмѣ, или «**Гликсман» в Берлинѣ** выпустили много книжечек, посвященных вопросам молочнаго дѣла. Большинство работ или переводных, как, напр., **Юрт** — «**Молочное дѣло»**, изд. «Сѣв. Огни», 1921, или компилятивно-переводных, как работы: **С. В. Геймана** — «**Молочное дѣло в С. А. С. Ш.**» и «**Техника приготовленія сгущеннаго молока в Америкѣ**» (обѣ в изданіи «Международнаго Книгоиздательства в Нью-Іоркѣ).

Книга Юрта, внѣшне изданная безукоризненно, содержит изложеніе раціонально-поставленнаго молочнаго хозяйства по образцу Скандинавіи и Даніи, этих наиболѣе передовых стран в Европѣ в области молочнаго дѣла. Хотя пріемы шведскаго или датскаго веденія дѣла и сильно разнятся от условій и пріемов русских, но зато они столь совершенны, раціональны и поучительны, что даже при невозможности слѣдовать им вполнѣ ознакомленіе с ними является необходимостью для каждаго русскаго серьезнаго хозяина. Книга снабжена хорошими рисунками. Хромает лишь язык.

«Техника приготовленія сгущеннаго молока» С. В. Геймана является цѣнной уже потому, что в русской литературѣ вообще этому вопросу почти не удѣлялось мѣста, несмотря на громадную будущность этого дѣла в Россіи. Долго техника приготовленія сгущеннаго молока была секретом швейцарских изобрѣтателей, что не мало задерживало развитіе этой отрасли промышленности.

Теперь же эта отрасль промышленности сдѣлала громадные успѣхи в Америкѣ и других странах. При русских условіях изготовленіе сгущеннаго молока — блестящее дѣло ближайшаго будущаго. Поэтому всякая работа по этому вопросу представляется и желательной и цѣнной. К сожалѣнію, книга написана нерусским языком (общій упрек в отношеніи книг «Международнаго Книгоиздательства»), содержит весь цифровой матеріал лишь в американских мѣрах и слишком уж близко придерживается американских источников. Вторая книжка С. В. Геймана — «Молочное дѣло в С. А. С. Ш.» знакомит русскаго читателя с грандіозными масштабами и феноменальным развитіем молочнаго дѣла в Соединенных Штатах. Но и в этой книгѣ — нерусскіе обороты и нерусская терминологія, которые непріятно рѣжут глаз. Обѣ книги изданы «Международным Книгоиздательством» внѣшне превосходно, на отличной бумагѣ, с хорошими рисунками и пр., но цѣна очень высока. В изданіи «Гликсмана» вышла в 1922 г. книжка **проф. В. Коваля — «Как выучиться вести молочное хозяйство» —** общедоступное руководство для всякаго начинающаго, написанное ясным и простым языком.

Книги инж. М. Г. Корсунскаго «Силосы» и «Американскіе способы сохраненія и заготовленія кормов», изд. Международнаго Книгоиздательства, Нью-Іорк, 1919, близко стоят по своему содержанію к вопросам молочнаго хозяйства. Онѣ знакомят русскаго читателя и сельскаго хозяина с американским способом заготовленія кормов, путем «силосованія», способа очень широко распространеннаго в американских хозяйствах, но у нас совсѣм, к сожалѣнію, игнорируемаго. Вопрос силосованія, храненія и заготовленія кормов настолько существенен и был так плохо поставлен в Россіи и в крестьянском, и в частновладѣльческом хозяйствѣ, что появленіе названной книжки слѣдует всячески привѣтствовать. Русским сельским хозяевам и земледѣльцам слѣдует обратить на нее особое вниманіе.

Кромѣ вопросов молочнаго хозяйства в отдѣлѣ переработки с.-х. продуктов имѣется лишь одна книга, трактующая вопрос о храненіи и заготовкѣ рыбы, именно **проф. Н. А. Бородина — «Способы храненія и заготовки рыбы»,** изд. «Международнаго Книгоиздательства, Нью-Іорк, 1920. Эта небольшая книжка кратко, но ясно, толково сообщает всѣ необходимыя свѣдѣнія о способах храненія и заготовки рыбы. Написанная нашим крупнѣйшим спеціалистом этого дѣла, книга проф. Н. А. Бородина, несмотря на излишнюю, может быть, сжатость, с пользой прочтется всяким, интересующимся и занимающимся рыбным дѣлом.

Скудость этого отдѣла сельско-хозяйственной литературы представляется очевидной. Можно только пожалѣть, что такія важныя для Россіи отрасли сельско-хозяйственной промышленности, как сахарное дѣло, винокуреніе, мукомольное производство, маслобойное, переработка овощей и плодов не вызвала в

свѣт ни одного спеціальнаго труда, ни одной книжки. Недостаточное число книг по сельско-хозяйственной технологіи является одним из крупнѣйших пробѣлов во всей зарубежной сельско-хозяйственной литературѣ.

Періодическая сельско-хозяйственная печать представлена крайне бѣдно. В настоящее время (май 1924 г.) существует лишь один с.-х. журнал — именно «**Хутор**», издающійся в Прагѣ. Кромѣ существующаго «Хутора» было два с.-х. журнала, издававшихся внѣ Россіи: это «Земледѣліе», выходившее осенью 1921 г. и зимой 1922 г. в Прагѣ и «Иностранныя Извѣстія Союза Сибирских маслодѣльных артелей», издававшіяся в 1919—1920 гг. в г. Бостонѣ, в Сѣверо-Американских Соединенных Штатах. Оба эти журнала преждевременно прекратили свое существованіе — «Земледѣліе» на № 3—4, а «Иностранныя извѣстія» на № 3. Упомянутыя изданія очень различны как по содержанію и характеру, так и кругу своих читателей. Если сравнивать эти три изданія с аналогичными изданіями дореволюціонной Россіи, то «Хутор» принадлежит к типу «Хлѣбороба», «Хуторянина» и т. п., «Земледѣліе» — к типу «Хозяйство», «Южно-русской с.-х. газеты» или «Сельскаго хозяина» и т. п. «Иностранныя извѣстія» трудно отнести к какому-либо типу существовавших до революціи с.-х. органов, ибо главнѣйшая их задача — справочно-информаціоннаго характера. Сельско-хозяйственнаго вопроса отчасти касался и журнал «Нужды Деревни», выходившій в Берлинѣ в 1922 г.

Заканчивая этот обзор с.-х. періодической печати, необходимо указать, что, несмотря на краткость существованія, упомянутыми журналами продѣлана большая, вдумчивая, серьезная работа.

К справочным изданіям слѣдует отнести: во-первых, **с.-х. календари за 1923 и 1924 годы**, изданные в Прагѣ заграничным отдѣленіем Земледѣльческой Едноты (Объединеніе) Чехословацкой Республики, во-вторых, — книгу: **проф. В. Н. Штейна, «Сельско-хозяйственный промысел Чехословакіи»,** изд. 1921 г. Прага. Славянское издательство, и брошюру агронома **І. К. Окулича — «Высшее сельско-хозяйственное образованіе в Сѣверной Америкѣ»,** 1922 г. Прага, изданіе «Хутор».

Начнем с послѣдней: брошюра І. К. Окулича интересна для зарубежной молодежи в виду той тяги в С. Штаты, которая до сих пор еще существует у эмиграціи. Судя по данным Окулича, постановка преподаванія в высшей с.-х. школѣ в Америкѣ столь своеобразна, столь необычна и непохожа на европейскія условія, что многіе вѣроятно призадумаются, прочтя эту брошюру, ѣхать ли продолжать с.-х. образованіе в Америку. Книга проф. В. Н. Штейна — «Сельско-хозяйственный промысел Чехословакіи» представляет собою слишком сырой, недостаточно обработанный матеріал. Нѣкоторые отдѣлы затронуты вскользь (с.-х. промышленность, спеціальн. культуры, минеральн. удобренія и

др.), почему, несмотря на всю эрудицію автора, не получается выпуклой картины.

Что касается обоих сельско-хозяйственных календарей («Календарь для русских земледѣльцев на 1923 г.» и то же заглавіе на 1924 г., оба в изданіи Земледѣльческой Едноты в Прагѣ), то первый из них, именно Календарь 1923 г., представляет собой тоненькую книжечку, содержащую почти одни лишь обще-календарныя свѣдѣнія. Календарь же для русских земледѣльцев на 1924 г. представляет уже солидный том в 358 стр. с рисунками, таблицами и картами, с множеством оригинальных статей по всѣм почти отраслям сельско-хозяйственнаго знанія. Статьи далеко неравноцѣнны, и потому впечатлѣніе от календаря получается пестрое; не чувствуется общей спайки и плана. Непріятное впечатлѣніе производит и невѣроятное количество опечаток, что, впрочем, к сожалѣнію, имѣет мѣсто во всѣх изданіях «Хутора».

Казалось бы, что при том спросѣ на разные справочники по сельскому хозяйству, который существует у подвижной части русской эмиграціи, особенно у молодежи, их должно было бы появиться много — однако этого нѣт. Справочный отдѣл крайне бѣден и недостаточен.

В заключеніе можно указать, что, несмотря на нѣкоторую скромность отдѣла сельско-хозяйственных книг, особенно в численном отношеніи, часть изданных, и — что необходимо подчеркнуть — многія, написанныя за границей книги безусловно займут видное мѣсто в общей сокровищницѣ русской агрономіи. Нѣкоторыя из этих книг, написанныя с полным знаніем дѣла, с учетом всѣх новых завоеваній в области сельско-хозяйственных знаній представляют собой цѣнный вклад в русское сельскохозяйственное дѣло. Слабыя сочиненія составляют меньшинство. В общем за эмигрантскую агрономическую литературу не стыдно.

Эмигрантская агрономическая литература не порвала с Россіей; крѣпкія нити, крѣпкіе корни связывают ее с родиной, и благодаря этим крѣпким корням она могла вырости не заморышем, не оранжерейным цвѣтком, а цѣльным, крѣпким и свѣжим деревом.

Пожелаем от души дальнѣйшаго расцвѣта русской агрономической мысли за рубежом.

Русская зарубежная періодическая печать.

В. А. Розенберга.

Кто не знает Робинзона? Во всѣх варіантах, а их нѣсколько, сущность этого разсказа одна и та же: буря, кораблекрушеніе и затѣм — долгій опыт приспособленія к жизни в совершенно новых, неизвѣданных раньше условіях, пока, наконец, счастливый случай не откроет дорогу на родину. Процесс этого приспособленія представляет интерес именно потому, что он происходит с человѣком, за плечами котораго болѣе или менѣе продолжительная своеобразная культурная жизнь. По этой причинѣ у него имѣется извѣстный запас теоретических знаній и приктических навыков и нѣкоторый минимум неискоренимых потребностей и вошедших в плоть и кровь привычек. Робинзон не Пятница, котораго стѣсняют панталоны: напротив, он должен обнаружить много изобрѣтательности, чтобы найти на своем необитаемом островѣ матеріал для одежды, без которой ему не обойтись.

В настоящее время сотни тысяч, даже милліоны русских попали в положеніе Робинзона. Пусть мѣстом временнаго пребыванія этого коллективнаго Робинзона является не затерянный в океанѣ пустынный остров, а населеннѣйшіе города всѣх частей свѣта. Все-таки, послѣ политической бури и государственнаго кораблекрушенія ему приходится налаживать свою жизнь на неопредѣленный срок в условіях, ему незнакомых и притом разительно отличающихся от обстановки его прежняго существованія на родинѣ. Происходит тот же процесс приспособленія к новой средѣ, а опыт удовлетворенія своих потребностей совершенно непривычными способами требует и здѣсь не только способности к самоограниченію, но, прежде всего, выдержки и изобрѣтательности. Культурный багаж, котораго не лишен наш коллективный Робинзон, конечно, облегчает ему его трудную борьбу за существованіе. Но он же, с другой стороны, и осложняет его задачу, так как культурный человѣк не может отказаться от нѣкоторых потребностей, ставших его второю натурою, хотя, на первый взгляд, отчего бы ему и не отказаться от них.

Лучшій примѣр — привычка современных культурных людей к газетѣ. Казалось бы, не до періодической печати, когда студенты и офицеры превращаются в грузчиков, когда литераторы

метут улицы или заняты ручным трудом на фабрикѣ, а профессора или крупные коммерсанты торгуют разною мелочью в разнос. Но между тѣм... в самых невѣроятных условіях, в самых неожиданных мѣстах и самыми необычными способами люди производят опыты удовлетворенія этой своей, ставшей, очевидно, неискоренимой потребности: вот вам, напримѣр, «шуточный» листок «Вюнсдорфское Солнце», изданный в 1922 г. в лагерѣ Вюнсдорфѣ, а вот и другое изданіе, вышедшее из «лагеря интернированных» — «Живое Слово», журнал литературный и религіозный (Тухода, тоже 1922 г.), вот и еще один опыт, даже болѣе ранній, — «Русская Молодежь» (Пряшев, 1922 г.). Существуют журналы «литографированные»: напримѣр, «Морской сборник», выходившій в 1921—22 г. г. в качествѣ ежемѣсячнаго изданія в Бизертѣ. Есть изданія, для которых не нашлось даже литографіи: ежемѣсячный журнал «На Чужбинѣ», печатался «Русским культурно-просвѣтительным обществом в Египтѣ», на миміографѣ (Александрія, 1921—22 г. г.), Тунисскій литературный журнал «Жили-были» размножался при помощи шапирографа (1922 г.), монархическая газета «Русская Правда» (в 1922 году) выходила на папиросной бумагѣ.

Словом, в опытах приспособленія к новым условіям, нерѣдко весьма малоблагопріятным для существованія прессы, недостатка не оказывается. Потребность в газетѣ, в журналѣ, в прессѣ стала неистребимою потребностью русскаго читателя; как бы ни были тяжелы условія его существованія, он стремится ее удовлетворить. Если одинокій Робинзон для того, чтобы отвѣтить на этот зов своей души, пишет дневник, нынѣшній русскій коллективный Робинзон пытается создать періодическую печать. И если было бы преувеличеніем сказать, что он ее уже создал, то совершенно безспорно, что он заложил добрый фундамент для возведенія этой постройки.

Удивительный поистинѣ факт. В Россіи существовала болѣе двух вѣков періодическая печать, служившая на протяженіи многих десятилѣтій главным, если не единственным, органом общественнаго мнѣнія и составлявшая без преувеличенія дѣло рук образованной части общества. И вот эта пресса внезапно, как по щучьему велѣнію исчезла с лица земли. Ее замѣнила правительственная, или что фактически то же самое, партійная коммунистическая монополія на изданіе газет и журналов. Общественной періодической печати в Россіи не стало, на ея мѣстѣ — офиціальная, вѣдомственная литература, представленная, правда, во множествѣ изданій, но таких, которыя всѣ на одно лицо. И это не потому, что цензурныя условія для газет и журналов стѣснительны: бѣда их не в том, что они не имѣют свободы для **выраженія** своего мнѣнія, а в том, что они не имѣют **своего мнѣнія.** Это не органы общественной мысли, это органы власти, которая одна только и пользуется правом голоса в молчащей странѣ.

Русской прессы, даже подобія прессы нѣт в нашем отечествѣ, но ея ростки возникают за предѣлами его, всюду, куда проникли русскіе, — в Европѣ, в Азіи, в Америкѣ, в Африкѣ. И что характерно, к этому стремленію создать зарубежную русскую періодическую печать причастны люди всѣх политических направленій, всѣх без изъятія, от крайних сторонников идеи неограниченнаго самодержавія до анархо-синдикалистов. И даже политическая группа, монополизировавшая в своих руках періодическую печать на территоріи нынѣшней Россіи, не упускает случая, чтобы вмѣшать и свой голос в хор зарубежной русской прессы.

Учесть опыт созиданія русской зарубежной печати в полном объемѣ я, при всем желаніи, не могу. В моем распоряженіи, прямо скажу, скудный матеріал, далеко не полный и не дающій отвѣта на ряд весьма существенных вопросов. Цифры, приводимыя здѣсь, при болѣе полном обслѣдованіи должны измѣниться, так как в тѣх данных, на которых онѣ основаны, немало пробѣлов и неясностей. Тѣм не менѣе, однако, думается, что для первой оріентировки, для самой общей характеристики состоянія зарубежной прессы, для иллюстраціи хода дѣла в цѣлом и эти скудныя свѣдѣнія пригодны. Они прежде всего показывают, как в самом дѣлѣ многочисленны были попытки создать русскую прессу за рубежом.

Таких попыток насчитывается, по имѣющимся неполным данным, 414. Онѣ были произведены в 81 мѣстѣ, главным образом, в Европѣ — 51; в Азіи таких попыток насчитывается — 22; в Америкѣ — 15; в Африкѣ — 3. Подавляющее большинство этих литературных начинаній относится в трехлѣтію 1920—1922 г.г. Возникновеніе русскаго періодическаго изданія до 1918 отмѣчается только в двух случаях. В 1918 и 1919 г.г. предпріятія такого рода тоже были единичны. Данныя для послѣдующаго времени, вѣроятно, требуют значительных поправок и, быть может, свидѣтельствуют о том, что предложеніе успѣло уже насытить спрос, и что дальнѣйшее развитіе будет совершаться в болѣе умѣренном и спокойном темпѣ. Но указанное трехлѣтіе отмѣчено поистинѣ лихорадочным строительством в области зарубежной прессы. Вот небольшая таблица, цифры которой говорят сами за себя:

Год возникновенія зарубеж. період. изд.	Число зарубежн. період. изданій.
До 1918 г.	2
в 1918 „	2
„ 1919 „	12
„ 1920 „	138
„ 1921 „	112
„ 1922 „	109
„ 1923 „	33
„ 1924 „	2
не выяснен	4

Понятно, что многія из этих изданій к настоящему времени прекратили свое существованіе. Нѣкоторыя были закрыты правительствами тѣх государств, на территоріи которых возникли; — таких было, впрочем, немного. Другія, раздѣляя участь тѣх территорій, гдѣ они были основаны, погибли во время перехода власти из одних рук в другія, — это относится, главным образом, к изданіям, которыя выходили на окраинах, захваченных русской гражданской войной. Но были случаи, когда та же участь постигала газеты, издававшіяся за предѣлами прежней территоріи русскаго государства. Прекращеніе иных изданій объясняется тѣм, что они имѣли какую-либо спеціальную задачу (напр., обслуживать съѣздъ), по выполненіи которой продолжать изданіе не было резона. Судьба многих изданій, повидимому, связана передвиженіем эмиграціоннаго потока, с приливом русских в одну страну и отливом их из другой, под вліяніем сложных причин, политических и экономических. Но — и это надо прямо сказать — недолговѣчность большинства русских газет и журналов, возникших за рубежом, находится в прямой зависимости от недостатка у предпринимателей литературнаго и издательскаго опыта и от необезпеченности матеріальными средствами.

Для сколько-нибудь долговременнаго успѣха періодическаго изданія во всякой странѣ и при всяких условіях требуется нѣкоторый минимум литературнаго дарованія и издательскаго умѣнія. И также обязательно довольно солидное матеріальное обезпеченіе, чтобы газета или журнал могли пробить себѣ дорогу к читателю. Но в условіях зарубежнаго существованія не так легко удовлетворительно разрѣшить обѣ эти задачи — потому нисколько не удивительно, что из четырех сотен возникших за рубежом русских газет и журналов, значительная часть в настоящее время выбыла из строя. Происходило, конечно, так, как и обыкновенно бывает в дѣлѣ издательской предпріимчивости. Одни издатели, исчерпав свои рессурсы, отказывались от продолженія дѣла. Но, так как потребность в періодической печати не переставала заявлять о себѣ, на их мѣсто становились другіе и дѣлали новыя попытки. Жизнь и смерть и в этой области, как и повсюду, шли так сказать бок-о-бок.

Трудно, однако, точно выяснить, какая часть зарубежных періодических изданій к какому-либо опредѣленному моменту, напр., к концу 1923 г. и началу 1924 г., должна считаться окончательно прекратившейся и какія изданія, напротив, существуют и выходят.

Недостаток свѣдѣній побуждает раздѣлить всю массу изданій не на двѣ группы, как бы слѣдовало ожидать, а на три: изданія прекратившіяся, изданія выходящія и изданія, о судьбѣ которых не может быть сказано рѣшительнаго слова (в иных случаях они временно замерли, в других, нѣт свѣдѣній, выходят они

или нѣт). И эта группа, надо замѣтить, довольно значительна по размѣрам. В итогѣ мы получаем слѣдующую картину:

	Число зарубежных періодич. изданій.
Окончательно прекратилось	180
Выходят	109
О прекращеніи или выходѣ свѣдѣній нѣт . . .	125

Если бы по провѣркѣ свѣдѣній оказалось, что прекратилось двѣ трети или даже три четверти общаго числа возникших изданій, то и в таком случаѣ результат нужно было бы считать вполнѣ удовлетворительным. Сотню русских газет и журналов за рубежом, если бы они получили прочную поддержку со стороны читателей, слѣдовало бы считать в наших условіях существованія большим, как нынче говорят, «достиженіем».

Кто берет на себя удовлетвореніе потребности в русской газетѣ и журналѣ за рубежом? На этот вопрос наши свѣдѣнія дают отвѣт, тоже только приблизительный. В большинствѣ случаев издателями являются частныя лица и частныя издательства; значительно рѣже издают политическія партіи или организаціи, ведущія политическую пропаганду; еще малочисленнѣе изданія общественных учрежденій, просвѣтительных, ученых, торговых, благотворительных. Но надо оговориться, что, вѣроятно, нерѣдки случаи, когда за спиною частных издателей стоят тѣ или иныя политическія группы, финансирующія газету или журнал. Тѣм не менѣе, и при такой поправкѣ, мнѣ кажется, приводимыя здѣсь цыфры указывают на то, что зарубежная періодическая печать по преимуществу продукт самодѣятельности того общества, которое в нем нуждается, а не организованных групп. В самом дѣлѣ, издателями зарубежных газет и журналов состоят:

Частныя лица и частныя издательства в . .	258	случаях.
Общественныя учрежденія в	70	,,
Политическія организаціи в	86	,,

Своеобразіе условій, в которых возникла и развивалась зарубежная русская періодическая печать, отразилось на таком внѣшнем признакѣ этого рода литературы — как сроки выхода изданія. Появилось немало журналов, которые не считают возможным наперед опредѣлить, через какіе промежутки времени они будут появляться. С другой стороны, вошли в употребленіе у нас, в Россіи, малораспространенные сроки — по четвертям года, шесть раз в год. Относительно увеличилось число изданій, выходящих раз в двѣ недѣли или два раза в мѣсяц. Нѣкоторые ежемѣсячники практически перешли на выпуск книжек регулярно раз в два мѣсяца. Все это указывает на матеріальныя и техническія трудности, с которыми приходится бороться зарубежной нашей

прессѣ. И тѣм не менѣе, ежедневная газета и еженедѣльный журнал оказываются преобладающим типом русских повременных изданій за границей. При этом надо сказать, что наряду с еженедѣльным журналом выходит значительное число еженедѣльников чисто-газетнаго содержанія, или даже газет, стремящихся к выпуску двух нумеров в недѣлю. Это — так сказать — недоразвившіяся газеты, которым мѣшает стать ежедневным изданіем недостаток средств или неблагопріятныя типографскія условія.

В общем эта сторона газетнаго и журнальнаго издательства за границей может быть иллюстрирована слѣдующими цифрами:

	Число періодич. изданій.
Ежедневных (а также, выходящих 3—4 раза в недѣлю) . .	127
Еженедѣльных (а также выходящих 2 раза в недѣлю) . . .	103
Выходящих 2 раза в мѣсяц . . . . :	30
Ежемѣсячных (и выходящих 1 раз в 2 мѣсяца)	44
Выходящих в другіе сроки или в неопредѣленные сроки . .	110

Преобладаніе среди зарубежных періодических изданій ежедневных и еженедѣльных газет и журналов до нѣкоторой степени уже опредѣляет их содержаніе. Общая политико-литературная газета занимает первое мѣсто в русской зарубежной прессѣ. Изданій, посвященных литературѣ, искусству, в частности театру, а также иллюстрированных изданій, сатирических и юмористических листков, насчитывается втрое меньше, нежели политико-литературных. Всѣ остальные роды періодических изданій, вмѣстѣ взятые, численно лишь немногим превышают группу литературно-художественных журналов. Таким образом, три пятых общаго числа возникших за рубежом газет и журналов наших, по содержанію относятся к разряду общих литературно-политических газет и журналов, одна пятая — обслуживает интересы литературно-художественные, и только одна пятая — относится к области *спеціальной* періодической печати (наука, техника, сельское хозяйство, промышленность, торговля, экономика, педагогика, медицина, а также изданія духовно-нравственнаго содержанія, профессіональныя, благотворительныя и т. д.). В цифрах распредѣленіе по содержанію русских газет и журналов за рубежом может быть изображено так:

	Число изданій
Политико-литературныя изданія	246
Литературно-художественныя изданія	82
Сельско-хоз. и техническія изданія	16
Экономическія, торгово-промышленныя изданія . .	17
Медицинскія изданія	3
Педагогическія изданія	3
Другія спеціальныя изданія	47

Конечно, русская зарубежная періодическая печать в подавляющем большинствѣ случаев *русская* по языку. Лишь небольшая

часть этихъ изданій выходит на украинском и бѣлорусском языках. Кромѣ того имѣются изданія, посвященныя Россіи или обслуживающія тѣ или иные интересы русских за границей, на англійском, французском, нѣмецком, итальянском и японском языках. В нѣкоторых случаях эти журналы издаются на двух языках, напр., на русском и англійском, русском и французском, русском и японском. В этом отношеніи всѣ вышедшія за рубежом изданія разсматриваемой категоріи распредѣляются слѣдующим образом:

	Число зарубеж. період. изд.
На русском языкѣ	364 *)
На украинском языкѣ	22
На бѣлорусском языкѣ	7
На англійском языкѣ	9 **)
На французском языкѣ	5 ***)
На нѣмецком языкѣ	3 ****)
На итальянском языкѣ	3
На японском языкѣ	1 *****)

В краткій період существованія русской зарубежной печати успѣли образоваться, как в Европѣ, так и в Азіи и Америкѣ, своего рода центры издательской дѣятельности, представляющіе, повидимому, наибольшія удобства для осуществленія подобных начинаній. В Европѣ в этом отношеніи первыя мѣста занимают:

	Русских газет и журналов, разновременно возникших
Берлин	58
Париж	27
Прага	18

В Азіи такими центрами являются:

	Русских газет и журналов, разновременно возникших
Харбин	60
Шанхай	18

В Америкѣ намѣтился только один центр: Нью-Іорк — 20 русских газет и журналов.

Всѣ только что отмѣченные города можно считать не только в прошлом, но и в настоящій момент главными средоточіями зарубежной русской періодической печати, притом как по числу выходящих в них органов, так и по распространенности и вліятельности этих изданій. Замѣтим, что в Берлинѣ и Парижѣ со-

*) В том числѣ 9, выходящих одновременно на русском и одном из иностранных языков.

**) Кромѣ того 2 изданія дают англійскій текст параллельно с русским.

***) Кромѣ того 2 изд. на русском и французском языках.

****) Кромѣ того 4 изданія на нѣмецком языкѣ параллельно с русским.

*****) Кромѣ того 1 изданіе на руссокм и японском языках.

здались и окрѣпли руководящіе органы ежедневной зарубежной русской печати, в Парижѣ и Прагѣ — два крупнѣйших журнала типа старых русских ежемѣсячных научно-литературных и политических изданій. Но надо помнить, что и в нѣкоторых других европейских городах (в Варшавѣ, Ригѣ, Бѣлградѣ), уступающих названным выше в отношеніи *числа* издательских опытов, успѣли сложиться крупныя и вліятельныя русскія газеты.

В исторіи русской зарубежной прессы нашего времени особеннаго вниманія заслуживают, как издательскіе центры, Берлин и Харбин. На долю двух этих городов падает без малаго треть общаго числа попыток организовать за рубежом родины русскіе газеты и журналы.

В Берлинѣ начало этого строительства восходит к 1920 году. В Харбинѣ, гдѣ одна русская и теперь еще существующая газета возникла еще в 1907 году, первая попытка возстановить русскую періодическую печать за рубежом, послѣ ея гибели на родинѣ, относится к 1918 году, но значительные размѣры эта работа получает также с 1920 года. И ход ея в обоих этих городах так интересен, что мы рѣшаемся сдѣлать здѣсь нѣсколько болѣе подробный обзор ея на основаніи имѣющихся под руками данных.

Из общаго числа основанных в этих двух городах 118 газет и журналов возникло:

В Берлинѣ:

	Общ. число	В том числѣ				
		Ежедн.	Еженед.	Двухнед.	Ежемѣс.	Др. сроков
до 1919 г.	—	—	—	—	—	—
в 1919 г.	—	—	—	—	—	—
в 1920 г.	10	2	3	3	1	1
в 1921 г.	14	1	5	3	3	2
в 1922 г.	22	2	5	3	5	7
в 1923 г.	11	—	1	—	—	10
в 1924 г.	1	—	—	—	—	1
	58	5	14	9	9	21

В Харбинѣ:

	Общ. число	В том числѣ				
		Ежедн.	Еженед.	Двухнед.	Ежемѣс.	Др. сроков
до 1919 г.	1	1	—	—	—	—
в 1919 г.	2	2	—	—	—	—
в 1920 г.	18	3	2	1	4	8
в 1921 г.	14	5	3	3	1	2
в 1922 г.	23	8	6	1	1	7
в 1923 г.	2	1	—	—	—	1
в 1924 г.	свѣд. нѣт	—	—	—	—	—
	60	20	11	5	6	18

Попытки создать ежедневное изданіе, т. е., главным образом, общую политическую и литературную газету, дѣлались в Харбинѣ, как мы видим, гораздо чаще, чѣм в Берлинѣ. Но, как будет видно дальше, онѣ не были успѣшнѣе, нежели на Западѣ: до настоящаго времени в Харбинѣ сохранилась только треть таких изданій из общаго числа возникших, а в Берлинѣ три пятых. Стремленіе западной русской колоніи создать политическую печать за рубежом отнюдь не было менѣе значительным, чѣм на Востокѣ. Только в Берлинѣ многіе из органов этой категоріи должны были довольствоваться менѣе частыми сроками выхода, а с другой стороны, западная ежедневная зарубежная русская печать раздѣлилась между нѣсколькими столицами Европы, тогда как в Азіи она преимущественно сосредоточивалась в Харбинѣ. Слѣдующая таблица дает читателю болѣе опредѣленное представленіе о том, как русскіе газеты и журналы распредѣляются по содержанію в главных центрах европейскаго и азіатскаго русскаго издательства.

Зарубежныя русскія періодическія изданія.

(распредѣленіе по содержанію)

Города	Годы	Число изданій: Полит.-Литер.	Литер. и искусства, а также спеціальн. театр.	Дѣтскія	Педагогическія	Врачебныя	Кооперативн. и профес. союзы	Экономичес. и торг.-промышл.	Техн.	Сельско-хоз.	Попул.-научн.	Крит.-библіогр.	Истор. и истор. литературы	Других спеціальностей
Берлин	1920	5	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	2
	1921	5	2	—	—	1	—	—	4	—	—	—	—	—
	1922	7	6	—	—	—	—	4	1	—	1	1	—	2
	1923	1	5	—	—	—	—	3	—	—	—	1	1	—
	1924	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
		20	13	—	—	2	2	8	5	—	1	2	1*)	4
Харбин	до 1919	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1919	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1920	8	5	1	—	—	—	1	2	1	—	—	—	—
	1921	5	4	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
	1922	11	7	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	2
	1923	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		28	17	2	1	1	2	1	2	1	—	—	—	5

Общая печать (политика, литература, искусство) представлена в Харбинской русской прессѣ сильнѣе, чѣм в Берлинской. Напротив, Берлинская спеціальная печать получила большее развитіе. Впрочем, возможно, что пробѣлы в наших свѣдѣніях дѣлают эту разницу значительнѣе, нежели она есть на самом дѣлѣ. Во всяком случаѣ очевидно, что там и тут ощущается потребность в созданіи періодической печати, обслуживающей не только общіе

*) В группу исторических и историко-литературных журналов слѣдовало бы включить также тѣ сборники, издающіеся в Берлинѣ («Арх. русской революціи» и «На чужой сторонѣ»), которые давно превратились в подлинные историческіе журналы, но упорно именуются сборниками.

политическіе и литературные интересы читателей, но и интересы их в разных отраслях знанія и практической дѣятельности. И издательская предпріимчивость идет навстрѣчу этой потребности. В какой мѣрѣ и насколько удачно, — это другой вопрос. Успѣх дается, конечно, не без борьбы и не без потерь. Но во всяком случаѣ довольно большой процент зарубежных органов русской періодической печати, несмотря на значительныя трудности, которыя приходится им преодолѣвать, обнаруживает жизнеспособность.

Наши свѣдѣнія, и по отношенію к изданіям, предпринятым в двух больших центрах, не дают возможности разбить их на двѣ только группы: прекратившихся и существующих. Приходится судьбу значительной части возникших в Берлинѣ и Харбинѣ газет и журналов оставить под знаком вопроса. И все-таки результаты получаются не лишенные интереса.

В Берлинѣ **В Харбинѣ**

Русскія періодическія изданія к началу 1924 г.

Год	Берлин: Прекр.	Свѣд. нѣт	Существ.	Общ. ч.	Харбин: Прекр.	Свѣд. нѣт	Существ.	Общ. чис.
До 1919	—	—	—	—	—	—	1	1
1919	—	—	—	—	—	1	1	2
1920	7	1	2	10	9	6	3	18
1921	7	4	3	14	6	6	2	14
1922	4	11	7	22	5	6	12	23
1923	—	—	11	11	—	—	2	2
1924	—	—	1	1	—	—	—	—
	18	16	24	58	20	19	21	60

В молодой зарубежной русской періодической печати есть изданія уже вступившія в четвертый и пятый год своего существованія. Это во всяком случаѣ признак роста и укрѣпленія.

Остановимся еще на характеристикѣ изданій, существующих (или, точнѣе, существовавших к началу нынѣшняго года) в Берлинѣ и Харбинѣ. Не вдаваясь в большія подробности, разобьем их по содержанію только на три группы (политико-литерат., литер.-худож. и спеціальн. и отмѣтим сроки их выхода).

Число изданій

Берлин

Годъ возникновенія	Общ. число	Еже-дн.	Еже-нед.	2 раза въ мѣс.	Еже-мѣс.	Др. ср.	Пол. лит.	Лит. худ.	Спец.
До 1919	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1919	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1920	2	1	1	—	—	—	2	—	—
1921	3	—	1	1	1	—	1	1	1
1922	7	2	2	1	2	—	3	—	4
1923	11	—	1	—	—	10	1	5	5
1924	1	—	—	—	—	1	—	—	1
	24	3	5	2	3	11	7	6	11

Число изданій

Харбин

Годъ возникновенія	Общ. число	Ежедн.	Еженед.	2 раза въ мѣс.	Ежемѣс.	Др. ср.	Пол. лит.	Лит. худ.	Спец.
До 1919	1	1	—	—	—	—	1	—	—
1919	1	1	—	—	—	—	1	—	—
1920	3	—	1	—	—	2	—	—	3
1921	2	—	—	—	1	1	—	—	2
1922	12	4	3	1	1	3	5	4	3
1923	2	1	—	—	—	1	1	1	—
1924	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	21	7	4	1	2	7	8	5	8

Политическая печать, как на Западѣ, так и на Востокѣ, составляет по этим данным, приблизительно треть уцѣлѣвших русских періодических изданій. Слѣдует отмѣтить, что в Берлинской и Харбинской русской прессѣ представлены весьма разнообразныя теченія нашей политической мысли. Нѣкоторое представленіе об этом могут дать слѣдующія данныя:

Берлин

	Из общ. числа *)	Из существ. пол.-лит. изд.
Ум.-дем.	1	1
Лѣв.-дем.	2	1
Крест. союз	1	—
Соц.-дем.	2	2
Соц.-рев.	1	—
Лѣв. соц.-рев.	1	—
Анарх.-синд.	1	1
Монарх.	2	—
Коммун.	2	—
Смѣновѣх.	1	1
Неопр. напр.	3	1
Укр. нац. орг.	2	—
Еврейск. нац. орг.	1	—
Всего . . .	20	7

Харбин

	Из общ. числа *)	Из существ. пол.-лит. изд.
Демокр.	4	1
Соц.-рев.	1	—
Прогресс.	1	—
Русск. нац.	1	—
Прав.	2	—
Безпарт.	9	3
Коммун.	4	1
Смѣновѣх.	1	1
Антибольш.	1	1
Антисоц.	1	—
Офиціозн. Кит. В. ж. д.	1	1
Орган. сближен. с Китаем.	1	—
Орган сближен. с Японіей.	1	—
Всего . . .	28	8

В основу этого распредѣленія Берлинских и Харбинских политико-литературных газет и журналов по их политической окраскѣ положены проспекты и заявленія их редакціей. Лишь в нѣкоторых случаях, во избѣжаніе недоразумѣній (напр., объедине-

*) Существ., прекративш. и тѣх, о судьбѣ которых свѣдѣній нѣт.

нія в одну группу изданій, завѣдомо неодинаковаго направленія) пришлось нѣсколько иначе словесно формулировать опредѣленія, не измѣняя, однако, его смысла. Возможно по каким-либо другим признакам разбить всю политическую зарубежную русскую прессу на меньшее число болѣе опредѣленных политических групп. Но и болѣе совершенная группировка привела бы к тому же выводу, что зарубежная русская современная политическая печать отражает на себѣ весь спектр современных наших политических теченій.

